

(Пост/советское)

LETTERA.ORG
014

**Майор Измайлов,
VERBATIM**

LETTERA.ORG

014

УДК 82

ББК 84

~~~~~  
**LETTERRA.ORG**  
**014**  
~~~~~

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПЕРЕГОВОРЩИКА

(майор Измайлов, verbatim)

М.: проект letterra.org, 2010. – 160 стр.

Издание публикаций серии letterra.org

осуществляется в рамках проекта:

Institution Building Partnership Programme (IBPP):

Support to EU - Russia Cultural Cooperation Initiatives

№2008/155-921

Редакторская подготовка – издательство «Логос» (Москва)

ISBN 978-5-8163-0088-9 (серия letterra.org: 014)

Публикации серии *letterra.org* выражают авторскую
точку зрения и порядок идей

© Автор – В.Я. Измайлов; запись, монтаж – «проект **Letterra.org**»
(Москва). 2010 Москва, 2010

1.	...5
афганское время гауптвахта в Германии военкомат и интервью для «Новой» до Комиссии с гаишниками, в разведбате Комиссия вместо отпуска на кого обменивать? интервью с последствиями	

2.	...47
волчий паспорт в тройственном положении сложности распределения «Возьми одного...» день независимости в Грозном у здания администрации... пограничники Ковалев и Лавер поездка с Виктором разные генералы случай Панковой два Димы как попадали... Козьменко/Хачилаев... «Люба» и жалость состояние-там Андрюша – без гарантий, без обмена	

3.	...99
Поклонский, «утрата жалости» рассказ Абдурахмана прапорщик и пасечник «Мама, с тебя 10'000...» и «Надир, нас обманул!...» Кузьмина, Бальбуров/Адаев «Из любви!...» обстоятельства: Борода, Кмс, Сабля... обстоятельства: «человеческие отношения» «Это для гигиены!» «Считайте меня просто пишущим человеком...» после плена... «Ты майор, а я генерал...» «Террорист» и другие просьба Мурада случай Ади Шарона 4 момента... ни А ни В, но С ... «Меня – не освобождать...»	

От редакции	...147
-------------	--------

Приложения:	
Полковник Бенчарский, <i>verbatim</i> (VI.2010)	...149

Фотографии	...156
------------	--------

1.

афганское время

Во-первых, я военный...

Почему Афганистан, не все же прошли Афганистан..

Я считал так тогда, считаю и сейчас: Афганистан был независимо от нас – кто-то в Политбюро так решил, а мы... я военный человек, как же быть: другие там находятся, а я нет. И уже тогда я осознал – а как люди, а как афганцы к этому отнесутся. Я считал – лучше там я буду, со своим сознанием, чем какой-то другой человек. Я считал, что я должен быть там, раз я ношу погоны и раз Афганистан существует для нас, для Советского Союза.

В сентябре 1985 г. я попал в Афганистан, до этого был несколько дней в Ташкенте – делали нам прививки и так далее, а потом буквально через несколько дней отправили в Афганистан. Первое впечатление – в самолет нас, офицеров, натолкали как селедку. Нельзя было не только сидеть – нельзя было стоять; все 2 часа от Ташкента до Кабула я стоял на одной ноге, как страус, и я видел, что людей тошнило, и у меня тоже, хотя я занимался спортом, особенно при взлете и посадке кружилась голова. Самолет был АН-12, обычно он перевозил мясо и его корпус даже не был герметичен.

И вот такое состояние – когда мы прилетели в Кабул: жара ташкентская и жара кабульская – это большая разница, там на меня *дышала* жара, такой жары я никогда не видел, но я был рад, что вообще живым долетел и мне тогда было все равно – душманы, недушманы...

Первые дни мы были на пересылке в Кабуле, а потом меня определили в бригаду, которая находилась в Пули-Хумри, рядом с нашим Термезом, а батальон, в который определили меня, находился в совсем другой части Афганистана, в Шинданте. Чтобы оттуда добраться до Пули-Хумри, надо было сначала час лететь до Кабула, потом до Кундуза еще час, затем на вертолете до Пули-Хумри и потом добираться еще машиной

У всех наших партийных, комсомольцев учетные карточки находились в Пули-Хумри, так что даже когда ты отслужил, остался в живых за эти два года, ты должен был еще раз проделать этот маршрут – и некоторые из возвра-

щавшихся там погибали, некоторые становились калеками.

Один из моих командиров роты (сам я был замкомбата), его фамилия была Сидоров, он отслужил два года в Шинданте и у него была такая старенькая шинель. А сам я прилетел с Дальнего Востока, где прослужил 4 года, свою шинель отдал сменщику, которому она понравилась, и на новое место прибыл без шинели, а это был сентябрь... И я сказал Сидорову, слушай, мне еще здесь служить два года – оставь мне свою шинель! И в этой старенькой шинели я еще долго проходил, и когда меня перевели из Афганистана в Прибалтику, и все его вспоминал.

С самим же Сидоровым случилась следующая история, когда он улетал из Шинданта по этому маршруту Кабул-Кундуз– Пули-Хумри, напали на них душманы и он получил ранение. Потом я с ним не виделся, но, как слышал, жил он в Риге и был калекой – такая ситуация...

И еще, что поразило в первые дни – мы из Кабула поехали до Кундуза вместе с автомобильной колонной, потом с другой колонной добирались до Пули-Хумри, и вот, сидели мы на бэтэре, а ребята поопытнее, солдаты, офицеры, когда мимо проезжала афганская машина (мы их называли «барбухайки») с арбузами, дынями, – они запрыгивали в кузов и выбрасывали оттуда эти сладкие арбузы и дыни как свои, т. е. вели себя не как гости в чужой стране, а как хозяева, как захватчики. И это меня поразило, и даже тот афганец сказал по-своему – ну хватит-хватит! Ну сколько можно выбрасывать!

И когда мы проезжали по Салангу (а Саланг – это 4000 метров над уровнем моря) в сентябре месяце (когда по всему Афганистану жара) под нами лежал снег и везде лежали разбитые, сожженные душманами машины, «камазы»... такие были первые впечатления от Афганистана.

Потом мы поехали обратно по тому же маршруту, на весь путь, сначала в бригаду, потом собственно на место службы в батальон, ушло больше недели...

Первый рейс еще прошел более или менее, а во втором рейсе... В Шинданте я как-то пошел в столовую и ко мне обращается один мальчик (рядовой Хейлик, он из Донецка был), невысокого роста, худенький – такие забитые обычно в столовой работали, – он подходит ко мне и говорит: я уже полтора года в Афганистане, а ничего, кроме батальонного расположения не видел, меня спросят «как ты воевал?», а я не воевал вообще, возьмите меня в рейс! – И я сказал: хо-

рошо. И мы взяли его в рейс, но я поставил ему человека, который должен был ему помогать.

Рейс был из Шинданта до Кандагара. Я был замкомандира автомобильного батальона, старшим колонны, а только в одной роте у меня было порядка 75 машин, во всем батальоне – 200 машин, и, конечно, уследить за всеми 6-7 офицерам было невозможно, но за этим солдатиком как-то следили. Но когда уже возвращались, на выходе из Кандагара направо была пустыня, и надо было свернуть направо, хотя дорога шла прямо, и надо было следить за впередиидущей машиной, но он не заметил, что она повернула направо, и поехал по дороге прямо, в сторону моджахедов. Получилось, что мы потеряли солдата – я взял его в рейс, а мы потеряли солдата, потеряли машину! Меня по рации спрашивают – где он? И вот я оставляю в пустыне батальон, а уже вечереет, и мы с несколькими офицерами отправляемся его разыскивать – уже не по колее, а по всей пустыне, даже не думая, что можем подорваться и прочее. Главное было – как-то его найти. И мысль была такая у всех нас, у меня тоже, в Афганистане: лучше человеку погибнуть, чем попасть в плен. Слава богу, что солдатик проехал 3 км в сторону моджахедов, понял, что никакой колонны перед ним нет, он бросил машину, вышел по горам к своим, нам сообщили, что он находится там-то и там-то, и мы его взяли, а наутро забрали и его машину. Такая была первая ситуация...

Афганистан за эти 2 года запомнился многим – каждый час происходило что-то. Вот один рейс – 15 ноября, сам я в нем не был, но мне сообщали, что пропал солдат (фамилия его, по-моему, была Дьяков), который первый раз был в рейсе, и вот такая же мысль: лучше бы ему погибнуть, чем попасть в плен. Нет солдата – машина его есть, автомат его в машине есть, нет нескольких гранат и его самого... И солдата находят мертвым в нескольких сотнях метров.

Он особенно мне запомнился, поскольку у меня сохранилась его предсмертная записка – он покончил жизнь самоубийством, подорвал себя гранатой, молодой солдатик, и ответа на его слова в той записке я не нахожу до сих пор. Я помню эти слова: я стал трусом, такие люди не должны жить, прошу сообщить моей маме, что я погиб как герой... (Потом его мама – одного прапорщика мы послали тело это-

го солдатику доставить семье, но он сбежал, оставил гроб в военкомате и бегом назад, – а его мама писала и спрашивала, как погиб сын...)

Для меня же, что в Афганистане, что после – будь ты трусом, калекой, да кем угодно, все равно, для своей мамы ты – сын, главное, чтобы ты вернулся с войны, каким угодно. А государство наше было настроено так, что ты должен быть победителем, героем, должен быть сильным. Вот эта установка была и в нем... Я бы ни при каких обстоятельствах, ни тогда, ни сейчас, не смог бы покончить жизнь самоубийством, а ему хватило смелости пойти на это, но он называл себя трусом – вот это мне было непонятно и тогда и сейчас, наверное это могут объяснить только психологи...

То что отличало Афганистан, может быть от Чечни тоже, это, наверное, вот что... Тогда, я уже отслужил полтора года, мы ушли в рейс и перед Кандагаром были обстреляны, попали в засаду. И со мной вместе в машине технического замыкания остались несколько человек, которых я до сих пор помню по именам. – Русский, рядовой Мотыхляев, он был разгильдяй из разгильдяев, постоянно кого-то из молодых обижал, и я с ним вечно ругался по этому поводу; литовец Микилёнис, мы его называли Микки; латыш Иглитис, он был самый молодой – всего полгода прослужил, ему было от силы 19 лет; узбек Фадзиев. И они, эти ребята, под обстрелом творили чудеса, они многих спасли, и вот последнее – надо было забрать машину технического замыкания... И первым рванулся – пули летят, даже видно, как они летят, нас обстреливали – первым рванулся латыш, Иглитис (его звали Энт, и его отчество я помню – Робертович, мы потом занимались его опознанием – пуля попала ему в голову)... И вот, лежит он на земле, без сознания, и истекает кровью, и его надо было убрать с того места – к нему подползли я и Мотыхляев. Я был на той стороне, откуда стреляли и мы ползли двести метров до бэтэра, и он, Иглитис, умер уже в бэтэре. А потом надо было еще забрать машину технического замыкания... И вот мы лежим с Мотыхляевым и я ему говорю, как на «Урале» включается задняя передача, и он потом два слова каких-то сказал, встал, этот мальчик-разгильдяй 19-ти лет, пробежал к этой машине, завел ее – я видел, как пули попадают в кабину и что машина вся изрешечена, вся в пулях – и он проехал.

Иглитис же умер в бэтэре, не довезли мы его, и я от правил сопровождать его в Кабул Микилёниса. А через не-

сколько, 4-5, дней мы добрались до Шинданта и мне командир говорит: мне этот солдатик, Микилёнис, рассказал о твоём поведении... и фактически первое представления меня, тогда капитана, к награде было сделано именно солдатом...

И еще – с Мотыхляевым я потом уже никогда не ругался, не спорил ни за что; если что было в рейсах, то я просто посмотрю в его сторону, и он тоже посмотрит в мою сторону, и мы все понимали без слов, по такому беглому взгляду...

Об Афганистане можно много говорить... Был такой со мной не то чтобы неприятный – нехороший случай: в одном из рейсов мы были обстреляны и несколько офицеров получили тяжелые ранения – Володя Иващенко, командир роты, отслуживший уже два года с лишним в Афганистане, он уже должен был уезжать, в Ташкенте его ждала невеста, сам он был с Украины, и человек приехал его менять. А дело обстояло так – пришла замена командира роты в нашем батальоне, а завтра надо было уезжать в рейс. И была такая неписанная традиция в Афганистане, которую знали все от командарма до простых людей – если приходит замена офицеру, то его в рейс не посылают. А тут замена приходит сегодня вечером, а наутро надо идти в рейс... Ну и несколько человек нас сидит, командир батальона, я, еще кто-то, и мы думаем: как поступить? И я, тогда год уже прослуживший, говорю: через два года, если со мной будет такая же ситуация, я пойду в рейс – надо посылать этих ребят. Я сказал – и этих ребят послали, и тот командир роты, кому пришла замена, Володя Иващенко, был тяжело ранен – он остался без руки, и вторая рука тоже была сильно повреждена, осколками посеколо все тело. Он находился в Кандагаре и я к нему тогда поехал, но не успел на несколько часов – его, раненого, переправили в Ташкент, где его ждала невеста, они потом поженились и у них было двое детей, две девочки – потом мы виделись у меня в «Новой газете» в 1999 г., в день моего рождения... А в том рейсе было ранено сразу несколько офицеров батальона и некоторые солдатики разболтались. Дело в чем – когда проходит несколько суток в рейсе по пустыне, то уже не обращаешь внимания на опасность мин, голова занята одним: когда же, наконец, кончится эта бесконечная пыль от впереди идущих машин, которых ты даже не видишь – ты весь в пыли, она везде.

И думаешь тогда только об одном – глотке свежего воздуха, все думали об этом. А моя забота была в том, чтобы солдаты вернулись домой живыми... Я тогда всех предупредил: если одна машина останавливается в пустыне – то все останавливаются, будешь ее обходить – можешь попасть на минное поле. И вот одна машина встала, вокруг нее возились – час, другой, уже вечерело и мы могли быть обстреляны, так что я посмотрел как ее можно обойти, проехал и начал пропускать в объезд другие машины. И вот одна машина проходит, а ее на двойном обгоне начинает обходить другая. Я бросаюсь ей наперерез, а в этой машине сидел рядовой Лесняков, из Пермской области, уже прослуживший полтора года. Я вытаскиваю его – он был босиком, без бронежилета: ему было все равно, главное хоть как-то глотнуть свежего воздуха, – сам ему едва до плеча достаю и на него кричу: подорвешься! – а он мне в ответ: я сам за свою жизнь отвечаю! И давай бежать от меня – а куда бежать: кругом пустыня! И я, хоть и доставал ему только до плеча, я ударил его головой в подбородок и у него была сломана челюсть... На следующий день, переночевав в пустыне, мы вошли в Кандагар, и я отвез его в госпиталь – там сказал: он резко остановил машину, ударился головой о руль и вот, сломал себе челюсть...

Ну, две недели прошло, он выздоровел, опять вернулся в часть, потом прошел месяц, два – и я, уже более года отслужив в Афганистане, уезжал в отпуск... и тут приходит телеграмма из части, из Афганистана: мне срочно нужно явиться. Там меня ждала выездная партийная комиссия: ты сломал челюсть солдату! – а истории уже три месяца, и очень интересный момент: этого солдата заставляли написать на меня бумагу, как так – замкомбата сломал тебе челюсть, и этот солдат не стал ничего писать, ни при каких обстоятельствах. А написал на меня другой солдатик, которому я давал рекомендацию в партию, и парторг батальона, ингуш, – после Афганистана я был у него в Ингушетии (он там был замвоенкома) и когда занимался заложниками, то несколько раз с ним встречался. Но тогда мне объявили строгий выговор с занесением в учетную карточку и чуть не исключили из партии. Но что было очень важно и необычно для меня – то, что этот солдат не написал никакого заявления на меня, как бы его ни уговаривали...

В Афганистане было всякое, я сталкивался и с очень грязным делом. Было такое, когда несколько офицеров с солдатами, такая организованная группа, они продавали аккумуляторы, колеса, патроны и т.д. В итоге они были разоблачены. Солдат сразу определили на гауптвахту, а офицеры остались при части, но они не ходили в рейс. И вот такая ситуация: кто-то был ранен, кто-то болел, да еще трое офицеров не ходят в рейсы – очень было трудно. Месяц проходит – военная прокуратура всё занимается этим делом, два, три, четыре... И вот, май месяц 1986 года – нам из офицеров вообще в рейс некого посылать – я командиру говорю: давай их пошлем, просто нет выхода! Командир согласился, их послали, они попали под обстрел сильный, многие люди в этом рейсе погибли, и все эти трое провинившихся офицеров тогда проявили мужество, они ползали, вытаскивали раненых и т.д., и когда они вернулись я командиру говорю: прокуратура ведет против них дело, но у меня не поднимается рука, я не могу после этого рейса им помнить, что они преступили закон, я пойду к прокурору. С прокурором, который тогда был в госпитале, у нас были хорошие отношения, доставшиеся по наследству от прошлого командира, и вот я пришел к нему в госпиталь и говорю: что нужно сделать, чтобы на них не возбуждали уголовные дела, чтобы они вернулись к своей повседневной деятельности? Ведь их с февраля по май не посылали в рейс! И он сказал: ты знаешь, пусть они пошлют те деньги, что выручили с продажи аккумуляторов, колес, патронов, в Фонд Мира... И я сказал это тем ребятам, и с ними сходил в банк, через который они переслали деньги в Фонд Мира, и в результате нам на часть шесть галочек поставили, что преступления совершены, но их не осудили, так что потом в командовании 40-й армии говорили: как же так, он (т.е. я), наверное с ними был связан – галочки о совершении преступления получены, а они не осуждены!

По поводу общения с афганцами: общаться с ними не разрешалось, но я все равно общался, и в каждом рейсе были такие случаи общения. Так, один раз случилось следующее – в этом рейсе я не был, там был новый командир батальона, Ярослав Турлай, он потом погиб в Афганистане, через двадцать дней после моего убийства, – в пустыне подорвались две

афганские машины, а в каждой из этих машин был товар на несколько миллионов афгани. Наши бойцы, когда проходили через пустыню – этих раненых афганцев эвакуировали, а машины остались там, – все наши бойцы вооружены были, автоматы, гранаты и так далее – что хочешь, то и делай, за всеми не уследишь, и ребята стали баловаться: стрелять по подорванным машинам, пули попали в бензобак и машины с товаром сгорели, полностью сгорели. И командир мне говорит: был конфликт с кандагарским начальником Хат, службы безопасности Афганистана, его звали Джабар. В следующий рейс ехал я, перед этим встретил Джабара и он мне сказал: послушай, каждую машину несколько, 10-15, афганских семей собираются и покупают, другую – другие 15 семей, и того уже 30 семей получается. В каждой семье, продолжал воспитывать меня этот афганец (он говорил по-русски – где-то в России 3 месяца отучился), по 10 и более детей. Т.е. получается человек 300 эти две машины кормили, и мало того, что люди подорвались – твои солдаты, неголодные, оставили этих людей голодать. И он такие слова сказал: этим людям некуда больше деваться, как уйти в моджахеды и бить ваших. Когда вы приехали в Афганистан в 1979 году, как к вам относились афганцы – вы могли ходить везде свободно, и как к вам сейчас, в 1986-м, относятся – вас убивают не только моджахеды, а простые афганцы: из-за вашего поведения, из-за того, как вы к ним относитесь. И я ему сказал тогда: давай Джабар, я живу в Советском Союзе и у нас нет собственности, «камазов» и «Уралов», и пусть твое начальство договорится с моим начальством, чтобы они к следующему рейсу что-то решили о возмещении ущерба. И на следующий день, когда я подъезжаю, Джабар опять меня встречает и говорит: начальству наплевать на это все, оно никогда не договорится, и твои люди – это говорит начальник Хат, правительственной службы безопасности, который был ранен душманами и был на *нашей* стороне, – и твои люди, говорит он, их будут убивать простые афганцы! И действительно, мальчишки проходили вдоль колонны и могли поставить магнитные мины и так далее, и ставили, и погибали люди, и я понимал тогда: если не примешь какого-то решения, то так и будет – нельзя оставлять так, ты отвечаешь за судьбы этих людей. Но есть начальство: что оно подумает – без разницы, и надо сделать так, чтобы оно вообще об этом не подумало. И есть такое место перед Кандагаром – Кучкинахут, и в этом месте хозяином, командиром роты был один старший

лейтенант (он лезгин был). Когда колонна наша проходила, иногда оставалась ночевать на этом месте и часто мы сливали ему солярку, бензин, керосин, боеприпасы оставляли и так далее. И мы с ним мылись у него в бане часто, а тут я ему говорю, Джабар рядом стоит: давай не будем никому говорить, я солью тебе столько бензина и солярки сколько надо, несколько десятков тонн, а ты этой соляркой считаешься с семьями афганцев, которые пострадали... И так и было, и никто об этом не знал, кроме нас. Если бы узнали – сообщили бы особисту, представителю КГБ при батальоне и так далее. Но никто не узнал.

Еще один случай общения с афганцами... Где-то полтора года я тогда прослужил. Добирались до Кандагара трое суток, батальон останавливался – в одном, втором месте – и мы, машины, становились буквой «П». Причем командирские машины становились так, чтобы видно было каждую машину и каждого человека. И никого постороннего, т.е. афганцев, к колонне не подпускали. Я сижу в машине, мы остановились на ночлег, уже вечерело, смотрю – на месторасположении колонны, по центру, пробегают дети афганские, 10-12 лет ребята, и с ними взрослый один афганец. Я их подзываю, спрашиваю, как вы сюда проникли, и этот взрослый, он знал кое-что по-русски, начинает мне рассказывать, что дети приносили в колонну (взрослые их посылали) часы продать, зажигалки, сигареты, фонарики и т.д., и у них этот товар отняли твои солдаты. А им, этим афганским детям, деньги надо возвращать, а все отняли твои солдаты. Я строю весь батальон, это почти 400 человек, и говорю: кто у них отнял фонарики, зажигалки? – Все молчат. Я говорю: если завтра кто-то подорвется, кто-то из этих детей подложит мину, те люди тоже не вернутся живыми... И, построив батальон, я сказал этим детям: найдите тех людей, кто отнял у вас зажигалки и т.д. – и дети нашли: четыре человека азербайджанца и один лакец, единственный дагестанец, кто был в моем батальоне. Причем он учился на втором курсе мединститута, когда его призвали в армию. И так как он дагестанец – а я из Дагестана тоже, – я сказал ему с самого начала: ты должен вести себя так, чтобы когда я вернулся, если я вернусь, мне не пришлось говорить твоей маме какие-то слова соболезнования... Я оставил этих людей, четырех азербайджанцев

и лакца (а они не признаются!) и говорю им: если какая-то машина будет подорвана – и вы не вернетесь живыми... А так как обо мне шла дурная слава, после того случая со сломанной челюстью – эта выходка стоила мне дорого, но зато после мне не приходилось выходить из машины, чтобы объяснить что-то: с полуслова всё понимали... И вот потом подходят ко мне азербайджанцы и говорят мне, что все эти зажигалки, деньги за них забрал этот парень-лакец – «ваш земляк», говорят. Я же говорю им: знаете что, мне не важно, кто забрал, мне нужно, чтобы их отдали этим детям, вернули их... И их вернули, а к этому человеку, своему земляку, я больше не подходил.

Хочется еще рассказать о взаимоотношениях между своими. За те два года, что я был в Афганистане, я почти не думал о моджахедах – они стреляли, могли убить, но о них я почти не думал, потому что мои люди могли совершить что угодно, и мне надо было смотреть за своими людьми, чтобы, не дай бог, они что-то нехорошее не совершили... Наш батальон стоял в Шинданте, почта приходила самолетами, я получал письма из дома на четвертый день после отправки – так быстро, как в Афганистане, на Дальнем Востоке я письма не получал. А многие солдаты находились на точках, куда вертолет прилетал, в лучшем случае, раз в месяц и привозил почту. И я сказал своим солдатам из колонны: когда вы проезжаете точки, вы берите у солдат письма и наш почтальон их донесет до почты, и так и происходило. И вдруг наш особист мне говорит: ты должен снять почтальона. Я спрашиваю: а что он совершил? – Он не говорит что. Командир мне сообщил, что особист сказал снять почтальона, потому что в письмах нашли деньги какие-то. А почтальон не вскрывал письма – особист сказал ему вскрывать, а он не вскрывал, сославшись на меня: Измайлов сказал не вскрывать письма и я не вскрываю, я подчиняюсь ему. Вот особист хотел снять этого солдатику с почты, а солдатик этот страдал моченедержанием, еще какой-то болезнью, поэтому-то я его на почту и определил, чтобы он в рейс не ездил. А получение почты была самая большая радость в Афганистане... И командир тогда не пошел на это, сказал, что почтой занимается замкомбата. Командиром был Ярослав Турлай. Как он погиб – его вызвали на совещание в Пули-Хумри, он долетел до

Кабула, в Кабуле самолет поднялся и был сбит.., столкнулся со своим же самолетом. Все, кто находился в самолете – погибли, и погиб он. Я об этом узнал, когда уже находился в Прибалтийском округе, вернувшись из Афганистана, что он погиб. А у него было двое детей тогда, в 86-м, сыну 7 лет и девочке 10, и он постоянно показывал мне их фотографии, сам он был из Белгород-Днестровского с Украины... Вообще он был такой душевный человек – когда я возвращался из отпуска, он так радовался, говорил: хорошо, что ты приехал, нам вдвоем с этими трудностями легче будет разобраться!.. А в самом конце моего пребывания в Афганистане, за несколько дней до моего отъезда, был такой случай, что обнаруживали деформированные снаряды, и наш инженер не хотел их взрывать (боялся или что-то), и я за это дело взялся, но не посмотрел в инструкцию, что их надо было взрывать по одному, и взорвал сразу 24 снаряда... Крыши с домов носило, стекла в магазине повыбивало и командир бригады вызвал меня и командира батальона и сказал: все вставить и т.д. Виноват был я и мне сказали: ну как это возможно, ведь ты же не специалист! – а я ответил: инженер не стал, вот мне и пришлось... Вставляли мы стекла вместе с солдатами и это была наша последняя встреча в Афганистане и вообще последняя встреча... Я его хорошо помню...

И последняя деталь, которую не могу не рассказать. Один офицер – капитан, командир роты, он был в моей бригаде, но не в моем батальоне – был очень требователен к своим солдатам, и солдатики (люди были разными, очень разными) хотели от него избавиться, подкладывали ему в пищу рвоту больных гепатитом, тифом, и он в конце концов заболел, попал в госпиталь. Вот такое тоже было...

И самое последнее, что хотел бы сказать – это женщины в Афганистане. Они попадали по-разному в Афганистан, и отношение к ним тоже было разное...

Они служили врачами, медработниками в госпиталях, продавщицами в магазинчиках при воинских частях и т.д. Некоторые, возможно, по благу попадали, потому что в Афганистане платили больше денег, чем в России. В основном женщины были молодые, до 30 лет, и отношение к ним было разное... Я помню, как провожали кого-то – женщина, прослужившая в Афганистане два года, должна была уез-

жать. И кто-то из офицеров – не из солдат, но офицеров – был недоволен ей и в ее сумочку подложил гранату, и когда на таможене ее проверяли у нее, конечно, возникли проблемы – она, получается ввозила гранату...

И еще одно, был такой замкомандира бригады по тылу, полковник, и он как бы определял, кому из женщин с кем жить. И приехала одна с Украины – она мне рассказывала – и этот замкомандира по тылу ей сказал: если будешь хорошо себя вести – будешь в отдельной комнате, а если плохо – то в общей, где 5-6 человек женщин. Вот в такое положение она попала. И еще он ей сказал: будешь жить с врачом бригады. А у врача бригады, ему было лет 40, у него была такая гусиная кожа на теле, на горле... А ей было лет 25 и она понравилась одному прапорщику, азербайджанцу, – его фамилия была Гусейнов (потом он мне звонил в газету, но мы так и не встретились). И когда они решили пожениться, то брак надо было зарегистрировать или в Кабуле, а Кабул находился далеко от Пули-Хумри, или в Мазари-Шарифе, который был ближе, но там, хотя было советское консульство, не было советских войск. И меня Гусейнов спрашивает: что мне делать? И я (а мне после получения взыскания было абсолютно все равно, и как-то стало легче даже) дал ему несколько бэтээров, и он на этих бэтээрах поехал регистрировать свой брак. Все, слава богу, прошло хорошо, они зарегистрировали свой брак и невредимыми вернулись. В части их свадьбу справляли как безалкогольную – был 86-й год, шла горбачевская антиалкогольная кампания... А в тормозную систему «камазов» зимой наливали до 200 граммов спирта (причем не технического, а именно питьевого), но он в тормозную систему, конечно, почти не шел – его по-другому употребляли, в том числе и на их свадьбе: на столах стояли обычные чайнички, но в них был спирт.

Случаев было очень много, но что от Афганистана во мне осталось – то, что все это, самые безнадежные ситуации, переносили молодые ребята, 18-19-летние солдаты... Была ситуация в таком месте, оно называлось Черная Гора. Был февраль 1986 года, пришло молодое пополнение (а в Афганистане менялись не в мае и ноябре, но с запозданием на три месяца, приходившиеся на учебку, – в феврале и в августе; и получалось, что солдатики служили больше – 2 года

и 3 месяца). Старослужащие уходили и пришла молодежь – молодежь неопытная: в учебках она больше подметала, чем занималась вождением. Никакие душманы, чтоб с ними покончить были не нужны – они сами в рейсах срывались в пропасть и прочее. И с этими молодыми солдатами я пошел в рейс в феврале и потерял колонну на этой Черной Горе – всех потерял на перевале. Останавливаюсь после перевала, в конце Черной Горы, – кругом никого и тьма. И я вынужден был отправиться в ночь, хотя мы должны были ехать только днем, потому что я на перевале потерял колонну. И где бойцы? – Они остановились на перевале и спали в машинах, и им было наплевать на душманов, что их обстреляют, – им было все равно. Мне пришлось обходить, будить их поодиночке, выводить дальше, и когда мы собрались все (это уже было в Дилораме, такое место ниже), когда мне удалось собрать колонну, я по головам считал своих солдат ночью, все ли на месте...

Нагрузка физическая в рейсах была чрезвычайно сильная и я потерял многих людей. Но как вел себя Володя Мотыхляев, другие ребята – все это осталось в памяти. Кому-то это не досталось, а кому-то – моим литовцам, латышам, мой командир батальона погиб в Афганистане – выпало по полной, и они через это прошли. А они были просто нормальными людьми, были нормальные советские люди.

ГАУПТВАХТА В ГЕРМАНИИ

После Афганистана я попал в Эстонию, а потом в Германию. Уже в Германии был такой случай, когда я вспомнил Афганистан. Я только попал в Германию, это были буквально первые дни. У меня был артиллерийский дивизион, как-то я проверяю людей, мне говорят: этот там-то, этот там-то, этот на гауптвахте находится. И я никак не могу собрать, уже неделю находясь в Германии, всех людей – и решил проверить того, кто находился на гауптвахте (это был сержант, он был с Украины). За что он туда сел? Мне сказали: этот сержант, в учебке он уже отслужил полгода, офицеры ему наказали в казарме навести порядок – а старослужащие его не слушаются, он им говорит, а они его не слушаются, и даже издеваются над ним, над сержантом. И в конце концов – издевались, избивали, не слушались, – в конце концов этот солдатик-сержант сбежал, и три дня весь полк (а это почти 2000 человек) не спал, его искал. И поэтому, говорят мне, он находится на гауптвахте. И я пошел на гауптвахту, мне открыли камеру, и когда он вышел, я посмотрел на этого солдата – мне в лицо смотрела смерть, он был настолько исхудавший. Я спросил: тебя кормят здесь? А как они его кормили – приносили еду для караульных и давали что-то ему. При этом говорили: тебе полминуты, что не съедаешь – то забираем. И он, конечно, не успевал... А на гауптвахте он к тому времени находился в общей сложности месяц, вопреки всем правилам – такого права никому, никакому командиру, не дано, чтобы непрерывно держать человека месяц на гауптвахте. Командир дивизии мог объявить лишь 10 суток гауптвахты, комполка – 7. После этого срока солдат должен быть возвращен в казарму до следующей возможной провинности. А этому солдатику писали командиры, что он освобожден и снова посажен, хотя его на гауптвахте держали месяц безвылазно... Когда я на него посмотрел – на меня глядела смерть, он не мог говорить. В его лице я увидел тех

ребят, что погибли в Афганистане. Я ему сказал: потерпи несколько часов, я иду к замполиту полка (он в общем-то был хороший человек, его фамилия была Ивченко). Сам я был заместителем командира дивизиона, иду к нему и говорю: я сегодня видел солдата, моего солдата, который, если его сейчас не отпустят с гауптвахты, то до вечера он не доживет, умрет. Ивченко мне отвечает: а ты знаешь, как он попал туда? Знаешь что мы его месяц назад трое суток всем полком вслепую искали? – А Германия (ГДР) было тогда «привилегированное» место службы (я получал там больше, чем президент страны, Горбачев тогда не получал столько (больше 1000 западных марок в месяц)) и служившим там в случае чего как бы грозили: мы вас отправим в Союз! – как если бы это было наказание. Я тогда беру бумагу и для Ивченко (он меня спросил) пишу, что я гарантирую, беру на себя ответственность, что этот солдат никуда не убежит. Тогда он говорит, ладно, раз ты отвечаешь – забирай его. Я забрал солдата с гауптвахты, привел в казарму, в туалетную комнату, где умывальники, говорю ему: помойся – он был весь в грязи, месяц не мылся. Ему принесли полотенца... Я стою над ним... и первый раз заплакал, хотя в Афганистане никогда не плакал, ни при каких обстоятельствах, – когда он стал мыться, он был такой истощенный, у него задрожали руки, и он не мог мыться. Я попросил прапорщика, чтобы он его помыл, потом его отправили в госпиталь. А заместителя командира госпиталя я хорошо знал по Союзу – мы вместе служили в Эстонии – и он мне говорит: какие звери у вас там в полку! Солдата довели до такого состояния, что он если не сегодня, так завтра умрет! Но он выжил, и я попросил его оставить у себя, каким-то кочегаром, чтобы не возвращать его в полк.

Вот этот случай службы в «привилегированной» части напомнил мне о тех ребятах, что были в Афганистане, что погибли в Афганистане... А ведь это был особый полк, который отвечал за проведение праздничных салютов по всей ГДР, на 9 Мая и т.д., один из лучших полков в Германии, и вот в этом полку так относились к этому солдату...

Эти годы моей службы в Афганистане (85-87), Эстонии (87-89), Германии (с 89-го по конец 91-го, когда стали выводить войска) как раз пришлись на перестройку. И в моей эстонской дивизии, в которой я служил, была как бы «демократия». В марте месяце 89-го были выборы в демократический Верховный Совет СССР, и в нашем батальо-

не были выборы, а в нем было много эстонцев, литовцев, латышей и они голосовали не за рекомендованных партийных (а по Эстонии шел начальник КГБ, он сам был эстонец, но даже языка не знал), а проголосовали за научного какого-то работника, который был демократически настроен. И когда после Эстонии я попал в Германию – казалось бы, она должна была быть еще демократичнее, чем Эстония, но на деле на порядок уступала ей в этом плане. Вообще отношение к солдатам, офицерам в ЗГВ было жесткое, в Эстонии оно было демократическим, более демократическим. И я с этой демократии попал как бы во вчерашний день, во вчерашний день Советского Союза.

PS: Был ли такой момент, когда я почувствовал, что Советский Союз кончится? – Никогда такого не было: ни когда в Афганистане я служил, ни в Эстонии, ни в Германии я этого не осознавал. Единственное, в Германии, в 89-91-ом, я понимал, что здесь мы живем лучше, чем те же офицеры и простые гражданские люди в Советском Союзе.

Были ли среди афганцев такие люди, которые искренне надеялись на помощь Советского Союза? – Были среди афганцев такие люди. Был у меня такой эпизод в Афганистане (когда я ездил старшим колонны, я был хуже зверя для своих солдат, т. е. если какой-нибудь солдат меня не слушается – я готов был его растерзать, разорвать; т.е. отношение к своим было гораздо жестче, чем к афганцам, к которым вообще было нормальное отношение), я не поехал в один рейс (поехал секретарь партийной организации батальона, Саламбек), а в нем солдатик из колонны продал на сторону порядка пятидесяти тонн солярки и на этого солдата возбудили уголовное дело. Я разговаривал с этим солдатом, когда он вернулся, – солдат так поступил от безнаказанности, вседозволенности, потому что такая была организация в колонне, я это понимал и командир это понимал. Я сказал командиру: я в следующий рейс поеду, с афганцами, которые купили эту солярку поговорю. И я в следующем рейсе был там, был у них на заправке, и мне афганец, который шесть лет проучился в Союзе, в политехническом институте, чисто он владел русским языком, он мне говорит: ты знаешь, тебе солярку все равно не

вернут, ты добьешься только одного, что этому, который купил солярку у русского солдата, ему отрежут голову, а солярку ты все равно не вернешь...

И из общения с Джабаром, с другими афганцами, с этим парнем из политехнического, я чувствовал, что те, кто побывал в Советском Союзе, они хорошо к нему относились и хотели вернуться... Когда убили Наджибуллу, помните, его в 1993 году повесили, – он в последнее время находился в Кабуле на территории ООНовского городка, – это было большее ощущение в Афганистане... И вот в 1989 году, 15 февраля, наши войска выходят из Афганистана, а многие же афганские люди действительно нас поддерживали, были с нами, у них семьи, мало того, что они сами оставались один на один с теми, кто им противостоял, так еще их семьи оказывались в этом положении, – и они говорили (и я готов подписаться под этими словами): ну ладно, не берите нас, но возьмите хотя бы наши семьи, наших детей!.. И многие из них потом погибли в Афганистане, были убиты, т.е. мы их втянули в это, а потом бросили. Мы их бросили... И когда говорят «Сталин живет в нас» – вот это отношение, пусть многим из них у нас оно было сочувственным, пусть сочувствие, но мы уезжали в Советский Союз, а они, кто поддерживал нас, был с нами, оставались там и многим предстояло погибнуть...

Как я отношусь к современной войне американцев в Афганистане? – Конечно, я о многом судить не могу, потому что я не там, а здесь, но в 2001 году, когда началась эта кампания, я от «Новой газеты» поехал через Таджикистан в Афганистан. И я увидел тогда ту же картину, которую видел 15 лет назад, т.е. афганцы за оплату готовы были сопровождать и помогать в чем-то... Тогда, перед этой поездкой я написал открытое письмо Бушу, что вы столкнетесь с тем, с чем имели дело мы, но фактически их ситуация оказалась даже худшей – ведь в наше время не было тех же шахидов, подрывающих себя вместе с другими. Такого, чтобы в таком количестве погибали гражданские люди, – этого не было при нас, хотя их боевые потери за те же девять лет с 2001 года (мы были в Афганистане тоже девять лет и потеряли 15 тысяч) у них, у

всей коалиции, также из англичан, немцев, даже грузин, намного меньше – не более тысячи всего...

Не могу сказать, сохранилась ли в Афганистане при американцах такая странная вещь, как «договорные зоны», что были там в советское время. Эти так называемые «договорные зоны», где моджахеды и наши не обстреливали друг друга... Допустим, я знал такую километровую полосу в пустыне под Кандагаром – внизу спокойно отдыхает-обедает наша колонна, а тут же на возвышенности чуть в отдалении мог расположиться отряд моджахедов, – наверное, были и другие. Кто как договорился – дипломаты ли, военные ли – не знаю... Но за все два года, что я был в Афганистане, эта договоренность сохранялась: сотня метров вперед-назад – уже стреляют, как «по бегущему кабану», а здесь – нет, как в «зоне отдыха».

Об этом афганском сюжете «зоны отдыха» как раз вспоминаешь, когда задумаешься о «безоблачном небе» над сегодняшней Чечней. Как так получается: в Дагестане – взрывают, в Ингушетии, в Кабардино-Балкарии – стреляют, а здесь – мир и покой! Хоть стой, хоть падай...

Относительно же того общего и разного, что я видел между боевыми действиями в Афганистане и Чечне... Вот, тот же Хаттаб завез в Чечню еще афганскую тактику: подбивается первая и последняя машины колонны, а потом спокойно расстреливаются остальные. Так было в 1987, когда колонна Прибалтийского батальона подполковника Кретинина (все новенькие «Уралы»), буквально на несколько часов обогнавшая мою колонну более тихоходных «камазов», попала в засаду у Черной горы и вся была уничтожена. И то же самое в апреле 96-го произошло с 76 солдатами колонны 245 полка на дороге Ярыш-Марды–Дачу-Борзой... А разница была видна в подрывной тактике: в Афганистане в основном ставились итальянские мины в пластиковом корпусе (на обочинах, в разломах бетонки), в Чечне же – радиоуправляемые (причем, на деревьях и столбах – для поражения десанта на БМП (Ваха Арсанов на этом в основном специализировался))

ВОЕНКОМАТ И ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ «НОВОЙ»

После службы в Германии, в ЗГВ, я попал в Жуковский военкомат. Это был уже постсоветский период, девяносто второй год. И там я почувствовал различие – те и те носят погоны, но различие в чем: в том, что в войсках с этими ребятами, с ребятами, которых призывали больными, в войсках с ними проблемы везде – и в Афганистане тоже. Ведь и в Афганистане были больные психически и страдающие моче-недержанием и так далее и так далее. Я увидел эту проблему в военкомате. Призывают всех ради того, чтобы выполнить план. И я сразу сказал себе... да, у меня семья была, жена и дочка, я вынужден был заниматься этим... Но я сразу поставил себя с первого же дня, что вот это – я, вот это – другие офицеры, вот это – военкомат. С первого дня я себя поставил так. Когда я увидел, как офицер кричит на женщину, на мать, я сразу поставил себя в такое положение, что это – я, это – другие офицеры. И я женщинам, членам врачебной комиссии, говорил: «Если вы этих людей призовете, вы понесете уголовную ответственность. Это больные ребята, их нужно обследовать». У многих женщин в военкомате, врачей, тоже были свои дети, они о своих детях беспокоились, и даже если эти дети не обучались в институте, они все равно им делали каким-то образом отсрочки от армии. О своих детях, как и те, беспокоились, а к другим было такое отношение, что даже больных можно призвать. Если начальник скажет свое слово.

И я так относился к каждой женщине, но в военкомат в тот год, в первый год для меня, пришла одна женщина, Валентина Тихомирова, ей было 54 года тогда. У нее был сын призывник. И она прямо мне сказала, а «что нужно сделать, чтобы он не пошел в армию?». Я сказал: «В вашей ситуации нужно развестись, пусть формально развестись, и год ему продержаться, пока вам не исполнится 55 лет, тогда

он не должен будет служить, потому что вы будете пенсионерка по возрасту». – Я говорил это открыто, то есть все слышали, все военкоматовские офицеры и работники. А Валентина Тихомирова рассказала мне, что она 25 лет проработала в «Комсомольской правде», а сейчас работает в «Новой газете» («НГ»). И так я с ней познакомился. А через несколько лет, Валентина Тихомирова снова пришла. Тогда началась чеченская война, это 94-95 год. Я как раз тогда начал писать в местные газеты о своем отношении к этой войне. Мало того, что я был не согласен с тем, как призывают призывников, с какой болью и проблемами сталкиваются их матери, еще добавилась эта война в Чечне. И 1 января 95-го года погиб тот призывник, которого я лично призывал, по имени Голенко. Я сказал себе: «В этом преступлении я не должен участвовать. Это преступление – война в Чечне, призыв, проходит через мои руки. Пусть я не согласен, но это проходит через мои руки. Не должно этого быть». В общем, я поставил себе целью – уволиться из армии (к этому времени у меня был стаж более 20 лет), и я поставил себе целью не призывать. Я не мог больше призывать. После того, как Пашу Голенко похоронили, после того как те ребята, которые его привезли, лейтенант и старший лейтенант – в Сокольниках находится бригада спецназ, или полк спецназ, они были именно оттуда, они привезли Пашу Голенко, труп, они жили у меня дома эти ребята. Я сказал, что преступление, я совершаю преступление, что этих ребят призываю, и я начал брать... по десять дней можно было, кроме отпуска своего обычного, десять дней можно было брать по семейным обстоятельствам. Бесконечно, сколько угодно. И в очередной раз я взял эти десять дней, когда пришла ко мне Валентина Тихомирова. И она мне сказала – я писал статьи в местные газеты, которые выходят в Жуковском, «Современник» и «Жуковские вести», где-то в общей сложности 8 материалов я опубликовал, – и она сказала: «Я читала вашу последнюю статью. Напишите для нас. Для «Новой газеты». Специально – я же не журналист, я был военный – специально для них я не писал, но один мой материал был опубликован в «Новой». Я даже не знал толком. И Валентина Тихомирова попросила меня, чтобы я дал интервью обозревателю «Новой», которая одна из самых лучших журналистов. И тогда мы встретились на квартире у Валентины Тихомировой – как говорится, пусть земля ей будет пухом, до последнего я ходил к ней, она была больна, она умерла в 2004 году осенью, – вот она меня познакомила на

своей квартире с Зоей Ерошок. Мы проговорили с ней, наверное, целый вечер, часов пять, и вышла в «Новой» эта Зоина статья, интервью, и все то, что было написано, действительно, я мог бы под этим подписаться. Все говорил я, но заголовок придумала редакция.

Фактически, он был правильный. Называлась эта статья: «Не хочу призывать в эту армию». То есть я, человек, который занимается призывом, майор Измайлов, не хочу призывать в эту армию – а сам занимаюсь призывом! И после этого меня вызвали в областной военкомат, здесь на «Площади Революции» он находится, вызвали и так демократично стали ставить на место. Не так чтобы «А! Мы тебя уволим». А просто «не хочешь заниматься призывом – ну, занимайся мобработой. Ну, не хочешь вообще работать в военкомате – занимайся бизнесом, и так далее». Вот так демократично, не повышая голос, в присутствии людей, которых я знал, которые мне были близки, меня стали ставить на место...

Я не собирался ехать в Чечню. Я не хотел – я хотел на пенсию уйти: по организационно-штатным мероприятиям, потому что мне не было к тому в времени сорока пяти лет, было только сорок, но выслуга уже была около 25 лет. Я хотел уйти на пенсию и заниматься чем-то другим. (Поэтому, не спрашивая разрешения, я учился в институте Международного права и экономики на юридическом факультете, чтобы получить другую специальность, – на юриста учился. И оставалось полгода, чтобы защитить дипломную работу.) И я не собирался ехать в Чечню, повторяю. Не собирался. А тут меня так демократично ставят на место – ты сказал «А», ты должен сказать «Б»... Я сказал на это: «Отправьте меня туда, куда отправляют моих призывников». И за это как бы руководство ухватилося, и они сказали: да, мы готовы – и сразу по-другому стали разговаривать, «мы дадим тебе на выбор даже выбрать. Вот, ты должен прийти в штаб Московского военного округа».

Ну, я пришел в штаб, тот человек, который был должен меня отправить в Чечню, он в этот момент говорил по телефону, и он говорил, повышая голос – я до сих пор помню эти слова, кому он их говорил: «Ну, не хочет он в Чечню ехать, ну, увольняй его из армии!» Так кричал он. А я, получается, хотел. И он мне сказал: «Вот, выбирай часть. На полгода ты поедешь». Так он мне сказал, хотя фактически я должен был там пробыть два года, в Чечне. То есть обманывали всех – и обманывали меня тоже. И я запланировал, что на полгода, а оказывается меня посылали на два года. И год я пробыл в

Чечне – не два года, потому что после захода боевиков в августе месяце 96-го года в Грозный мы в декабре месяце оттуда вышли. Вот так я попал в Чечню, поводом как бы послужила Зоина статья «Не хочу призывать в эту армию». И “НГ”, я повторяю “НГ”, и редакция “НГ”, она чувствовала свою вину, что я попал в Чечню из-за той публикации. Они такой заголовок придумали. Но я не чувствовал эту вину, я знал, что я должен был сказать «Б», помогла мне в этом «Новая» – сказать «Б».

И еще один момент. После того, как я дал интервью Зое, позвонил – я уже должен был отправляться в Чечню, – позвонил Александр Любимов из программы «Взгляд» мне домой и сказал, «Вячеслав Яковлевич, а вы не могли бы выступить в программе «Взгляд». Я сказал, что вообще-то готов, но дело в том, что если я выступлю, поймут не только слушатели, не только зрители, но и поймет мое начальство, зачем я еду в Чечню. – Я не ехал туда убивать. Я четко знал, для чего я еду в Чечню. И я сказал Саше: «Я три месяца прослужу в Чечне, после этого я готов дать любое интервью, а сейчас – не готов». Но через день Саша позвонил снова и сказал: «Вячеслав Яковлевич, но все-таки выступите в программе «Взгляд». Я сказал: «Ну, не могу я сейчас. Через три месяца». И тогда Саша позвонил на третий раз и снова сказал: «Ну, выступите!» Этот третий звонок был где-то 23 октября, и 24 октября я выступил...

Саша сказал такие слова – почему я согласился – он сказал: «Гарантии генерала армии Владимира Семенова (а это был главнокомандующий сухопутными войсками) вам подойдут? – Вы на 100% отправитесь в Чечню». И я сказал: «Да». И после этого я согласился принять участие в программе «Взгляд». И действительно, 24 октября я выступил в программе «Взгляд». 24-е – это пятница 95-го года, а 27-е октября был понедельник, и 27-го числа был приказ генерала армии Семенова, главнокомандующего сухопутными войсками, о направлении меня в Чечню. То есть Саша выполнил свои слова. И тогда, я помню., в том выступлении в программе «Взгляд», я привел такой пример, тогда на рынке Грозного расстреляли каких-то контрактников, каких-то солдат, и я сказал такие слова: «Видите ли, нельзя вести себя так, в том числе на рынке, как завоеватели. Нельзя ходить и как завоеватель что-то брать бесплатно с прилавка. А была

именно такая ситуация, я знаю, и кто-то увидел, и тот человек расстрелял этих бойцов. Надо вести себя по-человечески, тем более мы находимся в своей стране. В Афганистане даже так не вели!»

В Афганистане же был такой случай. Когда была ураза и нельзя было есть, а две русские женщины в военной форме шли по Кабулу и ели мороженое. И солдат, не душман, как мы называем, а солдат, который стоял на посту, афганец, который был, так сказать.... На нас работал. Он расстрелял этих женщин. Почему? Потому что они в пост мусульманский ели мороженое. Среди бела дня, когда нельзя было днем есть. Надо уважать законы страны, в которой ты находишься. Но это было в Афганистане. Это была другая страна. А в своей стране – тем более, в Чечне нельзя было вести себя как завоеватели! И раз мне предстояло ехать в Чечню, я должен был всеми своими действиями, всей своей работой показать этим солдатам и офицерам, как надо вести себя в Чечне. Мой лучший друг был из Чечни. Я его потерял, потом я нашел его. Я дружу с его братьями, сестрами. С его отцом, пока жива была – и с его матерью, отец сейчас тоже умер. Я дружил со всеми. Со всем их родом. Более того, я скажу, что сейчас моего друга нет, он умер в 2004 году, он 18 лет прожил без почек, на диализе, а его старший брат, я сейчас сужусь с Кадыровым, Кадыров подавал на меня в суд по уголовному делу – на меня и на Людмилу Алексееву – вот моим адвокатом был чеченец, который защищал меня бесплатно. Я ничего ему не платил. Это родной брат моего друга.

То есть я должен был научить, как себя нужно вести. И рязанским парням, и другим ребятам, которые не видели Чечню, которые, находясь в Чечне, видели боевиков только по телевизору. Месяц-два-три, даже год и более находясь в Чечне. Я должен был научить. Вот это была моя цель. Конечно, я считал, что рано или поздно – рано, скорей всего, – мою позицию разоблачат. Сначала, может, я буду выглядеть в глазах людей ничего, хорошим, а через три месяца... ну, максимум я давал себе полгода. Но меня и отправляют туда как бы на полгода. В общем, я продержался там год – именно продержался. Квашнин был тогда командующим Северо-Кавказским военным округом (после этого он стал начальником генерального штаба), так он, выступая перед личным составом и офицерами, бригадой, говорил обо мне: «Такой майор нам не нужен»... Через год меня откомандировали – через год, когда фактически война уже кончилась

в Чечне, наши войска должны были выходить из Чечни – в Московский военный округ, откуда я прибыл. Как бы сделали мне плохо, а получилось хорошо. Вот так. И вот так вот я попал в Чечню, благодаря «Новой газете». И что бы ни говорили, я благодарен “НГ” за такое участие в моей судьбе.

ДО КОМИССИИ

Специально я не занимался заложниками, не было поставлено передо мной такой задачи. Я скажу, в Чечне (по службе) я был с ноября 95-го по конец декабря 96-го... Тогда передо мной не стояла задача освобождения заложников. Было много других проблем. Но, во-первых, когда приезжали журналисты, меня и генералы, и офицеры, которые находились в Чечне, они связывали с журналистикой. Что этот человек имеет какие-то связи большие, и очень опасно его трогать. Я такое убеждение, или предубеждение, никогда не разоблачал, никогда не говорил, что «нет-нет-нет» Дело в том, что эта позиция – какое-то время – она мне помогала. Например, командир 205-й бригады, генерал Назаров (он сейчас в Приволжском военном округе, зам. командующего), он через полгода, это было в апреле месяце, он мне говорил о том, что «так нельзя», что я «не должен себя так вести». Я «неправильно» себя веду! – и я тогда на его слова отвечал ему тем же, на каждый его поставленный вопрос я мог дать ответ, на любой, даже на тот, который он еще не задавал, а только подумал. В конце концов, не зная, как меня поставить на место, он говорил мне: «Измайлов, дай походить генералом!» Такие слова...

Я шел в Чечню еще с другой позиции – ведь ты можешь стать жертвой и со стороны своих, и со стороны боевиков. Но я шел туда с такой позиции, что я не собирался стать жертвой ни с чьей стороны, я вел себя так уверенно. (Есть такая наука виктимология (от английского *victim*), наука о жертвах преступлений. Почему преступник выбирает ту жертву, а не иную. Какие-то книги по ней, Ламброзо, советского психолога Леви, я и читал в этой перспективе: как не стать *жертвой*.)

С ноября месяца 95-го года я находился в Чечне, а первого заложника я освободил в апреле 96-го года. Но это не

было связано с моей работой по освобождению заложников. 31 марта – Ельцин, президент России, 31 марта 96-го года, выступил по телевизору и сказал: «С 1 апреля в Чечне наступает мир». (Не сказал, правда, с какого часа, вот, и с какой минуты.) И сказал такие слова, как будто бы он – Президент всех, и наших военных, и боевиков. Но воевать-то продолжали – и 1-го, и 2-го, и 3-го. И более того, 205-я бригада, в которой я служил офицером управления, она отвечала за 23 населенных пункта Грозненского сельского района. За сам город Грозный отвечала 101-я бригада внутренних войск, а 205-я бригада отвечала за населенные пункты вокруг Грозного – за Грозненский сельский район. И с 1 апреля, командование бригадой должно было подписывать с этими населенными пунктами договор. По этим договорам мы должны были проводить разминирование. Конечно, не стрелять по ним. А население этих сел, этого района, Грозненского сельского, не должно было допускать боевиков, как будто это было... Это были смешные договоры, которые ничего не значили. Как будто бы боевики спрашивали у местного населения, заходить ли в село или не заходить! И что им делать. То есть 1-го числа мы с ними подписали договор с этими селами, а 4-го числа село Пригородное, которое находится в 4 километрах от Ханкалы, мы обстреляли! Мы стреляли по другому населенному пункту, как бы война там не закончилась – по словам Ельцина, – по Гойскому, но три снаряда «Ураган» оказались деформированы, они не полетели в Гойское, а так сказать «плюнули» в близлежащее село Пригородное, в 4 километрах от Ханкалы. Хорошо, что люди не были убиты... 18-летняя девушка была ранена, был убит скот, повывлетали стекла из домов, крыши и так далее и так далее.

И вот глава администрации этого села Пригородное, председатель (Батукаев), и глава администрации Грозненского сельского района (Бекмирзаев), они приехали в наш аэродром Северный, где находился штаб бригады, на другом конце Ханкалы: «Как же так? Вы 1-го числа подписали договор, а 4-го нас обстреляли! И люди нас просто выгнали!» Командование вызвало меня (видимо, никого лучше рядом не нашлось), проинструктировало, что «это не наши снаряды», что «прилетели они из Азербайджана или из космоса», дали особиста для уверенности, бэтээр и группу солдат и отправили объясняться в село.

Я сел в «Жигули» с Батукаевым и Бекмирзаевым – бэтээр поехал за нами. Пока ехали в село – мы говорили.

И Батукаев узнал меня по этим телепередачам «Взгляда» (Любимов приезжал и в Чечню, чтобы снимать меня – что усиливало до небес мою ауру, хоть ничем не занимайся!).

На подъезде к селу я сказал особисту и другим: «Вы оставайтесь здесь», – а сам пошел с чеченцами в село. У меня был пистолет, больше ничего.

На площади собрались в основном женщины, дети, старики (взрослых мужчин я особо не видел) и они кричали мне свои обиды. Я сказал им: успокойтесь, напишите материальные претензии, я составлю акт и представлю в прокуратуру. И все стали писать (даже те, кто не пострадал). Глава администрации мне не понадобился – я успокоил всех, собрал у них объяснительные. Уходя, посмотрел маркировку на осколках снарядов, определил, что это были наши «Ураганы» (тот же самый «град», но более современный и в несколько раз больше: вместо сорока стволов – четыре). И когда я уже покидал село, Батукаев мне говорит: «Ты к нам с добром пришел, не отнекивался, не запирался, и мы тебе обязаны ответить добром... Вчера по нашему селу шел солдат внутренних войск 101-й бригады. В одной руке он держал бутылку водки, в другой – автомат. Он пил и стрелял. Здесь дети бегают, а он стреляет! И мы этого солдата поймали, и мы бы его закопали, но так как ты с добром к нам пришел – мы отдаем его тебе». Это был первый освобожденный мною военнослужащий (а в придачу к нему мне отдали и его автомат), звали его Алексей Магер, он был из Тюменской области. С тех пор я его не видел, но слышал на одной встрече с комитетом солдатских матерей (от сибирского их представителя), что этот Алексей Магер ходит там у себя по селу и всем рассказывает, как он героически воевал в Чечне...

Что я сделал, когда приехал в бригаду: я написал от имени комбрига, генерала Назарова, генералу Тихомирову, командующему группировкой, что снаряды, упавшие на село Пригородное, были действительно выпущены нашим дивизионом, находящимся на Ханкале. Я сделал 5 экземпляров этого рапорта (все – подлинники!): один экземпляр я отдал в свою часть, чтобы отправили по почте Тихомирову (из Грозного в Грозный), один оставил себе (и впоследствии опубликовал в «Новой»), один отдал в военную прокуратуру и два экземпляра отдал Батукаеву, один – чтобы показать людям этот рапорт, а с другим обратиться в прокуратуру.

Впоследствии я узнал, что экземпляр, посланный Тихомирову через строевую часть, к нему не попал. (После

этого, в конце апреля, я и опубликовал этот рапорт в «Новой газете»).

Те съемки, что делал со мной Любимов, – они спасли меня, в частности, во время августовских событий 96-го года, когда бригада, в которой я тогда был (а я был прикомандирован к разведбатальону), блокировала возможность прорыва боевиков из Старопромысловского района Грозного (район республиканского ГАИ) в аэропорт Северный. Тогда по просьбе командира разведбата и офицера ФСБ я ездил к боевикам, которых до этого видел только по телевизору. Я должен был договориться, чтобы они отдали тех убитых, раненых солдат, что находились у них. И еще, по их идее, я должен был попытаться среди бела дня вывезти раненых из ГУОШ (главное управление оперативных штабов МВД России – потери они несли от боевиков только когда в туалет ходили), что находился в 500 метрах от республиканского ГАИ, где был расположен разведбат. Причем с улыбкой ко мне командир разведбата и офицер ФСБ обращаются: ну, к вам боевики хорошо относятся (а я их вообще не знаю! только по телевизору и видел! и это они меня к ним посылают!), если Вы без головного убора будете – стрелять они в Вас не станут. Но действительно, я поехал в ГУОШ, сидел на бэтээре, сверху, без головного убора, и стрельбы, пока я ехал, не было, и я вывез раненых.

Почему в меня не стреляли – можно только догадываться. После, в 97-м году, мы с Юрием Щекочихиным были в Ичкерии, президентом в которой уже был Масхадов, а вице-президентом – Ваха Арсанов, и мне сказали перед встречей с Вахой Арсановым: скажи спасибо ему, что ты остался в живых – когда ты тогда на бэтээре проезжал, тебя хотели «снять», а Ваха сказал «В этого лысого майора не стрелять!» И при встрече с Вахой Арсановым я сказал: спасибо, что дал такую команду, и я теперь от тебя не отстану и всегда буду обращаться, просить за тех или иных солдат, которые находятся в заложниках...

96-й год, 6-го августа – боевики вошли в Грозный. Эта ситуация была очень смешная, потому что за Грозный отве-

чала 101-я бригада ВВ, но организация была такой... что они не могли отвечать даже за себя, за то, что у них происходит внутри бригады, не то что за Грозный! Офицеры 101-й бригады, которые должны были в случае возникновения чрезвычайной ситуации прибыть к Дому правительства, – они не знали, где этот Дом правительства находится! Т.е., находясь полтора года в Грозном, они этот Грозный не знали! И поэтому, когда начались боевые действия, они шли по *центральному* улицам города и несли огромные потери – их уничтожали колонну за колонной!

В первый день нападения боевиков на Грозный командиром бригады мне была поставлена задача проверить блокпосты, их было несколько десятков, вокруг аэропорта Северный. Ночью я проходил их, пароль-отзыв и т.д., и на одном блокпосту, мне запомнилось, старшему, лейтенанту или прапорщику, объясняя ситуацию, он говорит: все мне понятно, боевики нападут, одно мне только непонятно – а куда нам отступать? Я говорю: слушай, перед тобой – минное поле, вооружение у тебя такое, какого у боевиков нет, – ты не должен никуда отступать. – Любой окоп на Ханкале превращался в такой ДЗОТ, что никак боевики не могли бойца взять, кроме единственного случая – если он побежит, если люди с блокпоста (7-8-10 человек их там было) побегут. Нужно было иметь мужество не бежать – таким образом сохраняя и свою жизнь тоже.

На второй-третий день, когда боевики напали на Грозный, я был направлен в расположение разведбата... Тогда погиб его командир, Станислав Кравцов, он стал Героем России посмертно, и временно его и.о. стал прежний его заместитель Ильин – очень образованный и умный человек. Например, я ему сказал (а мы стояли в таком месте, где находились 10-этажные дома, рядом – 5-этажные, а напротив нас – нефтянка, поле и там боевики, которые напрямую стреляли в наших людей): мы несем потери, хотя мы вооружены гораздо лучше и боевики к нам подобраться не могут, потому что находимся на открытом месте – надо наши окопы спрятать за эти пяти- и десятиэтажки. Ильин послушался и несколько дней мы не несли никаких потерь, а потом его вызвали в штаб бригады, а ему на смену прислали капитана Касатурова, который поддался на уговоры тех, кто призывал

«давайте атаковать!», и мы сразу стали нести потери. Кто начал атаковать – все погибли, убитых и раненых бросали на месте, на произвол боевиков, и отступали... Я стал кричать на Касатурова: «Кто ответит за этих убитых!? Кто перед их матерями ответит?»

По поводу взаимоотношений... Руководителем республиканского ГАИ тогда был полковник Лёма Магомадов, сейчас он вице-премьер Чечни. Один из его помощников, Магомед Байбатыров, подполковник, уже тогда ему было 59 лет, как-то говорит: «С одной стороны по нам стреляют боевики, с другой – ваш разведбат стреляет во всех чеченцев! Если ты будешь ночевать в здании республиканского ГАИ, то ваши не будут стрелять в нас». И я стал ночевать в здании республиканского ГАИ (раньше это был старый грозненский аэропорт). У Лёмы Магомадова на стульях я несколько дней провел. Потом мне Магомет говорит: Слава, мне 59 лет, мне надоело на стульях ночевать – мне дали ключи от одной квартиры, давай там одну ночь проведем! Ну, мы пришли в эту квартиру... Вдруг посреди ночи началась стрельба. Я ему говорю: надо выйти, начнутся боевые действия, а нас на месте не будет! Он мне: слушай, так надоело воевать – давай здесь спрячемся!.. Этот человек потом (уже где-то в 1999 г.) без вести пропал. Можно сказать, что его нету сейчас в живых. Но я его встречал еще и в масхадовской Чечне...

18 августа – чем этот день примечателен. В этот день место начальника группировки замещал генерал Пуликовский (тот, который был представителем президента на Дальнем Востоке). В этот день Пуликовский объявил прекращение огня на 48 часов, чтобы простые чеченцы могли выйти из Грозного, чтобы потом его зачистить от боевиков... В эти 48 часов, действительно, вывозили людей на Ханкалу...

А я находился у Лёмы Магомадова в ГАИ, спал на стульях и т.д... И сначала командир разведбата и офицер ФСБ подошли к Лёме, т. е. подошли ко мне, чтобы вместе обратиться к нему и сказать: Давай твои гаишники пойдут к боевикам, там у них есть раненые, убитые, пленные у боевиков, чтобы они как-то нам их отдали. И пошли два офицера из ГАИ, два чеченца, к боевикам – утром они ушли, вечером вернулись, доложили, что боевики сказали следующее: «Мы

отдадим вам убитых, раненых, если разведбат с этого места уйдет» (а мы находились там по приказу – т.е. это нам не подходило)...

И тогда командир разведбата и офицер ФСБ и подошли ко мне с улыбкой: Не могли бы Вы пройти к боевикам?.. Как бы я готов был к этому, что мне это предложат, и относился к этому спокойно, и знал, как себя вести (хотя, повторяю, боевиков я тогда видел только по телевизору). Я и пошел договариваться с боевиками, чтобы отдали наших убитых, раненых... Дали мне машину, «Урал», водитель на «Урале» сидел, солдат контрактной службы, года 22 ему было, дали белый флаг переговорщика... И я встал на подножку этого «Урала» и, махая белым флагом, мы потихоньку поехали туда к нефтянке. И вот, перед первыми окопами боевиков «Урал» остановился... Я посмотрел на водителя – водитель был весь мокрый, весь мокрый от напряжения! Я ему сказал: «Ты оставайся в машине, я пойду один». И я через окопы пошел туда, к боевикам. Пятиэтажные здания там находились, и со всех этажей мне кричали: «Аллах Акбар! Аллах Акбар!»

Я подошел, меня окружили со всех сторон боевики. – Абсолютно я чувствовал себя спокойно, абсолютно никаких мыслей дурных у меня не было. И я сказал: «Я – майор Измайлов, я пришел сюда, чтобы вы отдали нам погибших». И сказал: если ваши погибшие будут у нас – мы тоже отдадим их. (Хотя я был не самый большой начальник, но взял инициативу на себя, как если бы это зависело от меня).

И мне даже не дали притронуться к этим погибшим ребятам (хотя до этого вообще отказали нашим чеченцам из ГАИ), погрузили убитых на плащ-палатки и рабочие (чеченцы и русские), которые копали окопы, потащили их через несколько рядов окопов к этому автомобилю. У меня самого не хватило бы сил тащить их эти 150-200 метров... И вот, они загрузили этих погибших, и стоят эти боевики: один из них был начальником разведки (я его потом встречал после войны, мы встречались в кафе)) и другой человек – не знаю, кто это был, – он весь был перевязан ремнями, и на ремнях был пистолет – не было кобуры, был пистолет. – А у меня была кобура, но в кобуре не было оружия.

Дело в том, что в июле месяце, 27 или 28 числа, за десять дней до начала августовских событий, я сдал свой пистолет и автомат на склад (я потом расскажу, почему), и у меня не было оружия – только граната у меня была в кобуре

(еще подсумок был с гранатами, подаренный гаишниками, но я его оставил, когда пошел к боевикам). И окружившие меня боевики – тот, перевязанный ремнями с пистолетом, он мне говорит (а за все время на том месте, мы почти месяцам стояли, до конца августа, никто из разведбата не обнаружил, что у меня пистолета нету, что я, майор Российской армии, вышел воевать без оружия), – он, первый, кто увидел, что у меня нет оружия, говорит мне, когда пошел у нас разговор и я сказал про их убитых и раненых (а сначала их командир мне сказал: «Мы знаем тебя, ты – майор Измайлов, ты делаешь очень много для своих солдат»): «Я смотрю, у тебя в кобуре нет пистолета – можешь мне подарить кобуру?» – А у меня в кобуре была граната и запал был вкручен в гранату. И вот, я расстегиваю ремень, кобуру, достаю из нее гранату и в присутствии боевиков откручиваю ее запал – а они никак не реагируют на мои манипуляции с гранатой (хотя я мог ее и всех взорвать), они во мне уверены, и я это чувствую, я чувствую и то, что они могут что-то подумать, но и уверенность была у меня, что они этого не подумают... Открутил я запал у гранаты, кладу гранату в один карман, запал в другой и даю кобуру этому боевику. Потом опять надеваю ремень и говорю ему: «Ты мне подари тоже что-нибудь!» – У нас получился контакт, уже пошло прямое общение, я был уверен, что они – как ручные: что ни попрошу – они дадут, сделают... Он говорит: «А что я тебе подарю? Вот, у меня есть нож». И он подарил мне нож. А на ноже том был выгравирован волк... И я говорю, чувствуя, что могу задавать и те вопросы, задавать которые раньше и не подумал бы, спрашиваю с улыбкой: «Ты ножом этим головы не резал?» – «Нет, – тоже с улыбкой мне отвечает, – только хлеб». И я беру этот нож.

Уже в конце нашей беседы я сказал: «Эта война, этот идиотизм рано или поздно кончится. Не стреляйте вы в нашу сторону, а мы не будем стрелять в вашу. Но я не главный здесь, и если будут стрелять в вашу сторону – не я давал это указание. И руководитель их пожимает плечами и говорит: «Все в воле Аллаха!»

Так я вывез наших убитых бойцов, что были у них и что они чеченским гаишникам не отдали, и следующие три дня, на три дня их хватило, наши слушались меня беспрекословно: что я говорю, то они и делают. Мы не несли потери...

с гаишниками, в разведбате

И еще я не могу не рассказать такой случай, уже две ходки я сделал к боевикам за убитыми, уже определенный авторитет у меня был. 19 августа – 18 августа Пуликовский объявил о прекращении огня – рано утром, ничего не говоря мне, хотя с Лёмой Магомадовым у меня уже сложились отношения, я ночевал у него в ГАИ на стульях, чеченские машины выстраиваются на улице и уходят одна за одной – все покидают пост ГАИ! И вот Магомет высовывается из своих «Жигулей» и мне говорит: «Поехали с нами!» Я ему отвечаю: я здесь нахожусь по приказу моего командования и дезертировать я не могу. Магомет на это: «Ты правильно делаешь»... Т.е. машины ГАИ полностью ушли, их здание осталось бесхозным... Первое, что сделали наши, – это открыли и взломали все сейфы, вытащили все документы, в туалет сходили, и по маленькому и по большому, в здании ГАИ. И я еду по этому поводу в аэропорт Северный и говорю Лёме: ты что, не собираешься возвращаться в здание ГАИ? Это что, в последний раз ты там был? Туда же сейчас невозможно войти! Дай мне кого-то из своих людей, чтобы хоть как-то охранять здание! И Лёма мне тогда дал несколько офицеров ГАИ, пять человек, и они спали на первом этаже здания.

Мы несколько дней были вместе – это были самые откровенные беседы. Так, самый страшный рассказ, что я вынес с войны, была история, рассказанная одним из старших лейтенантов, Арби его звали, тогда ему было лет 36. Он рассказывал о том, как его дочка, девочка 12 лет, заболела раком. И она просила у папы во время войны, во время боя, это были как раз августовские события, кассету с индийским фильмом, и он нашел эту кассету... Когда он рассказывал это, я не видел его лица – было темно, но я чувствовал, что слезы каплют из глаз этого мужественного человека. Она умерла, эта девочка...

Был еще такой эпизод. Когда я стал проверять своих людей, как они несут свою службу ночью – боевики могли ночью прорваться, – прохожу мимо одного окопа, а там

горит маленький костер, на костре чайник, и сидят бойцы, человек 7-8. Я подхожу к ним – один боец, контрактник, перешедший к нам из другого полка, он стоял около Шатоя, рассказывает что-то солдатам. Сам он уже меня увидел, но продолжает свой рассказ о том, как он в Гойском стрелял в семи-восемилетних мальчиков и убивал их, «чтобы из них не выросли боевики». И все слушали его, не проронив ни слова. И я подошел и слушал его, и от такой наглости, я не нашелся, что ему сказать. Ночью, не видя его глаз, я не нашелся, что ему сказать, я был растерян (хотя на то время я уже дважды ездил к боевикам) – именно тогда, от этих слов.

Я вернулся в то здание ГАИ, где находились пять гаишников-чеченцев – я им рассказал об этом. И они молчали...

И утром рано, когда только рассвело, я пошел на этот пост, я всех построил, я вывел этого солдата-контрактника и сказал: «Я – майор Измайлов, я живу там-то и там-то, по такому-то адресу в такой-то квартире. И я хочу, чтобы все знали, я все сделаю для того, чтобы все знали твое имя». – И он растерялся, не проронил ни слова. И эти бойцы, которые там были, некоторые из них прошли Афганистан, и потом они ко мне подходили и говорили, что они тоже были растеряны... Они все боялись не пули от боевиков, они боялись своего, во время боя! – И тот ни одного слова не сказал.

А через два дня приехал старший офицер ФСБ из бригады, и он подошел ко мне и вызываяще так говорит: «Вы для чего здесь находитесь?» – А он был майором, и я был майором. Он говорит: «Вы будете писать объяснительную в моем кабинете!» – Т.е. этот контрактник, он рассказал все этому майору. И я ему говорю, так в лоб: ни при каких обстоятельствах я не буду в Вашем кабинете и Вам лично объяснительную писать не буду никогда! И он как бы немного успокоился и уехал. А я остался в разведбате до конца.

И вот, когда Лебедь договорился с Масхадовым в конце августа – а мы стоим с боевиками друг против друга, – командир разведбата подходит и говорит, что мы должны отойти, мы уйдем, а чтобы обеспечить отход на ночь, ну, на день-два, останется один взвод. А до этого, мне настолько надоела война и настолько я был раскомплексован – мне надоело все: надоело есть пшенку (бойцы ели собак – и не потому, что они были голодны, а потому что просто хотели

мяса – сдирали с них шкуры, они потом везде валялись, я их находил), все, чем кормили, чем поили, эта грязь, эта пыль, – я говорю одному из гаишников, Адам его звали (он сейчас майор ГАИ, живет в Саратове), говорю ему: «Адам, надоела эта тушёнка, давай залезем куда-нибудь, своруюем, что ли, яблок или груш!» И Адам говорит: «Давай!»

И вот, мы отлучились (довольно далеко от месторасположения разведбата), залезли в один сад и начали обрывать груши, яблоки, сливы, что там висели (воровать, по существу)... И тут проезжают мимо на машине боевики (это была зона их ответственности). Адам кричит мне: «Боевики!» И заводит меня в один дом, говорит: «В женское отделение, быстрее, залезай под кровать!» – Ну, в женском отделении я не стал под кровать залезать... Боевики остановились, спросили у людей, нет ли кого русских, и поехали дальше. И вот я думаю, если бы я им попался, попал в плен – все бы в бригаде только и говорили: «А! Майор Измайлов! – он воровал, залез в женское отделение и сдался в плен...» Но, слава Богу, боевики меня не нашли, и мы с яблоками и грушами (и с дыней еще) вернулись в часть.

На месте же Касатуров, командир разведбата говорит: «Тридцать человек остаются, остальные отходят». Я спрашиваю: «А мне что делать? Мне тоже с вами отойти?» – Мне уже надоела эта бригада, надоел разведбат и его проблемы, мне тоже хотелось отойти! И он говорит: «Решайте, как сами считаете нужным». И я, вот с этой дыней, иду к автомобилю «Урал», где сидел как раз тот водитель, с которым я первый раз ездил к боевикам, – иду с этой дыней и боковым зрением вижу, что остается тот взвод, в котором тот солдат был, что говорил «я стрелял по чеченским детям». Он остается, а я с этой дыней, вместо того чтобы автомат нести, иду к машине, чтобы уехать. Я иду с этой дыней и боковым зрением вижу того контрактника – он стоит во весь рост и мне говорит так подчеркнуто: «*До свидания, товарищ майор!*»

Я ему не отвечаю ничего, донес эту дыню, минуточку, до «Урала», по ходу понимая: если я уеду сейчас, то все, что я делал, говорил, в том числе этому бойцу, все это окажется только словами. Я отдаю дыню и говорю Касатурову: «Ты знаешь, я останусь с этими тридцатью». И я остался с ними.

Я понимал, что самое безопасное, господствующее над местностью, расположение – это крыша десятиэтажки... Ночь мы провели на старом месте – я продержался, хотя мог бы стать жертвой со стороны своих, фактически; а утром, еще восьми утра не было, боец кричит мне: «Товарищ майор, Вас вызывает командир бригады!» Я ему отвечаю: «Я вам не верю!» (А дело было в чем, в прошлый раз, когда меня «вызвали по связи» к командиру бригады, разведбат вывез всё что можно наворованное из соседних десятиэтажек – обманули меня!) Он: «Ну, подойдите-подойдите, Вас вызывают!» – Командир бригады приказал мне вернуться в расположение бригады, но и этот взвод тогда уходил... так что я до конца оставался с ними.

Когда в конце августа я прибыл к командиру бригады, он сидит с генералом, проверяющим из округа, я перед ними, и командир бригады говорит: «Жалуются тут на тебя, майор Измайлов!» Спрашиваю: «А кто жалуется?» – «Разведчики жалуются и ФСБ жалуется, говорят, что ты им не давал воевать; что ты без головного убора ездил к боевикам!» – Я ему не возражаю, я полностью уверен в себе, что он мне не скажет – на одно его слово десятью отвечаю. Говорю ему: «Да, я без головного убора к боевикам ездил. – «А почему без головного убора?» – «Чтобы они меня узнали и не стреляли в меня!» И он никак меня перед проверяющим не может поставить в неловкое положение, а мне внутри даже смешно. И в конце он говорит: «Я подумую, что с тобой делать».

И на следующий день он подумал, видимо, что со мной делать, и говорит: «Я придумал, тебе надо уехать в отпуск». – Война (пусть формально она и закончилась), никого никуда не отпускают, а меня отправляют в отпуск! Я говорю: хорошо, но можно мне сначала съездить на Ханкалу (на Ханкале находился госпиталь), чтобы получить путевку в санаторий. Комбриг мне: езжай! Я ему: а насколько мне брать отпуск? – Он в ответ: бери по максимуму! А «по максимуму» получалось где-то 90 дней – он: бери-бери, лишь бы тебя здесь не было!

КОМИССИЯ ВМЕСТО ОТПУСКА

С 10 сентября я должен был уходить в отпуск. А 9 сентября, я уже приготовился к отъезду, время уже к обеду, я иду по Ханкале, а навстречу мне идет Виталий Иванович Бенчарский. Виталий Иванович, полковник Генштаба, он возглавлял группу по поиску без вести пропавших и незаконно удерживаемых, – с ним у меня были хорошие отношения, он полностью меня понимал; он подходит ко мне и говорит, что должен уезжать на переговоры вместе с Федоровым (а дело было в чем: переговоры с Масхадовым вел замминистра МВД России генерал-лейтенант Федоров, и в его группе были разные офицеры, в том числе Бенчарский, который вел переговоры по заложникам, и к тому времени уже были созданы совместные российско-ичкерийские комендатуры, где вместе несли службу и российские, и чеченские военнослужащие (кстати, командиром центральной комендатуры (а всего их было четыре) в Грозном был генерал-майор Овчинников, он впоследствии, во время второй кампании, стал командующим Внутренними войсками России), и чтобы генерал Федоров поехал из Ханкалы в комендатуру, которая находилась на другом конце города, где-то в часе езды, должен был быть собран для его сопровождения совместный наряд из российско-ичкерийской комендатуры). У него была служебная «Нива», он с ней что-то завозился, а Федоров тем временем уехал, так что он мне и говорит: «Вячеслав Яковлевич, говорят, когда Вы едите без головного убора, Вас боевики не останавливают – сопроводите меня в комендатуру!» Я говорю: «Вообще-то, я должен уезжать в отпуск, и мне сказали: «К КПП ближе чем на сто метров с нашей стороны до отъезда *не подходит*!» Я и не подхожу». Он мне: «Но Вам же не запретили *подъезжать*?..» – ну, мы с Виталием Ивановичем 9 сентября садимся в машину и едем в Центральную комендатуру, и нас по дороге никто не останавливает, мы туда приезжаем, и все, кто там был из

ичкерийцев, которых я раньше и не знал: Масхадов, Казбек Махашев (министр МВД Чечни), другие – они подходили ко мне и обнимались. И Бенчарский, все это увидев, сказал мне: «Вячеслав Яковлевич, Вы должны работать с нами! Я договорюсь с Тихомировым...». – Так я и попал в команду по освобождению заложников*. В отпуск же тогда я так и не уехал.

на кого обменивать?

Мне ставятся две задачи. Первая задача – нахождение мест захоронения российских военнослужащих и вторая задача – оказание помощи в освобождении пленных. Эти задачи мне были поставлены официально. Я был прикомандирован к группе розыска без вести пропавших Комиссии при президенте России. Мое место постоянной дислокации было в центральной комендатуре, там находились только офицеры МВД России и я – единственный офицер министерства обороны.

Первая задача – нахождение мест захоронения российских военнослужащих у меня пошла хорошо. Сразу. Я выступил по местному телевидению в Грозном. И сказал такие слова, которые мне.... То есть комиссия должна была находить места захоронения *российских* военнослужащих, а я выступил по грозненскому телевидению и сказал о местах захоронений *всех*: и чеченцев и русских. И вот люди приходили сюда, в комендатуру и рассказывали мне. Мне помогали не только простые люди, гражданские люди, мне помогали и боевики, которые знали о местах захоронения российских военнослужащих, где они были расстреляны. Я ездил в те места, наносил их на карту, после этого ездила эксгумационная команда, и выкапывала погибших. И потом их переправляли в 124-ю лабораторию в Ростове. Вот эта задача – нахождение мест захоронения у меня пошла. А вторая задача, освобождение пленных, – эта задача у меня *не шла*... Долгое время.

И один день в сентябре месяце Масхадов должен был встречаться с Лебедем, а боевики меня отвезли туда раньше, за два часа до прилета Лебеда, в Новые Атаги. Это было в Новых Атагах. В доме Резвана Лорсанова. У Резвана Лорсанова был цементный завод. У него был трехэтаж-

* См. Приложение I. Полковник Бенчарский, *verbatim* (VI.2010) – с.149 слл.

ный дом. В этом доме находился Масхадов. Меня привезли туда. И состоялась моя встреча с Масхадовым. Я сказал Масхадову: «Мне поставлены такие-то задачи, нахождение мест захоронения и обмен пленными». И мы пили с Масхадовым чай с лимоном и ели творог со сметаной – нам дали. Никакого спиртного не было. И Масхадов мне сказал: я тебе помогу с этой задачей – я тебе дам человека, который будет отвечать за твою жизнь, который будет с тобой ездить везде, ты сможешь бывать везде, в различных отрядах боевиков, и если ты сможешь договориться с ними, то эти люди выйдут.

Но мне – чтобы выменивать кого-то – не было такой возможности. У нас не было боевиков. Последние, которые были, их обменяли на 30 военнослужащих российских. Обменивал Слава Пелипенко, и на кого он их обменивал... Двое были действительно боевики, один Нагасаев, фамилия была у него, второй Абдразаков. (Я был в доме у Абдразакова, у его брата в доме, сутки я был там, на ночь оставался и все такое. А у них был российский военнослужащий. И он мне говорил: «Вот если моего брата обменяют, тогда...») Вот, Слава Пелипенко обменивал этих двоих и еще три было чеченских журналиста, которые никакого отношения к боевикам не имели. Вот этих 5 человек обменивали на 30 человек наших. После этого не на кого было обменивать! Все были уничтожены. Расстреляны. Уничтожены. Все боевики – у нас. А у меня стояла задача освобождения пленных. На кого я буду обменивать этих пленных?!

Я Масхадову об этом говорю. И Масхадов мне дает человека, который должен был обеспечивать мою безопасность. Звали этого человека Завали Ахаев. Этот человек был с двумя высшими образованиями, он был порученцем у Джохара Дудаева... Вот, Завали Ахаев 46-го года рождения, он был со мной потом *день и ночь*. Куда я ездил, туда и он ездил вместе со мной. Ночевал я... в комендатуре я очень редко ночевал, большей частью у него дома – в Аргуне, у других боевиков. Везде ездил – в Шатой, Ведено, в Итумкале я ездил вместе с ним... И когда Слава Пелипенко менял людей, я знал, во-первых, что *и второй человек* находился в доме у Абдразаковых. То есть одного Абдразаковы обменяли, а второй солдатик, который находился в их доме, – они его не обменяли. Они отдали его мне безвозмездно.

А еще у боевиков находился Борис Сорокин, из Москвы, и Виктор Андреенков с Дальнего Востока, из

Амурской области. (Мама Бориса Сорокина находилась на Ханкале, отец Виктора Андрееenkova тоже находился на Ханкале.) И я занимался ими... Но боевиков у меня не было. Некого было отдать взамен. А начальником лагеря для военнопленных был один человек, звали его Мовлади Раисов, здоровый такой (он был замначальника Департамента госбезопасности в Чечне впоследствии, сейчас покойный, его убили...). Я встречаюсь с ним, с Мовлади Раисовым. Говорю всё, мы разговариваем. Я получаю у него, он дает мне добро на этих двух солдат, Бориса Сорокина и Виктора Андрееenkova, которые около года находились у боевиков...

Почти месяц я ими уже занимаюсь, но то не могу с ним встретиться, с Мовлади Раисовым, то он от меня уходит и так далее и так далее. В конце концов, я его встречаю очередной раз и говорю ему: «Ты же дал офицерское слово мне при всех, что ты их отдашь мне! А сам не отдаешь, – я говорю. – А я должен уехать в отпуск». А он мне: «Из-за таких, как ты, я уже два года не нахожусь в отпуске!» И он говорит: «Ты, Слава, офицер, и я офицер. Я без приказа президента Чечни (а тогда президентом Чечни был Яндарбиев) – не могу отдать этих двоих». Я ему говорю: «Почему ты мне сразу не сказал об этом, а сказал, что дашь мне!» То есть это уже был октябрь месяц 96-го года. А я без головного убора, чтобы меня узнавали везде хожу! И без бушлата! Уже холодно! Я в этой камуфлированной форме везде хожу. А за мной Завали Ахаев везде ездит и так далее, так далее. Я уже устал. Я в растерянности. А Мовлади Раисов мне такие слова говорит!..

А рядом стояли Завали Ахаев и еще один чеченец, по-моему, его звали Ибрагим. Им стало меня жалко. Им. Не генералам меня жалко, а ичкерийцам-боевикам стало меня жалко, что я столько времени занимаюсь, не могу освободить этих ребят. И Ибрагим мне говорит: «Мы из-под земли Яндарбиева достанем! Мы достанем... Сегодня же». И мы поехали. Ночью. В Старые Атаги. Встретились с водителем Яндарбиева. Тот позвонил его порученцу. Где-то около 12 ночи я встретился с порученцем. На улице. Свет фар от машины. Он мне говорит: «Яндарбиев тебя сейчас не примет, но ты можешь написать ему записку». И я при свете фар – две машины осветили друг друга – пишу ему записку. Я пишу записку, что я – майор Измаилов, что я сделал свой выбор в жизни, и что Мовлади Раисов обещал в присутствии министра МВД Чечни Казбека Махашева отдать мне этих людей, и еще в присутствии кого, и он мне не отдает. И я уже сделал

свой выбор, отдадут мне, не отдадут, я буду таким всегда. В общем, такие вещи я писал в этой записке, я писал ее где-то, наверное, на две странички. Отдал ее порученцу. Порученец через два часа принес ответ от Яндарбиева. На этой моей бумаге он написал следующие слова, которые я помню *досконально*: «Казбеку Махашеву, министру МВД Чечни. Решить вопрос с майором Измайловым согласно договоренностям». Ичкерийцы прочитали этот ответ. Они говорят: «Это какой-то невразумительный ответ!» То есть решить вопрос с майором Измайловым «согласно договоренностям»... А какие были договоренности?! Их можно по-разному интерпретировать. Я говорю: «Мне этого *достаточно*. «Согласно договоренностям» – я найду, согласно каким договоренностям».

Я утром следующего дня еду с этим письмом к Казбеку Махашеву. И говорю: «Вот, так и так. Мовлади Раисов сказал, чтобы к президенту Чечни Яндарбиеву я обратился. И вот – он написал своей рукой!» Казбек Махашев: «Да, это почерк Яндарбиева». Он вызывает Мовлади Раисова и говорит: «Отдай майору Измайлову. Вот решение президента». Отдай майору Измайлову!.. И в этот же день Мовлади Раисов привозит Бориса Сорокина и Виктора Андрееenkova. И когда он их привез – там матери их, отцы... я не пошел на встречу с ними. Я представил себе эту казарму на Ханкале... В этой казарме находились матери пропавших солдат российских. Порядка 200 человек российских матерей. И вот я представил себе, как Бориса Сорокина и Виктора Андрееenkova, живых, приведут в эту казарму, и будут радоваться матери, родители этих солдат. И другие матери, у них будет надежда, что их дети живы... Но я-то знаю, что у большинства этих матерей дети *погибли*. И реально можно найти только трупы этих детей... А некоторые... (это же осень была, когда я их освободил, было 14 октября, они попали в плен ровно 10 месяцев назад, 14 декабря 95-го года), – я представил себе такую картину, что некоторые матери будут жаться к батарее от холода и будут завидовать матери Бориса Сорокина и отцу Андрееenkova, что их дети освобождены. Вот я и не пошел на встречу с ними.

А вечером того же дня я узнаю, что на следующий день они не уезжают со своими родителями, потому что *ФСБ* должна их допросить! Тогда Виталия Ивановича уже не было. Занимался этим... руководитель отдела по освобождению заложников был другой человек, я не помню его имени, фамилия была Яйцев. И он такой демократичный. Уже ему

за 50 лет. И он мне говорит: «Слушай, их должны допросить офицеры ФСБ». Я говорю: «Что?! Когда я занимался их освобождением офицеры ФСБ не работали, не помогали!» Я иду к Назарову и потом Яйцеву говорю: «Вот вам ночь сегодняшняя. Пусть они ночью сегодня допрашивают их, а завтра я их забираю!»

интервью с последствиями

Почему я уехал в Москву, потому что было такое ...

Я выступил у Андрея Бабицкого на радио, Лёма Чабанов (тогда он стажировался у Андрея Бабицкого, впоследствии стал председателем телерадиокомпании Ичкерии) брал у меня интервью. Тогда я поехал с боевиками из Аргуна в Грозный, чтобы ночью – в 11 часов было это интервью – дать это интервью. И в этом интервью я сказал то, что хотели от меня боевики слышать. За что они мне отдавали без обмена солдат. Я сказал, что мы все идиоты, наш командир... примерно так, идиот...

Я – офицер российской армии... и после этого интервью Андрею Бабицкому Квашнин сказал: «Такой офицер нам не нужен». А замкомандира бригады приехал на Ханкалу и сказал: «Все! Мы даем тебе отпуск – уезжай в отпуск!»

Но я тогда Бориса Сорокина и Виктора Андрееenkova еще не освободил... Я лег на один день в госпиталь на Ханкале. Врач оказался очень хороший. Он действительно сказал, что у меня повышенное давление и так далее и так далее. И я уехал из этого госпиталя, опять занимался Борисом Сорокиным и Виктором Андреенковым, хотя у меня шел официально уже отпуск в октября месяце, не помню... с 10 октября. И уже *с ними* я уехал. С Виктором Андреенковым и Борисом Сорокиным. А еще со мной ехали вместе в самолете Саша Черкасов из «Мемориала», его жена, тоже работница «Мемориала», и еще мать, которая украла своего сына в Чечне, у военных. Всех я их вписал в свою командировочную, потому что им, чтобы уехать, надо было платить, а мне – бесплатно. И так я всех и записал: «Освобожденные заложники». Всех. Заложниками.

II.

волчий паспорт

Конец 95-го и весь 96-й год я провел в Чечне. Последнее время занимался освобождением заложников, по приказу командующего группировкой российских войск в Чечне, тогда генерал-лейтенанта Тихомирова. И был такой случай, когда... очень-очень примечательный случай. Я об этом случае обязательно должен рассказать.

Тогда я занимался освобождением заложников официально и находился в Аргуне, туда поехал вместе с ребятами из «Взгляда» и из «Новой газетой». (Один был из «Новой», другой был из «Взгляда».) Они остались там, а со мной вместе был Завали Ахаев, которого Масхадов мне дал... И вот мы находились в доме одного человека и находились боевики, ребята, вместе с нами.

И был такой журналист Лёма Чабанов. Он стажировался тогда на радиостанции «Свобода», это было первое интервью, его первый вообще репортаж. И он хотел вообще взять его у меня. И для этого я должен был поехать в Грозный. Поэтому Завали Ахаев – так как за меня он отвечал, он всегда со мной и был – он Лему Чабанова инструктировал, говорил: «Ты берешь его только туда – в Грозный и обратно». Это был октябрь 96-го года. За рулем «Жигулей» сидел один боевик, Лёма Чабанов и я. Мы поехали втроем в дом, где находился Андрей Бабицкий. Лёма Чабанов должен был забирать нас где-то около 12-ти. Но мы засиделись там. Около 12-ти Лёма Чабанов взял у меня интервью. И где-то в 2 часа ночи мы возвращаемся обратно из Грозного в Аргун. У нас были «Жигули», за рулем боевик с волчьим паспортом, гравировка волка на паспорте, Лёма Чабанов и я рядом с водителем сажу. Лёма на заднем сидении. Ну, мы возвращаемся, разговариваем.

Две дороги ведут в Аргун. Одна мимо постов через мосты, поблизости от Ханкалы как раз эта трасса, эта территория. Там было три блокпоста российских. Два поста моих, 205-й бригады, и один пост внутренних войск. А трасса основная – это трасса Ростов–Баку, там на Аргун – из Грозного в

Аргун. И он не поехал по этой трассе. Заговорился водитель и поехал по той, где блокпосты... Нас останавливают, 2 часа ночи, готовятся стрелять. Я выскакиваю из машины и говорю: «Я – майор Измайлов», – он меня узнал, этот солдат-контрактник, узнал меня. Я говорю: «Ну, сейчас я проверяю посты, хорошо блюдёте, молодцы. Мы дальше поедem». Мы дальше едем – опять выскакивают. Черт возьми, они не спят ночью! Они выскакивают, и готов стрелять контрактник. Я опять выскакиваю. А там, на блокпосту, наша 205-я бригада. Он меня узнает и начинает жаловаться: «Нам зарплату не платят, задерживают по несколько месяцев» – и так далее, и так далее. Я говорю: «Разберусь!» – и так далее, и так далее. «Третий пост – внутренних войск?» – спрашиваю. Он говорит: «Да». Ну, внутренние войска это уже не мои. И я этого контрактника, на посту который стоял, там было несколько человек, я его сажаю в машину и говорю: «Ты будешь рядом, чтобы они видели, что мы с тобой едем». Он садится. Мы подъезжаем к третьему посту, и я не знал, и они сами не знали, что за день до этого пост третий, где стояли внутренние войска, он был заменен десантниками. Десантниками... и выскакивает этот десантник! Готовится стрелять! Я выхожу первым из машины и говорю: «Я – майор Измайлов, 205-я бригада»... и вооруженный солдат-десантник, я слышу голос за моей спиной: «Всем руки на капот! Всем руки на капот!» И все становятся, все выходят, в том числе и солдат с автоматом, который на посту стоял, мой солдат, которого я взял с собой. Все выходят, и один только я, я говорю: «Я к старшему пройду!» – а старший был капитан. Я к старшему подхожу там на пост, а темнота! Ничего не видно. То есть все трое стоят руки на капот, и солдатик десантных войск к ним подходит, а я подхожу, иду к старшему. Иду к старшему в военной форме своей, майора, и говорю ему – старший был капитан какой-то, десантник, – я ему говорю: «Я свои посты проверял. Возвращаюсь на Ханкалу. Сейчас мы обратно повернем».

То есть я быстро среагировал на обстановку. А в это время солдатик, десантник, взял паспорта, у всех. А паспорта какие у них были – «волчьи» паспорта, ведь боевики! И когда я иду уже обратно, этот солдатик идет с паспортами, я ему говорю: «Все, разобрались!» И выхватываю у него эти паспорта...

Когда я сажусь в машину, говорю: «Нет, спокойно, ничего. Поехали обратно по своей трассе. Больше по этой трас-

се не будем». И водитель-боевик сидит и не может тронуться – дрожит. Весь дрожит. Я когда на него посмотрел, да, с одной стороны, я был в такой ситуации, если бы в тот период я попался фактически с боевиками, нас всех посадили бы на гауптвахту, в лучшем случае, или в яму. И всем бы говорили: «Майор Измайлов возит ночью боевиков!» Об этом бы говорили. Я об этом подумал, но я владею собой, нельзя мне не владеть собой. А он, получается, он весь дрожит, не может тронуться с места. Я говорю: «Ничего, спокойно». Еле-еле он тронулся. Вот мы проехали наш лагерь, я оставил того контр-актника на нашем посту. И мы поехали по другой трассе на Аргун. Вот с такими приключениями мы вернулись обратно.

Когда я Завали Ахаеву рассказал этот случай, он стал кричать: «Я вам доверил Измайлова, мне поручил его Масхадов, а вы в такую историю попали!» Вот такая история. А почему я о ней рассказал, не только потому что мы одинаковые – что боевики, что российские солдаты. Одинаковые... И чувства одинаковые, и эмоции, и так далее и так далее. Но еще и потому, что после этой истории, когда я дал интервью на радио «Свобода», где открыто говорил, кто виноват в этой войне, и говорил, что люди типа Квашнина... и так далее и так далее, – после этой истории, Квашнин услышал это, он выступил перед офицерами всей 205-й бригады и сказал: «Такой майор нам не нужен»...

в тройственном положении

В декабре, конце декабря, вся бригада уходила в Буденновск. Последний месяц, 31 декабря. Я тоже был в Буденновске, меня из Буденновска направили в тот отпуск, из которого я вернулся в Московский военный округ. И декабрь 96-го, январь 97-го, Новый год я встретил уже у себя дома.

Вот, наши войска выведены были из Чечни, четырех человек я освободил, я был в этой Комиссии, но мне снились иногда страшные сны. В этих снах снилось, ну, страшное, что происходило в Чечне, снились некоторые боевики и та деятельность моя, в страшных снах она снилась... Я не собирался заниматься заложниками, но некоторые материалы («Забывтый полк» и другие) я публиковал в «Новой», и Московский военный округ не распределял меня ни в одну из частей. Мне говорили, что, вот, «мы тебя отправим на Север!». А мне было это все смешно! Пусть куда угодно меня отправ-

ляют, мне было абсолютно все равно... В начале 97-го года я не знал, где я его встречу, куда меня... По возрасту мне было 43 года, в октябре 97-го года. Еще три года мне было служить, по возрасту. Но по выслуге лет – да, у меня было за 20.

И округ, Московский округ, прикомандировывает меня в «заштат» в 27-ю бригаду. (Эта бригада находилась в Теплом Стане.) И вот тогда Дима Муратов и Юра Щекочихин меня познакомили с Юрием Батуриным. Юрий Батурин – будущий космонавт, а тогда он был секретарем Совета обороны. И он дважды принял меня в Кремле, и он сказал, что у меня такие отношения с министром обороны – а министром обороны был тогда, в 97-м году, Родионов – не очень хорошие. И он сделает наоборот... я его попрошу об одном, он сделает по-другому. Я прошу тебя – ты занимайся в «Новой» освобождением заложников. Ты числишься в 27-й бригаде, в «заштате» – будешь числиться там. Ты будешь деньги получать там, раз в месяц будешь ходить туда за зарплатой. Я... с одной стороны, он как бы делал мне хорошее, «Новая» делала мне хорошее, но я думал о том, как же я буду заниматься освобождением заложников. Мне Чечня снится в ужасных снах... И мне надо обратно возвращаться туда, и ездить туда, и заниматься этим! Я был в таком как бы *двойственном* ... я не знаю в каком, в *тройственном* положении. Я числился в армии, в бригаде в Теплом Стане, а работал на «Новую» и должен был заниматься заложниками...

Два человека меня поддержали. Я покажу фотографию одну – Аднана Эльдарханова, где он снят вместе с Сашей Любимовым. Вот этот человек несколько тонн мне гуманитарной помощи дал для Чечни, я повез ее военно-транспортной авиацией, повез этот груз – Юрий Щекочихин тогда договорился.

И еще один момент. Дело в том, что Московская Гордума как-то узнала обо мне. А... Сергей Алексеевич Гончаров, председатель Союза ветеранов «Альфы» (это он был один из тех, что штурмовал дворец Амина в 79 году). Он сейчас депутат, и тогда был – он с тех пор депутат Московской Городской думы, многих и многих созывов. Он настоял на встрече со мной, и он дал мне 15 тыс. рублей для тех солдатских матерей, которые остались в Грозном. (Ну и там вымпел «Альфы» и так далее и так далее.)

Вот эти 15 тыс. рублей я должен был передать. И тут Аднан Эльдарханов с его грузом гуманитарной помощи... И вот, прежде чем я поехал с ними, я поехал к Сергею Алексеевичу Гончарову, он познакомил меня с другим депутатом Московской Городской Думы – Московченко, Николай Михайловичем. Он был военным. Военным летчиком, полковником... И к тому времени он был ранен. При каких обстоятельствах... В Москве, когда он занимался 201-й дивизией в Таджикистане, возил гуманитарную помощь, у него был с таджикской мафией конфликт, и когда он поднимался на лифте домой к себе в квартиру, человек, вооруженный пистолетом, открыл по нему огонь. Прямо в лифте. И он уклонялся от пуль, как мог, но все равно – несколько пуль в него попали. И он лежал в тяжелом состоянии в больнице. (Это было еще до 97-го года.)... И вот меня с ним Сергей Алексеевич Гончаров познакомил, и мы должны были с ним везти гуманитарную помощь в Чечню.

Потом, мэр Москвы Юрий Лужков тоже, что мог сделал, 4 тонны груза определил (даже в этом грузе было для матерей – женские вещи, то, что для женщин нужно. Даже это он предусмотрел.). Ну и военно-транспортная авиация с ним полетела в Грозный. А с нами были еще журналисты некоторые, с телеканала «Москва». Ну, журналисты такие, да... они всю дорогу были пьяные. И Московченко я сказал, если в таком состоянии ребята появятся там, в Грозном – это будет очень плохо. Это во-первых, а во-вторых я ему сказал: «Этот груз, гуманитарная помощь, предназначен в Чечню для российских матерей. Чечня находится сейчас под боевиками. Если мы скажем о том, что мы везем этот груз русским матерям, это будет непонятно боевикам. Давай скажем так, что половину груза мы везем в один из детских домов, это 2-я школа-интернат, в Грозном, Асланбека Дамбаева, более 100 детей там находилось. Я говорю: «Давай половину груза отвезем им, половину матерям». И Николай Михайлович Московченко со мной согласился.

Мы прилетели в Моздок, и в Моздоке я встретился с Квашниным, он уже был к тому времени начальником генерального штаба Российских вооруженных сил. Встретил он меня хорошо... Так вот я встретился с Квашниным – тем человеком, который, выступая перед офицерами 205-й бригады, говорил, что «такой майор нам не нужен». Он встретил меня, сказал: «Сейчас ты с депутатами...» – и пожелал нам хорошей поездки. Мы приехали в Чечню, в Грозный,

– туда, где находилась российское представительство (внутри российское представительство охранялось российскими омовцами, а внешнюю службу несли боевики). Тогда, в апреле 97-го года, был не только представитель России в Ичкерии, но и представитель МВД России при шариатской безопасности Ичкерии. Он тоже находился там. Тогда генерал-майор Пронин, позднее начальник ГУВД Москвы, был этим представителем МВД России при чеченском МВД.

И Пронин вечером, даже ночью, это где-то в 12 ночи мы приехали, он принял нас. Приготовили поесть, сидели Пронин и все мы. И Пронин рассказывал нам – я даже печатал эту историю, – Пронин рассказывал нам, какой интересный человек Басаев. Он вместе с Басаевым ездил в Ингушетию, там, на похороны, замминистра или министра Ингушетии, который погиб, в машине Басаев был за рулем. Он вместе с Басаевым ездил. Я его, Пронина, он тогда, в 97-м году, был генерал-майор, я у него спрашиваю: «А вы не спросили у Басаева – сейчас заложники находятся в Чечне, причем не те, которые участвовали в боевых действиях, а многие гражданские, кто не участвовал в военных действиях, которых поймали – они, к примеру, через Чечню из Ставропольского края ехали в Дагестан, в командировку. Их держат в Чечне, в заложниках. Вы не спрашивали у Басаева, что будет с этими людьми?» Пронин говорит: «Я спрашивал». – «И что он сказал?» – задаю вопрос я. «Он сказал: «Будем менять на других!» – «Как же менять?! Эти же люди не участвовали в боевых действиях!» – «Басаев сказал: «Будем менять». – Вот так это было с Прониным, наша одна из встреч.

сложности распределения

Так я стал ездить от «Новой» в Чечню. А статус мой был не определен абсолютно, я числился в 27-й бригаде, повторяю – я был военным человеком, и я ездил в Ичкерия то за заложниками, то с гуманитарной помощью...

Вот, попросили меня отвезти 14 тонн продуктов. И я сразу определил – кому я отвезу этот груз. Во-первых российским матерям, во-вторых Асланбеку Дамбаеву (потрясающий человек – «чеченский Сухомлинский»), в школу-интернат; в семейный детский дом Хадижат Гатаевой. В интернат для глухонемых детей, далее в интернат для слепых детей в Чечне. В детский приют Берлант Касаевой, где

находилось более сорока детей. В интернат для престарелых и душевнобольных людей. Я повторяю – в интернат для престарелых и душевнобольных... Ведь это большая разница. Престарелые люди, абсолютно нормальные, содержались вместе с душевнобольными людьми в интернате в Грозном. В этот интернат я собирался съездить отвезти гуманитарную помощь, и съездил я во все эти инстанции.

Со мной было 2 человека, которые в тот момент находились со мной. – Эльвира Николаевна Горюхина, она сейчас работает в «Новой», а тогда она была профессором психологии Новосибирского педагогического университета. Мы встретились где-то в Москве, на каком-то мероприятии в доме-музее Сахарова, и она подошла ко мне и сказала: «Я должна поехать с вами!» Я сказал: «Я никого с собой не беру». Она сказала: «Никто не будет обо мне переживать, я одна. У меня нет никого, ни родителей, ни мужа, ни детей». Эльвире Николаевне (Э.Н.) было уже тогда за 60 лет, в 97-м году. Тогда мы с ней познакомились. И она пошла со мной... Я уже на следующий день должен был уезжать в Чечню, и она пошла со мной в «Новую газету», где меня ждали некоторые матери, у которых пропали дети в Чечне. И когда я увидел, как Э.Н. разговаривает с матерями, я сказал ей: «Вы поедете со мной!» – Мне нужен был такой человек, который бы разговаривал с этими матерями. Потому что многие из них, у многих дети не просто числились без вести пропавшими, они погибли, и матери искали своих детей живыми, а их психическое состояние было уже на пределе. Мне нужен был такой человек, который бы говорил с матерями. И вот я Э.Н. взял для этой цели, а во-вторых для другой цели... В заложниках находились некоторые российские военнослужащие, которым боевики говорили: «Если вы вернетесь в Россию – вас расстреляют». И мне нужен был такой человек, который бы разговаривал с российскими военнослужащими, которые находились в плену, которому лучше, чем мне, эти люди бы поверили. Вот я Э.Н. взял с собой.

И второго человека я взял с собой – Эдуарда Анатольевича Черняева, главного оператора телекомпании «ВИД». Его сын был в командировке, вместе с Ильясом Богатыревым. Тогда, вернее, уже в плену ему исполнилось 20 лет – они попали в заложники, Ильяс Богатырев и Владислав Черняев. А в командировку его отправлял отец, Эдуард Анатольевич. Ему тогда было 57 лет, но он был в хорошей форме. И он просил меня, умолял, он говорил мне, что жена его выгнала

из дома, что сказала: «Сам сиди в яме, сам находишься в заложниках вместо сына. А сына верни!» – Эдуарда Анатольевича Черняева я тоже взял с собой в эту поездку.

Груз 14 тонн продуктов – Юрий Щекочихин договорился с военно-транспортной авиацией, этот груз мы загрузили. Почти весь этот груз я загружал сам, мне еще солдаты помогали, министерство обороны их тоже дало мне в помощь, они загружали. И вот мы прилетели в Моздок. Э.Н. и Эдуард Анатольевич были со мной. И вот я этот груз выгружал, а военные машины, мы были на военном самолете там, в Моздоке, а военные машины не могли поехать в Чечню, как я ни уговаривал командование: «Хоть до границ с Ингушетией меня довезите!» Я не говорю уже, каково это... Теперь сутки надо было этот груз охранять – его ведь растащат! А кому? Их командир говорит: мы не можем уговорить наших солдат. – Груз растащат!

И я Э.Н., Эдуарда Анатольевича поселил там у военных в гостинице, а сам занимался этим грузом. Я нашел нескольких на гауптвахте, я этим солдатам... то есть машины задом ставили, они были крыты брезентом, у забора на гауптвахту. Я этим солдатам сказал: я вам обязательно дам что-то из этих продуктов, мне только необходимо, чтобы эту ночь вы охраняли. Ну, они охраняли, а наутро я им действительно дал напитки, и так далее и так далее. Из этого груза.

Теперь эти машины поехали, меня привезли в станицу Вознесеновская, которая находится на границе Северной Осетии и Ингушетии. И туда я подогнал *чеченские* машины, *ичкерийские*, вернее, машины. Весь груз мы с Эдуардом Анатольевичем Черняевым и весь блокпост, который там находился, я уговорил этих солдат блокпоста, мы перегружали 14 тонн сами. Перегрузили в 4 чеченские машины. И повезли через перевал из Чечни в Ингушетию. Этот груз должны были сопровождать еще два человека из Комиссии по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести при Президенте России. Два подполковника. Они постоянно пугали Э.Н.. Говорили: «Вот, вы видите самолеты? Боевики прорвались, сейчас наши самолеты будут бомбить» – и так далее. Вот они такое ей говорили. И никакой помощи от них не было. В результате они уехали и я их больше не видел, я сам договаривался с этими солдатами, чтобы они перегрузили на чеченские машины. Мы приехали в Ингушетию, домой к Лече Идигову. (Лече Идигов был представитель Масхадова в Ингушетии.) И начался дождь. А у меня ма-

шины все открыты. Елки-палки! Четыре машины! Там груз. Замочится и так далее и так далее. И мы, вся семья Лече, я, накрывали эти машины, чем придется. Что находили у местных жителей, там, плащ-палатками и так далее и так далее. Простыми плащами... А наутро мы уже выехали в Чечню на этих машинах. Мы выехали в Чечню.

Мэр Грозного был тогда племянник Джохара Дудаева Лече Дудаев. Мы выехали в Грозный. Ни с кем я не договаривался, со мной Э.Н. и Эдуард Анатольевич. И первый же блокпост, совместный, ингушско-чеченский пост, нас останавливает, проверяет и руководитель этого поста, командир этого поста, чеченец, его звали Аслан Адаев, он узнал меня и сказал: «Слава, ты едешь в Чечню? Тебя же похитят!» И он сопроводил нас до Грозного ... И в Грозном он дал мне автомат и 13 патронов. И сказал: «Когда будешь возвращаться – вернешь». Ну, это – как подарок. Я и во время боевых действий не носил оружия, а он мне дал автомат и 13 патронов. (Не знаю, почему 13 там было патронов.) От этого совместного поста чеченско-ингушского до Грозного – около 90 километров! – он сопроводил нас.

И вот мы въехали в Грозный, были у Лече Дудаева, мэра Грозного, я сказал, что этот груз мы распределим сами. И мы отвезли во все инстанции – российским матерям, которые находились на улице Вольная, 121. (Это в Октябрьском районе Грозного.) Отвезли в детские дома – Асланбеку Дамбаеву, в детский семейный дом Хадижат Гатаевой. В 6-7-8 пунктов мы отвезли этот груз. Целый день развозили. И у нас осталось в Старопромысловском районе, по всему Грозному, у нас осталось два места – детский приют Берлант Касаевой, там находилось 30-40 детей, и интернат для престарелых и душевнобольных людей. Вот эти два места в Старопромысловском районе... Я сначала отвез груз в интернат для душевнобольных. Мы с Эдуардом Анатольевичем Черняевым, только нас двое, разгружаемся, мы даем вот этим... «престарелым», людям по 70-80 лет, и «душевнобольным»... Я разгружаю этот груз. Даю, кому разгружать. А в интернате для душевнобольных и престарелых людей никакого начальства, никого вообще нет! Только одна нянечка находится. Всех, никого нет. Я говорю: «Ладно, не будем из дома вызывать сейчас!» – мы разгружаем этот груз. Э.Н. со мной, Эдуард Анатольевич Черняев. Разгружаем этот груз. А разгружать – кому? Мы разгружаем, даем эти ящики вот этим, нескольким душевнобольным. Я спускаю

эти ящики с машины, а душевнобольной человек он раз так... и все валится на землю. С земли подбирает. Пока мы разгружаем, часа три-четыре, наверное, прошло. В интернате для душевнобольных. И один из больных людей, он взял и закрыл ворота и сказал: «Весь этот груз принадлежит нам! А вы куда-то еще хотите везти? Нет, этот груз принадлежит нам!» Елки-палки! Мы не можем выехать оттуда! Я гоняюсь за этим душевнобольным человеком по всей территории, еле-еле его поймал, вытащил этот ключ у него, открыл ворота, выехали мы. У нас осталась одна машина и груз, который мы собирались отвезти Берлант Касаевой. Мы привезли груз ей. – 12 часов ночи, никого сопровождающих нас нет, мы возвращаемся из Чечни в Ингушетию. И вот, на последнем посту – этого Аслана Адаева не было на месте, были его люди, я отдал этот автомат, и мы выехали в Ингушетию... Когда в Ингушетию мы приехали, в дом Лече Идигова, вся семья – первый час ночи – стоит около дома. Лече, представитель Масхадова в Ингушетии, говорит: «Я думал, вас уже захватили в заложники!» Они вышли все нас встречать. Вот с Эльвирой Николаевной и Эдуардом Анатольевичем мы были в этом рейсе.

Еще одно я только не рассказал: одной из задач наших было понять, где находится Владислав Черняев и Ильяс Богатырев из телекомпании «ВИД».

И вот, мы выясняли, где они находятся, встречались одновременно с разными людьми, и это уместил весь день, весь день... Когда мы прилетели в Москву, Эдуард Анатольевич Черняев мне говорит: «Для того чтобы вытащить моего сына, – без Любимова, без Александра Любимова, это не обойдется. Надо, чтобы Александр Любимов поехал с нами. Как ты?»

Мы встретились с Любимовым, в Телецентре. Он мне говорит: «Я хоть сегодня готов поехать с вами!» Я говорю: «Ты готов, но я еще не готов. Я должен обеспечить безопасность». И так далее и так далее. И за день до следующей поездки... (мы договорились через неделю поехать – я тогда подготовился, всё, где мы будем ночевать, находиться у людей вице-президента Чечни, Вахи Арсанова; где мы с ним встретимся, придется – и с Масхадовым встретимся) – а в следующую поездку поехали я, Эдуард Анатольевич

Черняев, и Эльвира Николаевна Горюхина была с нами, и Александр Любимов, – за день до этой поездки мне домой Саша Любимов звонит. И он говорит такие слова. Он говорит: «Борис Березовский (тогда – зампредседателя Совета безопасности) мне сказал: «Поедешь с Измайловым – останешься в заложниках!» Куликов (тогда – министр внутренних дел России), он мне сказал: «Поедешь с Измайловым – останешься в заложниках!» Из ФСБ мне звонят и так далее: «Поедешь с Измайловым – останешься в заложниках!» – Как быть?» – Это за сутки до нашей поездки. Вечером это было. Утром мы должны уезжать, вечером он мне звонит об этом. Я: «Саша, – говорю, – Саша, я сделал все от меня зависящее для обеспечения безопасности. Но я не Бог, это не стопроцентная гарантия. Но я знаю, что без твоего участия эти твои люди, которые находятся в неволе, их не спасти. И ты сам решаешь, ехать со мной или нет». И Саша Любимов сказал: «Я эти слова хотел от тебя услышать. Я поеду» – и наутро мы полетели в Грозный. Саша Любимов, я, Э.Н. и Эдуард Анатольевич.

Когда мы прилетели в Грозный, нас встречали люди Вахи Арсанова (они до сих пор в живых, находятся не в Чечне, но в России), нас встречают по радиостанции. И в этот момент, когда они нас встречают, у них отключается связь, вся связь отключается, и они мне говорили впоследствии, что они очень беспокоились за нашу судьбу. Мы провели день и ночь – ну, Э.Н. – там, где находились российские матери, на Вольной, 121, – а мы втроем (я, Черняев, Любимов) находились в доме у человека близкого к вице-президенту Чечни Вахе Арсанову, этого человека я знал давно, несколько лет, – вот, у этого человека в доме многоэтажном мы находились. Мы спали все вместе, даже на одной кровати, на одной большой кровати в одной комнате, и охранник от вице-президента даже у дверей стоял – не то что «в доме был», но даже у дверей стоял. Вот, мы встретились с Вахой Арсановым у него дома, и нам подали напитки (спиртного не было). Ваха Арсанов обо всем рассказывал, а я сказал: «Ваха, их интересует освобождение Ильяса Богатырева и Владислава Черняева. И я знаю, у кого они находятся. Я знаю человека, который причастен к их похищению». Я назвал этого человека. Этот человек был близким к Вахе Арсанову, очень близким, и он сказал: «Не может быть. Наверное, не там, наверное, не у него находится». И он сказал: «Дайте нам месяц, ни о чем не пишите. О заложниках не пишите, не говорите о них». Но я Саше Любимову показал, что, увы, слова расходятся с делами не

только у российского руководства, но и у чеченского руководства. (Тогда мы встретились и с Асланом Масхадовым. И Саша у него и у Вахи Арсанова взял интервью.)

Кроме того, тогда же я организовал Любимову закрытую встречу (об этом никто не знал, на этой встрече были мы с Сашей вдвоем) в доме одного человека, нынешнего руководителя службы собственной безопасности МВД Чечни Шарапуддина Ларсанова, у его брата дома. Там также находился Александр Мукомолов, возглавлявший группу Александра Лебеда, губернатора Красноярского края, группу, которая занималась освобождением... – Это чтобы Саша сам понял: за заложников, за журналистов хотят миллионы, я же могу только подсказать, где они, у кого они находятся...

«Возьми одного»

В той нашей поездке с Сашей Любимовым и Эдуардом Черняевым мы были в гостях в доме, не в резиденции, а в доме у вице-президента Чечни Вахи Арсанова и тогда он говорил о том, что ему нужно время – месяц, примерно, – чтобы антитеррористический центр Чечни сработал по заложникам, Ильясу Богатыреву и Славе Черняеву. «Месяц» – он сказал, но я понимал, что все это только слова, только слова, здесь нет никаких действий, а для меня важны были люди, и я знал, что в 15-м городке в Грозном (в 15-м военном городке – там раньше дислоцировались части 42-й дивизии, а теперь пограничные таможенные службы Ичкерии) держат 20 гражданских и военнослужащих, которые находятся в заложниках. И вот, я подхожу к Вахе Арсанову, я уловил тот момент, когда он был разгорячен, когда он был очень даже близок и хотел оказать помощь Любимову. В этот момент я говорю ему: «Ладно, Ваха, вот ты через месяц решишь этот вопрос, но отдай мне из 15-го городка хоть кого-то из заложников. 15-й городок – там находятся люди, которые не воевали, они просто заложники. И Ваха Арсанов, в этот момент он не мог отказать, он сказал: «Ну, обо мне скажут опять, что я занимаюсь похищением людей». Я так и сяк его уговаривал, и он сказал: «Ладно, возьми одного». Я не мог сказать – другого, третьего, четвертого, пятого. Двадцать человек там было. Он сказал: «Возьми одного». И два дня пробыв в Чечне – Саша Любимов, Эдуард Анатольевич и Э.Н., они улетели самолетом, – я остался один, чтобы забрать этого пленного, о котором я просил Ваху Арсанова, и я с его человеком поехал

в 15-й городок в Грозном...

Открывает нам один ворота, я спрашиваю: «Какое у тебя звание?» – он говорит: «Майор». Я говорю: «Как? Все в Ичкерии – полковники-генералы, один ты майор. Одного тебя нашли». Он говорит: «Я разжалован». И он открывал мне ворота... В общем, построили мне 20 человек, 20 заложников в этом 15-м городке было, и каждый глазами говорил «выбери меня!». И там находились и офицеры, там находились и гражданские лица, среди этих построенных, и я почувствовал себя в таком состоянии, что я как Бог должен выбрать одного. Какое я имею право! Но сейчас, если я не выберу одного, то вообще мне никого из них не дадут. И меня спас именно солдатик, который еле-еле шел. Это был Сережа Худяков. Я сказал: «Этого солдатака я возьму», – он был больной. Вот я взял Сережу Худякова, одного из этих людей, Сережу Худякова, который из Свердловской области, на границе с Тюменской. Из глухой деревни. У него, по моему, уже сейчас двое (в последний раз было двое) детей, а тогда ему было 18 с небольшим лет. Он всего лишь 3 месяца отслужил в российской армии, он служил в буйнакской бригаде и попал в заложники. Вот, я взял Сережу.

Когда я привез С.Х. в Москву, это была суббота, где я его держал – у себя дома... В «Новой» появился тогда материал и его фотография. И я писал, что он фактически меня спас тем, что из всех я должен был кого-то выбрать – и из всех он был самым больным, и его я выбрал. Это оправдывало как-то меня... А потом я его привел к Нелли Константиновне Логиновой... (у Нелли Константиновны дочка была замужем за сыном Старовойтовой. Их общему внуку, то есть внуку Галины Старовойтовой и Нелли Константиновны, Тёме, Артёму тогда было 8 лет, сейчас он уже большой парень), вот у них дома... мы с Э.Н. и Нелли Константиновной хотели его одеть. У соседей одежду попросили, одели Сережу Худякова. И я с ним пошел в эту президентскую комиссию по розыску без вести пропавших. И зампреда этой комиссии мне говорит: «Почему ты взял солдата, а не офицера?» – И что я ему мог ответить? А потом мы дальнейшую судьбу Сережи Худякова должны были решить при Центральной комендатуре в Москве, на Красноказарменной она там находится. Там имеется часть, ну, туда все бегуны из различных частей собираются, и с ними беседует прокурор. И вот мы, я, Эльвира Николаевна Горюхина и Сережа Худяков находимся у прокурора. И он ему грозно говорит:

«Мы еще должны посмотреть, как ты попал в плен». И Сережа Худяков, который не плакал, находясь у боевиков в Чечне, Сережа Худяков закрыл глаза руками и горько заплакал, этот восемнадцатилетний мальчик. Я говорю ему, я говорю: «Если даже прокурор захочет тебя посадить, он не посадит тебя, не плачь, я ему не дам тебя посадить!» Потом Галина Васильевна Старовойтова определила Сережу в Подольский военный госпиталь, он находился там и мы с Э. Н. ездили в этот госпиталь его проводывали. Сережу Худякова комиссовали впоследствии из армии... Потом он присылал письма, посылки Нелли Константиновне и Э. Н..

Это, что касается Сережи Худякова, но после того как этот человек был освобожден, я уже увидел всех тех заложников, знал всех тех заложников, которые находятся там, я теперь должен был заниматься всеми этими людьми...

день независимости в Грозном

Я подгадал такой момент, это был день независимости Чечни, 6 сентября 97-го года, чтобы поехать туда. А я должен был поехать... Есть такой Балаудди Текилов из Чечни (ныне покойный, его убили, ему отрезали голову). Он был представитель чеченской комиссии, ичкерийской комиссии по розыску без вести пропавших.^м Вместе с ним в этот день я должен был ехать в Чечню. Я с ним поехал, находился и жил у него дома в Октябрьском районе Грозного, и я поехал с какой целью – чтобы встретиться с Масхадовым, чтобы передать, я собрал, письма от матерей и от жен, от детей, чьи дети, мужья, отцы были в заложниках в Чечне. От них просьбы, письма, обращенные к Масхадову, чтобы он отпустил этих ребят. – И от тех родителей, от кого я не получил письма, я сам своей рукой написал от имени родителей, что вот такой-то человек, он не виноват, отпусти его. И два поздравления написал от имени Юрия Щекочихина, он тогда был депутатом Госдумы, и от имени Галины Старовойтовой, она тоже была депутатом Госдумы. (Тогда Галина Старовойтова мне сказала: «Давай я поправлю», – но она мне поправила так, что если бы Масхадов прочитал это заявление, то я, наверное, сам остался бы в заложниках. Поэтому я оставил для себя первый вариант.)

И вот, я прилетел в Грозный, и Балаудди Текилов привел меня в администрацию Аслана Масхадова, президента Ичкерии, и его пресс-секретарь увидел меня через окно второго этажа и говорит: «Слава, ты приехал», – я говорю: «Да,

хочу встретиться с Масхадовым». Он мне: «Поднимайся сюда. Я организую тебе встречу». И вот Масхадов не принял Балаудди Текилова, который был со мной, а там сидели представители и Украины, и еще Прибалтики, и так далее и так далее, – а Масхадов принял меня. Пресс-секретарь организовал встречу. В общем, я просил за ... я понимал, что *всех*, которые находятся в 15-м городке, мне не отдадут. Я просил за шестерых. За офицера, за гражданского, за солдат некоторых. Я просил пофамильно, и я говорю Масхадову: «Вот так вот...» Масхадов познакомился с этим списком, он мне говорит: «Нас не поймут чеченские матери, если я освобожу этих людей. Они спросят с меня. А их дети, чеченских матерей?» И он мне говорит: «Давай, ты мне помоги в освобождении сыновей этих матерей». Я ему говорю: «Во-первых, я не генеральный прокурор, не председатель Верховного Суда России. Ты знаешь, я, что от меня зависит, делаю по освобождению всех, но я нахожусь в таком положении, я числюсь где-то, в армии числюсь, и – вот, от «Новой газеты»». Я говорю: «Помоги мне этих, хотя бы этих забрать! Это даст мне хотя бы какие-то возможности для работы». Он говорит: «Хорошо. Из шестерых я даю тебе троих». – То есть я просил за шестерых, а он дает мне троих. Я говорю: «Хорошо, я тогда возьму офицера». – Офицером был майор медицинской службы из под Нижнего Новгорода майор Аристов. Его и двух солдат. Одного солдата, Бузанов его была фамилия, перед тем, как я уезжал в Чечню (а он из Пензы) – его отец был здесь, в Москве, у меня был, и оставался в Москве ждать, как я съезжу в Чечню, и я говорю: «Возьму Бузанова»... Масхадов мне говорит: «Офицера там нет». Я говорю Масхадову: «Аслан, здесь в Чечне в администрации во дворе находится Магомед Хатуев, это начальник пограничной таможенной службы Чечни. Пригласи Магомеда. Во-первых, ты поставишь свою роспись, а мне их не отдадут, скажут, что ее подделал, а если к твоей росписи еще Магомед распишется, то это мне не скажут. Его подпись знают хорошо. Мне отдадут». И Аслан Масхадов вызвал Магомеда Хатуева (он в советское время сидел за изнасилование, был осужден), они вдвоем расписались. И Масхадов мне говорит: «Офицера там нет!» Я говорю: «Но я же его своими глазами видел в прошлый раз. Он был там, майор Аристов!» – А я не только его видел своими глазами, я с его женой беседовал, разговаривал. С отцом Аристова, у него дети есть. И так далее и так далее. Ему около сорока лет тогда было. Оказывается, я узнаю, его продали уже в село

Ачхой-Мартанского района, в семью одного человека, у которого сын сидит за уголовное преступление. Отдали им!!! Но я не говорю об этом – если я буду говорить, Масхадов мне и этих троих не даст. В общем, я троих солдат... «Ладно хорошо, вот этих троих солдат я заберу». И я из администрации вышел уже с подписями Масхадова и Магомед Хатуева, начальника пограничной службы. Это 5 сентября, вечер уже – вечером я не могу взять людей, а 6-го – день независимости Чечни. Но мы договорились с Магомедом Хатуевым на утро, что после парада, который будет в честь дня независимости, я к нему подойду и он это организует.

Ночь я провел у Балаудди Текилова дома, в Октябрьском районе Грозного. Наутро мы с ним приезжаем на парад. Там Масхадов, Магомед Хатуев и так далее и так далее (кстати, и нынешний президент Ичкерии) на трибуне, они все там на трибуне. А меня, там охранники стоят, меня не пропускают, Балаудди Текилов меня толкает вперед, кое-как я там охраннику что-то объясняю, в общем, пока прорвался я на трибуну... короче говоря, я принимаю парад! вместе с этими боевиками – там идет Радуев со своей «армией», другие и другие... Я оказался там, на этой трибуне, я жду пока кончится этот парад, чтобы подойти, но!.. после парада Магомед Хатуева я не могу найти!.. Я иду опять домой, Балаудди Текилов ведет меня к себе домой.

У него дома я встречаюсь в этот день с Радуевым... Радуев приехал со своими людьми, несколько человек, в том числе Ваха Джафаров, его начальник штаба, и отец Балаудди Текилова, старый человек, он невысокого роста, он, как увидел Радуева во дворе своего дома, он говорит: «Я устал тебя по телевизору видеть, так ты еще ко мне домой пришел!» – Радуев: ха-ха-ха!

Накрыли стол, мы сидим за столом, я сижу около Радуева... Сидим, кушаем, да. Я на Радуева даже не смотрю. Один глаз у него... очки у него надеты, один глаз ничего не видит, как-то страшно немножко... и мне было тоже страшно до тех пор, пока Радуев не заговорил. Радуев рассказывал о том, как в Хасавюрте, дагестанском городе, он, проезжая пост омоновцев российских, он им сказал: «Я вас уничтожу, если вы меня не пропустите!» – а одного чеченца-акинца обвиняли за изнасилование девочки, его должны были судить

тогда в Хасавюрте, и Радуев «должен был его освободить», с этой целью ехал в Хасавюрт. Он сказал: «Я вас уничтожу!» Я ему: «И что они сделали?» – Он как бы говорил это и, рассказывая обо всем, гордился собой! Т.е. он хотел, чтобы эти слова на меня произвели впечатление, но на меня они произвели впечатление в обратную сторону: чем больше он говорил, тем больше я его понимал, что он из себя представляет, этот человек. И когда он это сказал (я публиковал в газете эту беседу свою с Радуевым^н), я ему сказал: «Салман, если бы я был на месте этих омоновцев, я бы камня на камне от тебя не оставил бы!» Он минуту сидел, не говорил ничего. – Я в Чечне, в Грозном ему эти слова говорю, за столом: «Когда ты так ведешь себя и воюешь, в Чечне находясь, – я это понимаю. Но это было в дагестанском городе Хасавюрте, который относится к России!» Он на меня смотрит и потом, через минуту, он нашелся, после минутного молчания говорит: «Ты камня на камне от меня не оставил бы в России?» – Я говорю: «Да». Он говорит: «Правильно бы сделал!»

В общем, моя миссия была освободить этих людей, а Радуев мне не помешал, но я никак не мог поехать туда, никого не было. 5-е, 6-е, 7-е сентября прошло – я никак не могу забрать этих людей! Балаудди Текилов постоянно уезжает куда-то и, вот, к нему пришел его как бы телохранитель, Шараппудин Тасуев, я ему говорю: «Шараппудин, давай поедем с тобой в 15-й городок! Вот у меня от Масхадова и Магомед Хатуева записка есть». И я с Шараппудином поехал туда, Балаудди Текилов тогда нас тоже догнал, он тоже с нами был. И вот я боевикам, которые охраняют, говорю: «Я такого-то заберу, такого-то заберу и такого-то». Среди них должен был быть Бузанов. Они говорят: «Вот этот есть, этот есть, а Бузанова – Бузанова нет, давай, возьми другого!» – они мне говорят. Я им говорю: «Какого другого, когда я отцу Бузанова обещал! Он у вас находится!» Они говорят: «Нет у нас!» И потом один из них в сторонке мне говорит: «А он находится у руководителя охраны, который строит новый дом, и он помогает строить ему новый дом». И я настоял на этом, чтобы Бузанова прислали. И Бузанова я час всего прождал – его привезли, т.е. всех троих я получил.

Затем я поехал туда, где находились российские солдатские матери. Один из этих ребят, которых я забирал, мать

его находилась в Грозном – поехали за ней. А ее нет! Ее нет, а время уже – должен улетать самолет! Я поехал в Российское представительство (с этими солдатами всё я ехал) – там ее тоже нет. Я сажаю ребят в самолет, в Грозном, сам сажусь и Балаудди говорю: «Балаудди, найди ее!» Найди ее! – Сына я ее взял – а мать останется здесь... А самолет уже... ну, летчики сказали: «На час можешь задержать рейс, не больше!» Час проходит, Балаудди уехал ее искать, они заводят моторы, и вдруг... я в иллюминатор смотрю – моторы останавливаются, я вижу в иллюминатор, что Балаудди бежит по взлетной полосе вместе с женщиной, матерью солдата!.. Т.е. я привез в Москву не только трех заложников, но и мать одного из этих солдат. И... отец Бузанова тоже встречал меня – я ему передал сына...

у здания администрации...

В 97-м году мне пришлось еще многими заниматься, но я расскажу о том, как я вывозил из Чечни в последние декабрьские дни 97-го года петербургского правозащитника Антуана Аракеляна. В общем, мне сообщили, что этот человек бежал от Бараева, сообщили ребята из антитеррористического центра в Чечне, чеченского. Он пришел к Басаеву, Басаев его передал в антитеррористический центр. И он уже две недели находится там, рассказывает им, где он был и так далее и так далее – он был в селе Комсомольском, его держали в цепях и так далее, с ним вместе находился чеченский мальчик, которого хотели..., но, видимо, Антуан как-то сумел освободиться, сумел освободить мальчика и сбежал от тех людей, которые его похитили. И он спас этого мальчика тоже, чеченского...

И Антуан, через Басаева, находился в антитеррористическом центре в Чечне. А я прилетел в Чечню специально, чтобы его забрать. И так как Антуан сбежал, эти ребята из антитеррористического центра хотели просто от него избавиться, они говорили: «Если ты не приедешь, его убьют!» И я прилетел в Чечню. Где он находится?

В администрации Масхадова во дворе мы с Лече Идиговым подъезжаем на «Волге», и приезжает «Волга» с антитеррористического центра, и Антуан Аракелян находится там... А на ступеньках при входе в здание администрации стоят два человека – Арби Бараев, этот похититель людей, и нынешний президент Ичкерии, считающийся президентом

Ичкерии, Доку Умаров... И они спрашивают у Лече Идигова: «Измайлов приехал? Ты привез Измайлова? Зачем Измайлов приехал – за заложниками?» А Лече Идигов говорит: «Нет, он привез гуманитарную помощь».

Лече Идигов мне это рассказал, и – я вижу Бараева, вижу Доку Умарова, нынешнего президента Ичкерии (я у него дома был в 97-м году, он тогда был секретарем Совета безопасности, и он мне сказал такие слова: «Я согласился быть секретарем Совета безопасности у Масхадова только для того, чтобы, в случае если Масхадов начнет переговоры с Россией, чтобы Чечня была в составе России, я первым пустил ему пулю в лоб!» – эти слова сказал мне Доку Умаров, у себя дома находясь, в Октябрьском р-не Грозного). В общем, я сажусь в «Волгу», где мне привезли Антуана Аракеляна, Санкт-Петербургского правозащитника. Я Антуану говорю: «Антуан, быстренько пересеживайся в мою машину и мы поедem!» Он мне: «Я никуда не поеду, пока мне не отдадут кандалы, в которых я находился! Пока мне не отдадут цепи, в которых я находился, я никуда не поеду!» Он ведет себя как настоящий правозащитник, но так можно себя вести... не в Чечне. Я говорю: «Антуан, если ты не переседeшь в мою машину через минуту – я уеду. Одна минута у тебя! Меня уже узнали Арби Бараев и Доку Умаров!» И Антуан пересел в мою «Волгу».

И я думаю: я не смогу его вывезти из Чечни, эти ребята не дадут мне его вывезти! От Грозного до границы с Ингушетией порядка 90 километров, эти 90 километров я не вывезу его. – И я обратился тогда к Масхадову за помощью, и Масхадов дал мне 15 человек охраны, 15 человек в машине (они были на «таблетке», уазике). И они нас сопровождали, и я подумал: раз у меня охрана есть... я заехал к своему товарищу, которого знал более 30 лет (он – кистинец, из чеченцев, которые живут в Грузии, но они жили в Грозном), с которым я и сейчас... он уже умер, я дружу с его братьями, сестрами (у него два брата и четыре сестры). Я заехал к его сестре, она директор 53-й школы города Грозного, Эльза ее зовут, я заехал к ней домой, со всей этой охраной, чтобы ей привезти что-то из продуктов и так далее и так далее, которые я вез с собой, ей передал, и она мне говорит (это было в 97-м году, 12 лет назад): «Возьми мою дочку в Москву!» – А ее дочку звали Лариса, ей тогда было 12 лет (сейчас она уже замужем), я взял Ларису (а Эльза мне говорит: «Пожалуйста, только не потеряй ее!»), мы приехали из Грозного в Ингушетию, а... конец декабря – не было рейсов на Москву, была непогода: сутки, вторые сутки;

и мы находились с Ларисой и Антуаном Аракеляном у Лече Идигова в доме (Лариса вела себя идеально!). Когда мы прилетели в Москву (после задержки рейса на двое суток), прилетели ночью, в 12 часов ночи, и еще одна женщина прилетела с нами, ингушка – я о ней писал раньше), и она меня увидела в аэропорту. И вот, я прилетаю в Москву в 12 часов ночи, со мной – девочка эта, Лариса, Эльзина дочка, заложник, Антуан Аракелян, и эта женщина с ребенком маленьким. Эту женщину надо отвезти в 15-ю больницу детскую... Ёлки-палки! 12 часов ночи! – куда я их дену? А встречает меня Виктор Мосин (бывший предприниматель, сейчас он живет и работает в Чечне) на своей машине... Развозим всех по очереди до утра: сначала женщину с ребенком еле-еле устроиваем в больницу, потом девочку Ларису к родственникам, потом Антуана...

Так закончился хорошо для меня 97-й год.

пограничники Ковалев и Лавер

В 97-м году почти каждая моя поездка в Чечню была результативной. Но об одной поездке 97-го года я особенно хочу рассказать...

Поездка была связана с российскими пограничниками. Два российских пограничника, Александр Ковалев и Игорь Лавер, они находились в заложниках, были в плену в Чечне, с октября 95-го года. Они находились в поселке Давыденко Ачхой-Мартанского района... Поехали мы с Э.Н.

Игорь Лавер был в одной семье – эта семья придерживалась ваххабитского течения, – он на правах как бы сына находился там. И в поселке Давыденко мы встретились с ним. В курятнике Э.Н. говорила с ним, с Игорем Лавером... А потом мы встретились с Александром Ковалевым. Александр Ковалев находился в доме бывшего полевого командира, Исмаилова (он стал тогда главой администрации Шаройского р-на Чечни), водителем у него работал, Александр Ковалев. И Э.Н. с ним беседовала... Было уже поздно, и – свет в Чечне включался только на несколько часов – света уже не было. И Э.Н., держа в руках свечу, разговаривала с Александром Ковалевым, говорила с ним.

Э.Н. Горюхина (08.04.2010):

Это было совершенно феноменально... Сидим мы, разговариваем с ним, ночь уже – в руках у меня свечи огарочки. И то и дело заходит мать – глава дома, очень

красивая женщина, – о нем подчеркнуто заботится, повязку поправляет, и говорит: Саша, сынок! Ты не слушай их, она тебе сейчас нагородит! Что ты ее слушаешь – ты уедешь, они тебя захватят сразу, они ж тебя посадят! Ты что, не знаешь, что они там делают с теми, кто у нас побывал?!..

Мы сидели очень долго разговаривали... и когда мы уже уходили – это Давыденково, а рядом Самашки, Ачхой-Мартан, Бамут: все мои любимые места, – я хочу попрощаться с главой дома, Сулейманом Исмаиловым, говорю: Вы знаете, я так Вам хочу пожать руку, обняться с Вами на прощание, а говорят, что женщина не должна это делать с мужчинами! – Он мне: Кто это говорит? – Я: Ну, все чеченцы... – Он мне: Те, кто тебе это говорит, они просто ленивые. Дело в том, что после этого я должен вымыть руки, после того как пожму твою руку. Они не моют руки – а я пойду вымою! Поэтому, давай, обнимай меня!..

Мы очень поздно тогда уезжали из поселка Давыденко, уговаривали их, и Исмаилов нам говорил: «Вот попадетесь вы в заложники – скажут на меня, что я вас взял!» Очень поздно мы уезжали от этого полевого командира, в 12-м часу ночи возвращались в Ингушетию... И тогда я их не смог уговорить. Потом я еще приехал в Чечню, тогда же в 97-м году.

Боевики им говорили: «Вы вернетесь в Россию, вас там расстреляют!» – А они на то время уже два года находились в плену в Чечне... И при каких обстоятельствах они попали в плен в 95-м году? – Они находились в погранотряде в Ботлихе, в дагестанском селе Ботлих (где сейчас находится горнострелковая бригада и пограничные войска тоже), они находились там. И они были перебросены туда из Московского погранотряда в Таджикистане. К тому времени они уже прослужили по 1,5 года или более того, а их на новом месте, что называется, «чморили как молодых»... И вот, Александр Ковалев, Игорь Лавер и третьим был Миша (сейчас я уже забыл его фамилию, он из города Волжск Волгоградской области), вот эти трое взяли свое оружие (и взяли не только свое оружие, но и пулеметы и так далее) и ушли из Дагестана в Чечню (Ботлих по соседству с Чечней находится)... И в октябре, через неделю после их ухода, в «Комсомольской правде» появилась статья, под псевдонимом... В этой статье (в октябре, через неделю после их ухода)

рассказывалось о том, что трое ребят ушли со своего блокпоста в дагестанском городе Ботлих: почему? – они ушли в Чечню, «они пошли мстить за своего командира, погибшего от рук боевиков».

А в это время, когда вышла статья, Александр Ковалев, Игорь Лавер – они ходили по Чечне. И вот, у одной горы они улеглись спать, а с другой стороны этой горы находился отряд полевого командира Исмаилова, который входил в группировку Вахи Арсанова, будущего вице-президента Чечни. И утром этот отряд боевиков увидел российских солдат – и они увидели его... И кто-то из них начал стрелять, и боевики ответили и первым они убили Михаила, ранили в ногу Игоря Лавера, серьезное было ранение в ногу, и взяли в плен Игоря Лавера и Александра Ковалева (а Михаил был там же похоронен). И вот, когда эта статья в «Комсомолке» вышла, и боевики ее увидели – т.е. они находились в лагере для военнопленных, Игорь Лавер и Александр Ковалев, – боевики сказали, «ах, вы с целью отомстить шли!», и вышел приказ от руководства боевиков – расстрелять Игоря Лавера и Александра Ковалева!

Исмаилов повел их на расстрел. Повел их на расстрел, но в последний момент подумал: может быть, статья эта специально появилась, чтобы я их расстрелял? – И он не расстрелял этих людей, не расстрелял этих ребят (им по 19-20 лет было). И вот, Игорь Лавер, когда я его встретил в 97-м году, он – у ваххабитов дома, как младший член семьи, а Александр Ковалев – у этого полевого командира Сулеймана Исмаилова (Сулейман его звали) водителем.

Я впоследствии разговаривал с автором этой статьи. Это был старший лейтенант пограничных войск, военный журналист. (Последний раз я его встречал уже подполковником, сейчас он подполковник-полковник, наверное.)

И вот, эти ребята, они сознательно, я повторяю – *сознательно*, не потому что их заставляли, они сознательно приняли ислам. И не только приняли: Игорь Лавер, из Ростовской области, из города Миллерово, а Александр Ковалев из села в Краснодарском крае, из многодетных семей оба – они приняли ислам сознательно, и они настолько хорошо, вот Игорь Лавер настолько хорошо стал знать арабский язык, что он его преподавал детям в мечети в то время, когда я через два года встретил его.

Николаев, директор Федеральной пограничной службы, дал мне как бы полномочия вызывать их (только они

из погранвойск находились в заложниках), и я по приезду, когда я съездил с Э.Н., я встретился с прокуратурой погранвойск (она находится на «Белорусской», там находится Академия погранвойск, и там же их главная прокуратура). Я встретился с руководством прокуратуры, об этом рассказал, сказал, что «эти люди мне не верят», они считают, говорят им боевики, что «их расстреляют»: «Дайте мне бумагу какую-то официальную, что мера пресечения, когда они вернутся в Россию, будет не содержание под стражей, а подписка о невыезде, они будут находиться у меня до того, как вы проверите, решите вопрос с ними». И мне такую бумагу официальную, за подписью главного прокурора погранвойск, они дали. И я во второй раз поехал в Чечню.

Когда я во второй раз поехал в Чечню, ну, через месяц уже после той поездки, в этот день, когда я должен был уехать, Бараев расстрелял один блокпост ингушский и захватил в заложники несколько милиционеров и их оружие. Лече Идигов меня не сопровождал, потому что он должен был заниматься этим делом, как представитель Масхадова в Ингушетии. Я поехал с его водителем, поехал в это село Давыденко Ачхой-Мартанского района... Игоря Лавера уже не было – он был похищен людьми, которые занимаются похищением людей! И я встретился с Александром Ковалевым, я привез Александру Ковалеву эту бумагу, и он долго думал, смотрел (меня оставили с ним одного), он сказал: «Я не поеду, я останусь здесь...» Александр Ковалев мне не поверил, и судьба его закончилась трагично. В 1999 году, в августе месяце, когда боевики напали на Дагестан, он тоже был среди них, он тоже входил в Дагестан и он погиб в Дагестане, Александр Ковалев... А Игорь Лавер – его похитили. Я договорился тогда с одним человеком, Исламом Докучиевым (он был четырехкратным чемпионом мира по классической борьбе, серебряный призер Олимпиады в Барселоне в 1992 году), его брат сидел в Ростове за рэкет – ему дали 5,5 лет, из них 3 года с чем-то он отсидел к тому времени. – Я договорился с ним, что если он мне добудет Игоря Лавера и еще за одного солдата, Данилов была его фамилия, он был из Министерства обороны, я просил его – если он мне их добудет, то я попрошу за его брата через Комиссию, я добьюсь его освобождения. Ну, с Исламом Докучиевым меня свели чеченцы-боевики, и через некоторое время, это было в марте 98-го года, Ислам Докучиев достал мне этого солдата, Данилова и Игоря Лавера...

Я тогда прилетел в Беслан, в Северную Осетию, из Северной Осетии поехал в Ингушетию и оттуда в Чечню. В Чечне мне Ислам Докучиев передает Игоря Лавера и Данилова, этих солдатиков. И я, зная о том, что у них не было никаких документов, не было паспортов у обоих, что из Ингушетии я вылетать не могу, тем более из Чечни, – я с ними поехал (он меня сопровождал до Чермета, поста в Осетии), поехал в Осетию... Так-то я из Ингушетии бесплатно вывозил заложников, руководство авиакомпании «Карат» так решило (даже до четырех человек я вывозил из Чечни – всех бесплатно и для самого бесплатно). А из Северной Осетии я не мог вывозить их бесплатно, а денег на них у меня не было... И я поехал к руководителю ФСБ Северной Осетии, тогда это был генерал Безуглов – я его хорошо знал по Чечне (тогда он был полковником). Мы встретились с ним, поговорили... Безуглов был хороший человек. Он сделал справку для этих солдат, чтобы посадить их в самолет, что они из плена, более того – он поместил этих ребят в гостиницу, чтобы они могли помыться, привести себя в порядок; дал мне человека, чтобы в аэропорту не было у меня проблем, чтобы их по справке посадили в самолет. И я с этими ребятами, которыми занимался уже много месяцев, в марте 98-го полетел из Беслана в Москву...

Я хочу рассказать об этом до конца, как это было... Я прилетаю в Москву, во Внуково, я иду первым на выход, а эти, Игорь Лавер и Данилов, идут за мной. И вдруг (ну, трап уже подали, да), вдруг по трапу поднимается человек в гражданской форме и он говорит: «Пусть солдатики выйдут первыми» ... и я вперед себя поставил солдат. И когда они спускаются по трапу (а еще до вылета я позвонил Щекочихину, он должен был меня встречать... Щекочихин сообщил дальше (тогда уже директором Федеральной пограничной службы был генерал Бордюжа, который сменил Николаева), что я вытащил пограничника; и я думал, что там, наверное, это – фотокорреспонденты, журналисты, поэтому я солдатиков вперед послал) – дальше я не вышел с самолета! Мне была преграждена дорога! Я говорю: «Как же так? Я с ними!» Мне говорят: «Ну, пусть солдаты спустятся – потом вы». Я думал – там журналисты... но солдаты спустились – их посадили в машину, и машина уехала! Я спускаюсь по трапу – проехал Чечню, Ингушетию, Северную Осетию, нигде не потерял этих солдат... в Москве их потерял! Их нет!

Меня встречает Влад Максимов от Юры Щекочихина,

Юры нет самого... там охрана аэропорта, я их всех знаю, один из них мне говорит: «Их забрали спецслужбы». И что они сделали – Игорь Лавер как бы их, а Данилов – с Министерства обороны: они Данилова выкинули из машины в аэропорту (он потом меня нашел там), а Игоря Лавера нет! Туда-сюда – потерял в Москве заложника я!.. Я знаю что спецслужбы причастны (мне сказал охранник), я не знаю, что пограничники! Теперь вместе со Владом Максимовым мы едем, приезжаем на дачу Юры в Переделкино (это от Внуково недалеко). И Данилов с нами, заложник этот с нами... Легли они спать, я Юре говорю: «Елки-палки, я через весь Северный Кавказ провез их, а в Москве их потерял!» И Юра... мы звонили целую ночь, во все инстанции – кто забрал Игоря Лавера?! И наутро, в восемь часов утра, отзванивается Бордюжа, командующий погранвойсками, говорит Юре «передай трубку Измайлову», а мне говорит: «Это мои люди его забрали. Я не сказал этим людям, честное слово тебе даю, чтобы они у тебя его похитили, я сказал, чтобы они «взяли у Измайлова», а они... заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет», – говорит мне Бордюжа. «А находится он сейчас в госпитале погранвойск. В десять утра ты приедешь, и мой заместитель поедет с тобой в госпиталь и ты увидишь там Игоря Лавера...» И вот я взял Э.Н. приехали мы с генералом Кругликом, замом Бордюжи, в госпиталь погранвойск. Там, в отдельной палате, находится Игорь Лавер. И генерал Круглик мне говорит: «Мы его поместили в отдельную палату, потому что ему надо справлять намаз, чтобы солдаты другие как-то не... мы его в палату отдельную поместили». И мы с Э.Н. заходим в эту отдельную палату – Игорь Лавер сидит на кровати, я к нему подхожу и задаю один вопрос: «Игорь, ты думал, что я тебя подставил?» – я ему говорю. Он мне: «Если честно – да»... Он месяц пролежал в госпитале, а потом его отправили – он у наших сотрудников жил сначала, а потом уехал в Миллерово, устроился грузчиком там на птицекомбинат, несколько раз приезжал в газету. А когда началась... он хотел изменить свои имя-фамилию на мусульманские, он изменил свой паспорт впоследствии. Два года он приезжал ко мне в «Новую» (мы оплачивали все его поездки в Москву, в отпуск он приезжал), и где-то с 2001 года я не знаю его судьбу дальнейшую.

поездка с Виктором

Это очень важный вопрос, мне задали его в Госдуме, один из депутатов: «Вы готовите людей, которые занимаются этим? Не должно же это с Вами вместе прекращаться!» Но дело в том, что я был как бы... здесь не могло быть *никого*, кто бы относился к этому непрофессионально. Допустим, я ездил и с депутатом Московской городской думы Московченко, причем – по его инициативе – с журналистами. По их собственной инициативе мы едем с Любимовым Сашей, с Эдуардом Анатольевичем Черняевым, у которого сын был тогда в заложниках, с Эльвирой Николаевной Горюхиной, которая сказала мне, и это было главное: «По мне некому плакать. Если со мной что случится – у меня никого нет». Праздных людей, в том числе журналистов – что-то отнять, что-то сделать – не было. Как-то Женья Кириченко мне сказал: «Ты будешь освобождать – мы будем снимать». Это было *смешно*. Причем я должен освободить человека, когда *им* это было удобно – когда там камера была и т.д. Попытались меня превратить в «старика Хоттабыча». Нет. Я вообще не мог брать с собой никого из праздных людей, я отвечал за их жизнь. Не дай Бог было бы такое, что я подставил бы человека своей деятельностью – я бы не простил себе этого, что освобождаю одного, а другого приношу в жертву освобождению.

Московский предприниматель Виктор Мосин (он помогал продуктами, когда я возил гуманитарную помощь) тогда искренне обратился ко мне, сказал: «Я хочу поехать в Чечню с тобой». Я: «Нет!» – не брал очень долго. Но в один день – это было в конце октября 1997 года – я сказал: «Виктор, ты поедешь со мной». Виктор был за рулем машины. Газ-66 с продуктами, он был за рулем. Мы набрали всего 6 тонн продуктов (4 тонны продуктов было от него и еще две тонны) – я вез это для детских домов в Чечне.

Но одна из задач была – вывезти заложника, и я сказал Виктору: ты – глухонемой. Ничего ты не говоришь, ничего ты не отвечаешь. Я был в форме своей, а ему сказал: ты – глухонемой. То есть мы из Москвы через весь Кавказ и т.д. ехали в Чечню на этом газике с 6 тоннами продуктов. Когда нас останавливали гаишники – выходил только я. Нигде, никому не платил. И везде – Виктор только водитель, глухонемой водитель. Он никому ничего не отвечал. Кто ему задает вопросы – я отвечал. Я выходил и т.д. И еще одна деталь Виктор Мосин родом из Подмосковья, примерно того же года, что

и я. Это был 97-й год ему было 42 года. У него был киоск в Московском комитете ветеранов войны на Гоголевском бульваре. И были свои магазинчики. Кроме того, от первого брака у В.М. был сын уже взрослый и девочка 12 лет. Тогда он уже был женат вторым браком, на молоденькой 20-летней девушке. И у них только что родился ребенок. Жена только что вышла из роддома, ребенку было 6-7 дней. И жена мне по телефону говорит: «Куда вы едете! Вы же знаете, что у него только что ребенок родился. Вы отвечаете за него». «Да, – я сказал, – я отвечаю. Мы едем только до Ростова», – хотя мы ехали в Чечню. Эту ответственность я взял на себя, и был в таком напряжении – я же в конце концов отвечал за него, за его жизнь – также и перед этим ребенком, который только что родился. Мы поехали на Северный Кавказ, проехали через Ставропольский край, Кабардино-Балкарию, Осетию, Ингушетию. И в Ингушетии нас ждал Лече Идигов, представитель Масхадова в Ингушетии, и мы переночевали у него с этим грузом. А наутро я, Виктор и Лече на своей машине поехали в Чечню. Приехали в Чечню, были у вице-президента Чечни Вахи Арсанова (товарищ он был Лече). Пришли поздоровались с Вахой и так далее, потом я вышел и Лече говорю: «Лече, были у Вахи Арсанова. Один раз, второй я уже просил его за заложников. Масхадова просил, один раз, второй. Но за красивые глаза сколько могут мне давать людей!» Я ему говорю: «Лече, зайдешь к Вахе, скажи, мол, давай Измайлова пожалеет! Министерство обороны к нему относится плохо, а он возит гуманитарную помощь несмотря ни на что. Давай ему как подарок дадим заложника еще одного. – Скажешь так?» А я конкретного человека хотел взять – рядового Химичева, из железнодорожных войск солдатики. Несколько ребят я освободил из железнодорожных войск... (Тогда замкомандующего железнодорожными войсками был Азаров Виталий Михайлович, потом он стал замначальника главного управления воспитательной работы, сейчас он – представитель правительства Ленинградской области в Москве). И вот я должен был привести этого Химичева, пленного солдатики. И все так и получилось. Мы развезли с Виктором Мосиным эти продукты везде, во все школы, интернаты и так далее, матерям российским. И это сработало. Химичева мне удалось забрать. Он с Лече Идиговым поехал поездом, самолетом, а мы на следующий день машиной возвращались. И был по дороге у нас такой случай.

Когда мы приехали с Виктором, а надо сказать, что у

меня вообще было мало денег на дорогу, у Виктора было что-то. Двое суток, почти трое, мы добирались из Чечни обратно, на машине. У нас кончились деньги. И мы попали – это было начало ноября или конец октября – в сильный снегопад и гололед, когда обратно ехали. А на дорогу нам Лечена дочь – девочка 14 лет – испекла пирожки. Эти пирожки мы и ели с Виктором. Кончились все деньги. Когда мы возвращались обратно, то все северокавказские республики я был в напряжении (когда даже обратно ехали) – Виктор не говорил ничего. Когда уже переехали в Ставропольский край, я сказал Виктору: все, ты уже не глухонемой, исцелился! выходи и с милицией говори сам. Виктор вышел – где-то они остановили нас на посту, – Виктор вышел, а я сижу в машине, греюсь. Пять минут его нет, десять минут... Смотрю: Виктор платит штраф! А у нас копейки! Денег до Москвы нет, а он еще штраф платит. Я накинулся на этого милиционера. Хотя он выписал там рублей двадцать, мы заплатили. Он говорит – ты бы сразу сказал и так далее. Короче говоря, доехали мы таки домой, Виктор ночевал у меня дома, я ему деньги дал на обратную дорогу до Шатуры, то есть финансировал этого бизнесмена...

Потом, когда я Аракеляна вывозил, девочку чеченскую Ларису и Евлоеву, полуингушку-получеченку с ребенком, Виктор Мосин на своей машине легковой нас встречал в 12 часов ночи в аэропорту. Вот такие были отношения. И я скажу, что из-за меня, из-за моей деятельности он обанкротился как бизнесмен. После этого он сначала был шофером в Москве, а сейчас – староста в церкви он, в станице Асиновская в Чечне. Вот такая его судьба. Когда он приезжал в Москву, я уже был больной и так далее и знаю, что денег у него нет – ну, староста в полуразрушенной церкви, – я ему даю деньги, а он мне говорит: «Так тебе же нужно!» Он – русский человек, такое у него сердце... Он там в Чечне у себя сейчас на две могилки солдатиков кресты ставит. Мне звонит... Такой он, Виктор Мосин. Это не просто религиозный человек, он – душевный и именно праведник.

*

И я расскажу такой момент, что с этим Химичевым произошло дальше. Нам прислали машину легковую, машину генерала Азарова. То есть мы с Химичевым поехали в железнодорожные войска, в штаб железнодорожных войск, на

генеральской машине. Приехали, привез я Химичева, и его окружили заботой. То я привозил заложников, мне говорили – Комиссия при президенте России: «А почему ты выбрал не офицера, а солдата?» – когда я Худякова привозил; некоторых заложников я вообще держал дома, им просто некуда было деваться, ребятам, – а тут генерал проявил заботу. Он за заложником прислал машину, собрал с офицеров там деньги и так далее, продпаек, послал подполковника купить билеты ему (он, Химичев, из Воронежской области). Все это где-то несколько часов продолжалось. Потом он берет трубку и звонит – узнал телефон – матери этого солдата, и говорит такие слова (а она еще не знает, что сын ее освобожден). Он, генерал Азаров, говорит: «Такой-то вагон, такой-то поезд, завтра встречайте утром, ваш сын едет»... И я его не провожал, солдатику, провожали его офицеры, посадили в поезд и отправили. Я Химичева больше с тех пор не видел. Я даже его не узнаю. Это было в 1997 году.

разные генералы

А генерал Азаров выполнил еще несколько моих просьб... Допустим, такая была у меня просьба. Я ему говорю: «Я имею дел в Чечне с разными людьми. Многие из них носят камуфлированную форму, российскую. Камуфлированную форму... Надо их отблагодарить». Азаров, генерал-полковник Азаров приказал мне выдать. Пятнадцать комплектов формы я взял, я привез ее в Чечню. Конечно, она была у боевиков, но... Это сделал мне генерал Азаров. Он знал, куда она идет... У нас в музее «Новой» написано – там вывешена такая камуфлированная форма и написано, что «за экземпляр этой форм Измайлов вытащил десять бойцов». На самом деле я вытащил одного Химичева. И не за десять, а за пятнадцать комплектов, со склада, камуфлированной формы. (Брюки, китель, зимняя одежда, ботинки. Полностью комплект.)

И всегда он шел мне навстречу. Потом Азаров стал *начальником* главного управления воспитательной работы министерства обороны. (А что такое ГУВР – главное политическое управление. Азаров стал начальником главного политического управления.) Всех тех ребят, с которыми я служил в Чечне, если я просил Азарова, чтобы где-то их устроить, он их устраивал.

Есть фотографии, на которых мне орден, но не за Чечню, а за Афганистан, вручает в «Новой» именно гене-

рал Азаров. Когда мне позвонили – это было в 2001 году, в начале 2002-го, а я еще в 87-м году был представлен, в Афганистане, – я говорю: «Вы мне тогда его не дали, искали 15 лет – но я же в Вооруженных силах!.. Мне этот орден не нужен, я за ним не поеду». Ну, мне говорят: «Мы вручим вам торжественно!» Я говорю: «Только от одного человека я приму этот орден – от генерала Азарова». И Азаров мне вручал орден, в «Новой газете»... А в 2001 г. после 11 сентября, когда начались события в Афганистане, я должен был ехать в Таджикистан-Афганистан военно-транспортной авиацией. И Азаров сделал мне – я из Чкаловска полетел на Ил-76 *бесплатно*. (Причем начальник генерального штаба тогда был Квашнин, а у меня с Квашниным были сложные отношения. Он знал об этом и он подписал мою командировочную у зам. начальника генерального штаба. Азаров подписал. И я уехал.) Это было в конце сентября 2001 года. То есть... не все люди, в том числе генералы, способны на это. Нет.

Генерал армии Тихомиров, о котором я рассказывал, командующий группировкой российских войск в Чечне – самые замечательные у меня были с ним отношения. Этот человек сказал такую фразу тогда. «Я отменю любой свой приказ, если он будет препятствовать освобождению пленного или заложника». Это сказал генерал армии Тихомиров. Вот такие отношения у меня были с этими людьми... Плохие отношения у меня были с Квашниным. Плохие отношения у меня были с Шамановым (который сейчас командует десантными войсками). «Плохие» даже не скажешь – «на ножках» были у меня отношения с Шамановым... Ведь генерал генералу рознь. В это даже трудно поверить – он давал команду разведчикам меня уничтожить, ликвидировать, сам мне об этом дал понять...

*

Это было в июле 96-го. После того, как я как-то сопровождал того же Квашнина до грозненской церкви Михаила-архангела, в инспекционную поездку, что ли, мой авторитет повысился (и Шаманов тогда даже поднимал тост за меня), но когда, так получилось – меня попросили, съездил с телевизионщиками в зачищенное нашими селение Гехи (боевики там были тоже, но и около 20 человек мирных жителей погибло...) и тот материал прошел по ТВ... Скандал! На следующий день, в субботу, Шаманов вызывает меня, спрашивает меня грозно так: «Что, Любимов приезжал в Чечню?» – «Его люди». – «Кто разрешил тебе поехать туда?» – «Никто». Его «грозность» меня только забавляла (хотя многих, даже «афганцев», реально травмировала). Шаманов: «Ты слишком вольно себя ведешь! Теперь я буду давать тебе указания!» – «Хорошо, но ведь это *мы* ведем себя так, как на вражеской территории!»

Владимир Иванович Сидоренко (один из замов Шаманова, который постоянно обо мне заботился в Чечне в 1996) потом вызвал меня к себе и сказал: «Слава, тебе нужно срочно уехать!» Я: «Не могу дезертировать!» Он: «Шаманов дал разведчикам команду тебя ликвидировать». – Пошел в казарму. Лежу и думаю: «Стрелять на упреждение я не хочу... Так зачем мне оружие? Скорее, *его* могут использовать мне во зло!» – Никому ничего не сказав, пошел на склад и сдал автомат, пистолет на склад... Потом, в августе, когда боевики напали на Грозный, комбриг, откомандировав меня в разведбат, спрашивал мимоходом: «Где твой автомат?» – «В машине!» Я понимал, что словом смогу сделать на этой войне больше, что само оружие – единственный мой недостаток, мое уязвимое место...

Ненависти к «врагу» ни тогда в Чечне, ни раньше в Афганистане я не испытывал – сам себе удивлялся, как это возможно... Гранату же в своей кобуре держал на «самый крайний случай» (ну, и для того, чтобы она не выглядела пустой), делая *исключительную* ставку на слово, – этого «крайнего случая» я не должен был допустить никогда...

Случай Панковой

1997-й год, как и 98-й, и 99-й, был счастливым для меня. Потому что все удавалось, потому что тех людей, по которым я работал, мне удавалось освобождать. Но в начале 2000-го года я уже начал нести потери... Владимир Яцина – корреспондент ИТАР-ТАСС, которым я занимался и уже считал, что вытащил, – он был расстрелян в Чечне, где находился в заложниках. До сих пор мне каждый месяц звонит его мама. Не только он – за Михаила Курносова, особенно – я расскажу об этом человеке – особенно мне тяжело...

А в 98-м году я лежал в военном госпитале и даже тогда, в январе– феврале 98-го года, на несколько дней отлучаясь из госпиталя, мне удавалось заниматься заложниками и освобождать их. Ну, я был в госпитале, вышел оттуда и сразу же был случай Любы Панковой, одной из первых женщин, которую мне пришлось освобождать, я до сих пор ее очень хорошо помню.

Мне сообщили из антитеррористического центра Чечни – Хункар-Паша Исрапилов был тогда его руководителем, тот человек, который в 96-м году в январе месяце выводил Радую из Кизляра и Первомайска, – от его людей и от него лично я получил информацию о том, что «приезжай и занимайся ей». Люба Панкова находилась в заложниках 8 месяцев. Что делали с женщиной, как к ней относились, что она перенесла... У нее была в Ставрополе 19-летняя дочь, была сестра – тоже в Ставрополе. И вот я приехал по Любе Панковой, люди Исрапилова встретили меня в Чечне. Я приехал на машине Лече Идигова, они на своей. Я подошел к их машине – Люба сидела там. Они мне говорят. «Мы много затратили сил и времени на ее освобождение, наш человек был ранен. Мы ее показываем тебе, но ты нашего человека, который находится в тюрьме в Ставрополе, должен взять». Договоренности у нас об этом не было, насколько осужден этот человек и даже кто он вообще – я не знал, его никогда не видел. Но я увидел женщину, которая 8 месяцев находилась в плену. Что я, должен был сказать: «Подожди, я займусь этим. Может, несколько месяцев, может год, может больше буду заниматься. Может никогда мне не дадут этого чеченца». Должен был ей сказать: «Подожди!»? Над этой женщиной издевались, она была испугана, побита. И я сказал: «Условие мое такое: вы отдаете мне ее сейчас – и я занимаюсь вашим человеком». Они сказали «Хорошо, у нас есть с кого спросить. Ты приехал с Лече Идиговым. У него

три дочери и сын. И если что, если пропадешь – он ответит за это». Я взял Любу Панкову, мы приехали в Ингушетию, я позвонил Славе Пелипенко. Слава Пелипенко приехал из Осетии – он находился тогда в Осетии и в Ставропольском крае – в Ингушетию, и я ему говорю (Слава был больной в этот момент, у него была перевязана спина, я даже перевязывал ему спину), говорю Славе: «Ты возьмешь Любу Панкову – сестра ее в Ставрополе, дочка в Ставрополе. Но вот этот чеченец мне нужен. Я остаюсь здесь в Ингушетии у Лече Идигова, потому что если я не останусь, если уеду, то что-то случится либо с его сыном, либо с его дочерьми... Я остаюсь здесь – ты занимаешься вот этим делом: считая, что я в заложниках, ты занимаешься освобождением *меня*. Ты должен взять вот этого человека!»

Через несколько дней Слава мне звонит и говорит: «Все нормально, только мне надоело приезжать в Чечню и в Ингушетию. Я не поеду. Приезжай сам в Осетию, на границу Осетии, в станицу такую-то»... В общем, попросил я машину у тогдашнего министра внутренних дел Ингушетии Дауда Коригова (он погиб потом). Он мне выделил машину с милиционером. Лече Идигов дал еще одного человека, Руслана Долова (сейчас он сидит в тюрьме в Ставропольском крае и постоянно оттуда мне звонит). Он был со мной и милиционер ингушский, и на машине этой мы проехали через перевал, подъехали к границе Осетии и с другой стороны подъехал Слава Пелипенко с работником прокуратуры. Он мне передает чеченца, который находился в тюрьме...

Тот в робе, с сумкой, как у челноков, пересаживается из одной милицейской машины в другую (я же приехал на милицейской машине МВД Ингушетии). Пересаживается этот чеченец в мою милицейскую машину, я сажусь с водителем, сзади – Долов Руслан, который сейчас сидит за наркотики, что ему подбросили, в тюрьме (я, правда, просил своих людей, чтобы там (в Ставропольском крае) было хорошее отношение к нему). Долов садится вместе с этим чеченцем, а я впереди – поворачиваюсь назад и спрашиваю у этого заключенного, говорю: «Ты знаешь, куда ты едешь?» – «Наверное, в другую тюрьму». Сказали ему эти ребята, Слава сказал, что его переводят в другую тюрьму, и притом из милицейской машины он садится в милицейскую же. «Не в тюрьму ты едешь. Ты к матери своей едешь, домой!» А он в этой робе и так далее, и так далее... И в Чечне на рынке, его мать торговала на рынке, я передал ей – матери, чеченской

матери – сына. Вот так была освобождена Люба Панкова. Слава Пелипенко мне помог: чеченцу этому дали три года тюрьмы, год и 8 месяцев он отсидел и его условно-досрочно, они добились, освободили. Я передал его – было это в феврале 98-го года. Вот это был хороший эпизод.

И вот еще один. В связи с тем, что *никогда* деньги за заложников «Новая» не платила – потому что просто не было у нее денег. Просто главред мне говорил: «Ну, хорошо, мы можем найти какие-то деньги, нам спонсоры какие-нибудь помогут заплатить за какого-то заложника. Мы заплатим. Но чем он лучше других? Если мы платим за него, то почему мы не должны платить за другого? А денег у нас нет. Да и в принципе нельзя платить за человека! Поэтому, если можете, занимайтесь освобождением людей *так* – без денег».

И вот случилась одна история.

два Димы

К этой истории все были причастны. И Муратов и Э.Н. и многие-многие другие. – Кстати, в моих поездках помогала мне не только авиакомпания «Карат», которая выдавала мне билеты бесплатно в ту или иную сторону. Но еще один человек помогал – Сергей Алексеевич Гончаров, председатель Союза ветеранов «Альфы», депутат Московской гордумы, полковник ФСБ. Сам неоднократно вызывал меня и когда к нему не шел, первый раз, он мне звонил и говорил: «Товарищ майор, когда вы придете к полковнику?»

И вот в этой истории, о которой я расскажу в связи с тем, что мы заложников освобождали без денег, но один раз ... Это был март 98-го года. К замглавреда «Новой» обратились две женщины, чьи мужья оказались в заложниках. Одну звали Галина, ее муж – кандидат исторических наук, русский. Она работала в Верховном Совете Северной Осетии. И москвичка Лена Петрова. Ее муж тоже находился в заложниках, ему тогда было 33 года. Как они попали в заложники.

С 1995 года по 1997 год они от международной христианской организации, центр которой находился в США, возили в Чечню гуманитарную помощь. (Одним из руководителей этой организации был потомок князей Голицыных. Я с ним встречался – высокий, я ему до плеча достаю. Приезжал в Москву из Нью-Йорка. Другим ее основателем был священник христианской церкви в Нью-Йорке, отец Кишковский.) И вот, эти ребята, Петров и его товарищ, оба

они Димы, возили с 95-го по сентябрь 97-го гуманитарную помощь в Ингушетию и Чечню. Когда они привезли очередной груз в сентябре 97-го, то взяли у них гуманитарную помощь, взяли машину, на которой они возили помощь, и... взяли их самих.

Попали они в заложники. И вот как содержали заложников: в горах, в гараже – смотровая яма, открывается люк – а там подвал. И в подвале, в этом грязном подвале находились два Дмитрия, которые два года возили в Чечню гуманитарную помощь. – Люк закрывался, на него ставилась грузовая машина. Раз в неделю люк открывался, машина отъезжала, и туда сбрасывали пищу. Вот в таком положении, все вшивые, они находились, один из заложников – полгода, второй, собственно Дмитрий Петров, находился год.

Их жены просили меня ими заняться. Они часто приходили в редакцию, постоянно я имел отношения с чеченцами, которые как бы на них выходили... Один из них мне сказал, что есть такой полевой командир, Магомет Изнауров, «бригадный генерал», он возглавляет службу безопасности всего чеченского нефтепровода и что их похищение связано с ним. Я поехал в Чечню и, несмотря на опасность, встретился с Изнауровым в его офисе. Потом мы подъехали к его дому. О нем мне всякое уже наговорили, и я знал, что дом, в котором он находился (жил с семьей), – человек, который владел этим домом раньше, этот человек был убит Изнауровым, а дом достался ему. (Изнауров в конце концов погиб, когда уже наши войска были введены второй раз в Чечню в 99-м году, а это был 98-й год, март месяц, когда мы встретились Изнауровым.)

Я встретился и с другими людьми. Подойти к освобождению этих ребят было очень трудно, очень трудно. Я курсировал между Ингушетией, Чечней и Осетией постоянно. И Галина, жена второго заложника, – к власти в Осетии пришел Дзасохов, одно из первых решений Дзасохова было такое – Галина работала в Верховном Совете Осетии – банки, банкиры осетинские сложились и за 125 тыс. долларов был выкуплен заложник, который полгода там находился, муж Галины, а Дима Петров, москвич, он остался там один...

Мы в квартире этого освобожденного, в квартире Галины находимся, мы поехали с Леночкой Петровой. 33 года ему, Диме Петрову. У них одна дочь, ей тогда было 8 лет, в 98-м году. Ей говорили, что папа в командировке находится, чтобы не травмировать ее. Леночка же Петрова так переживала за своего мужа, что падала мне в руки в обморок. Мы

находимся в квартире, освобожденный заложник из Осетии рассказывает нам, в каких условиях их держат, как держат ее мужа... Я встречаюсь с ФСБ Северной Осетии. Все идет насадку! Леночка Петрова в слезах, на грани обморока, мне говорит: «Но вы же знаете московских предпринимателей!» – А я никого не знаю! «Но вы же знаете Березовского» – да, действительно, Березовского я знал. (С Березовским меня познакомили криминальные чеченцы в декабре 97-го года, когда один из них был взят нашим ГУБОПом. Они и познакомили меня с Березовским. В офисе Березовского я сидел, с ними разговаривал.) И я был в таком положении: главный редактор мне говорит: «За деньги никого не освобождай! Денег у нас нет!» А тут за 125 тысяч освободили Диму, североосетинского заложника, который сидел вместе с Димой Петровым, а жена Димы Петровы падает мне в обморок, у меня на глазах. В конце концов! Я же тоже человек! У меня же есть какие-то чувства!

И я звоню Гончарову. Говорю ему, вот такая-то ситуация... Есть у тебя какие-то деньги – дай! И он главреду приносит для меня, ну, сколько у него там было – полторы тысячи долларов. Часть денег достала семья Лены. Я звоню Березовскому (его телефон дали мне чеченцы) и говорю ему, что вот так и так, такая ситуация. Один заложник освобожден, я в таком положении нахожусь, жена его падает в обморок, – Березовскому я говорю, сам находясь во Владикавказе. Дайте денег. (По телефону разговору.) Не хватает всего ничего – сорок тысяч долларов каких-то. Он говорит: «Да-да, я знаю вас хорошо. Это не телефонный разговор. Вы можете ко мне прийти в офис?» Я говорю: «Я не могу прийти к вам в офис! потому что я нахожусь на Северном Кавказе!» Он говорит: «Ну, хорошо, а кто-то от вас может прийти ко мне в офис?» Я говорю: «Ну, Дима Муратов, главный редактор «Новой» придет». Он говорит: «Меня это устраивает». Звоню Муратову, говорю: «Дима! Иди к Березовскому, он даст тебе 40'000 долларов. Мне нужно это для освобождения заложника». Дима мне: «Ты сошел с ума! Завтра все скажут, что ты связался с Березовским, завтра все скажут про «Новую», что мы освобождаем за деньги заложников! Уже Сергей Алексеевич приходил и дал мне денег (полторы тысячи долларов), я не пойду к Березовскому!» – сказал мне Дима. Я звоню Эльвире Николаевне Горюхиной, она в Москве тогда находилась, говорю: «Эльвира Николаевна, срочно идите к Березовскому, получите 40 тыс. долларов,

привезите их мне во Владикавказ». Ну, Эльвира Николаевна звонит Березовскому, а потом мне: не дает Березовский денег! Денег нет. Леночка – молодая женщина, симпатичная, просто от горя умирает, плачет... Что делать?!

А это был конец марта 98-го года, я уже заканчивал службу в армии и у моей тети на «Речном» хранилось то, что за год я заработал в Чечне: льготы, 20 окладов денежного содержания (перед увольнением было 6'800 долларов). Я звоню Лене, говорю: Леночка, никто не идет к Березовскому деньги получать. Я свои деньги отдам, что у меня есть. Надо чтобы кто-то от вас – у Леночки брат, я его знаю – пришел к моей тете и взял у нее 6'800 долларов. Я звоню своей тете, тетя пожилая, одинокая (сейчас она в Израиле), говорю: «Отдай деньги – вот придет человек в 6 утра, потому что уже в восемь самолет, – ты отдай ему все мои 6'800. Никакой расписки, ничего не бери. Отдадут потом, не отдадут – мне эти деньги счастья не принесут, потому что я потеряю человека, которым занимаюсь». Говорю: «Отдай!» Тетя мне: «Я знаю Диму и Зою Ерошок. – Когда я служил в Чечне, то они тетю мою посещали, она их знает. – А других я не знаю, я никому больше не отдам, пусть *они* придут ко мне». Я говорю: «Не бойся!» Она говорит: «Я боюсь!» Я говорю: «Не бойся, я тебе пароль скажу! Ты скажешь: «Я – Мальвина», а человек, который придет к тебе, скажет пароль: «Я – Буратино». Вот ему ты деньги и отдашь». И вот, утром, еще не было 6 часов утра, моя тетя вышла из своей квартиры на 5-м этаже, вышла из квартиры и делает вид, будто она подметает в своем подъезде. И подошел человек, молодой человек. И звонит в дверь. Она на него смотрит. Она ему говорит: «Вы, случайно, не Буратино?» – а он ей: «А вы, случайно, не Мальвина?» Вот так они обменялись паролями, и она дала ему 6'800 долларов.

Но, скажу, прошло еще полгода, пока Дмитрия Петрова мы вытащили. И в первый же день, когда вытащили Диму Петрова, мы с Эльвирой Николаевной пошли к ним домой. Это 98-й год, август месяц. К тому времени уже год прошел, год почти он был в заложниках. А Дима высокий, был раньше более 100 килограмм, теперь он весил килограмм 60. Вот в таком положении. И Леночка Петрова была счастлива. Она изменила свой телефон, она не хотела общаться ни с кем. Я это понимал. Много лет после этого я с ними не общался.

*

Но в продолжение – еще одна история, связанная с ними.

Галина Волчек, руководитель театра «Современник», ставит спектакль «Три товарища» Ремарка, и ей необходима помощь. – Она приглашает меня, я иду с Э.Н. Горюхиной, она говорит мне, что мне нужен человек, который прошел бы войну. Ну, солдат бывший или кто-то. Я думаю, кого бы можно было из солдат, которых я освобождал, позвать. Это было через день после посещения квартиры Петровых. Э.Н. говорит: «Давайте Диму Петрова – он же книжный человек, давайте его!» Я и сказал: «Дима Петров». (А он тогда был безработный, он только освободился.) И они позвонили Диме, сказали, что он вот будет... И Дима Петров год работал в «Современнике», получал за это зарплату – на репетициях он играл одного из «трех товарищей». И вот, на премьеру спектакля «Три товарища» мне дали билеты, штук десять, для всех сотрудников. И Дима Петров там, на премьере, был, его жена Леночка... С 99-го года я Диму Петрова не видел.

И вот, прошло 10 лет, октябрь прошлого года. Мне звонят от Галины Волчек и говорят: сегодня будет трехсочный спектакль «Три товарища». (А в первых спектаклях играла Чулпан Хаматова, все тогда были молодые, им тогда было по 20 лет). И мы с Э.Н. через 10 лет идем на этот 300-й спектакль. Я говорю: «Эльвира Николаевна, я Диму Петрова и не узнаю через столько лет. Леночку, наверное, да – я много с ней находился, а Диму – нет». И вот, нам дали билеты, а рядом с нами было два свободных места, и на спектакль приходит Леночка вместе с Димой... Мы обменялись, конечно, телефонами. Дочка их, которой тогда, в 98-м, было 8 лет, сейчас студентка МГИМО. Дима Петров работает также, связан с церковью, с гуманитарной помощью Осетии, Леночка – она такая же, очень симпатичная, только они старше стали... Вот такая встреча через 10 лет состоялась у меня с бывшим заложником. Такая встреча.

как попадали...

Как люди попадали в заложники? Это интересная тема. Ведь ладно во время боевых действий можно попасть, стать пленным, заложником. Но *физически* как люди попадали в заложники уже в мирное время, когда не было войны? – По разному! Очень по-разному.

Например, майор Аристов из железнодорожных войск, майор медицинской службы. Как он попал в заложники? Он ехал в командировку в Дагестан, а служил он в Нижнем Новгороде, можно было проехать через Ставропольский край, а основная дорога трасса Ростов–Баку, она идет из Ставропольского края через Чечню в Азербайджан. Он поехал... и стал заложником. Майор Данильченко вместе со своим приемным сыном, Андрюшей Латыповым (ему было тогда, в 98-м, 13-14 лет), – как они попали в заложники? Они отдыхали в Пятигорске в санатории в апреле 98-го года. Начало апреля, какой-то выходной день, он решил навестить своих товарищей в Моздоке. А электричка идет в Минеральные Воды, а дальше в станицу Ищорская. Конечный пункт, Ищорская – это уже территория Чечни. А предпоследний пункт – Моздок. Вот они проехали Моздок, пропустили остановку и оказались в станице Ищорской, где их и взяли в заложники. Не просто бандиты, а фактически официальная власть Чечни.

А почему похищали до сотни людей в Дагестане, в 136-й бригаде, в 58-й армии Северной Осетии, 19-й дивизии? Массово похищали! Как эти военные попадали в заложники? А очень просто. Просто их похищали в Дагестане и вывозили этих заложников, этих солдат за деньги в Чечню – и мифом были все эти блокпосты и так далее, все эти посты ГАИ. За деньги был не только Буденновск, но и все эти посты ГАИ, после Буденновска. То же самое делали на территории Северной Осетии. А что – от Владикавказа до границы с Чечней шесть километров! (Это если идти по лесу, а многих заложников и вели по лесу, по речке, как они потом рассказывали.) Или еще показательный способ: во Владикавказской 19-й дивизии офицеры, прапорщики, отдавали солдат предпринимателям на работы какие-то. Ну, приходит он – дай солдатиков, а я тебе деньги дам. Таких случаев было очень много. Давал деньги тот человек, который так, просто!, брал людей в заложники и спокойно, на обычном рейсовом автобусе он их вывозил из Владикавказа в Ингушетию, а оттуда спокойно в Чечню. И так уходили туда не один, и не два, и не три: в заложники попадали целыми партиями люди – я занимался их освобождением, я знаю о том. Их действительно брали на работы, отдавали, чтобы заработать. Начальники, прапорщики, офицеры. Или вот в Дагестане: 136-я бригада. Был такой случай, когда боевики вошли в контакт с солдатиком российским, из глухой сибирской деревни. И они договорились с ним, что за каждо-

го заложника будут давать ему денежки. Немного, 300 рублей всего. И он своих товарищей из этой же части, выводил за территорию части, а там их ждала уже машина. Машина увозила их на один из заводов, который был когда-то в Буйнакске, и потом спокойно перевозили их в Чечню, минуя все блокпосты... Зная об этом, как не проанализировать тот путь, которым заложник идет из Дагестана в Чечню, какие посты он проходит! Вот эту информацию, не только информацию об этом, но весь путь я показал губоповцам Дагестана, России, но они этим, увы, не воспользовались. Показал как – сказал одному боевику доставить мне одного из освобождаемых заложников из Чечни в Махачкалу. От начала территории Чечни – не от Грозного, а от Чечни – до Махачкалы порядка 90 км приходится. Это сколько же блокпостов! А боевики спокойно доставили мне заложников туда, куда я им сказал – в Махачкалу, так в Махачкалу. Это было в августе 98-го.

Это разные механизмы...

Например, Виктор Петров, самарский журналист, и Светлана Кузьмина, руководитель женского движения Самары. Как они попали в заложники? Был такой солдатик из 81-го полка Алексей Чегодаев, из Самары. Он погиб, пропал без вести в первые январские дни 95-го. А мать его – Надежда Чегодаева – жила надеждой, что ее сын живой. И вот подключаются люди – всегда подключались какие-то люди: где-то это было престижно, где-то они переживали по разным причинам, – чтобы помочь ей. Вот, Виктор Петров подключился и Светлана Кузьмина из Самары. Им сказали, что в Ингушетии там-то и там-то живет такая женщина, Родимхан Могушкова, что жив Алексей Чегодаев – он в 95-м в январе месяце пропал, а это был уже 1999 год. И эти люди поверили, и эти люди поехали в Чечню. Алексея Чегодаева, конечно, они не застали (потом, в Ростове в 124-й лаборатории, Надежда Чегодаева нашла останки своего сына), а сами, Виктор Петров и Светлана Кузьмина, стали заложниками.

Но была еще интереснейшая техника, выдающийся способ транспортировки похищенных заложников. Машина, грузовая, допустим – «камаз», крытая. (Я бы никогда не догадался – никогда. Те другие силовые и коррупционные случаи – о них можно догадаться, а здесь очень трудно, невозможно). Причем машина не просто крытая, но с кузовом из железа. Казалось бы, возят продукты и так далее... И вот, один человек, чеченец, обращается к товарищу: «Хорошая у тебя машина, ты зарабатываешь на ней, возишь продукты

возьму такую же!» Он занимает денег, покупает машину, но, какое-то время проходит, жалуется: «Торгую продуктами, в Москву езжу, но все равно еле-еле свожу концы с концами. А ты такую купил иномарку, как у тебя только получается!» И тот рассказывает ему: «Я не грузами этими зарабатываю... зарабатываю заложниками. Можно привести человека из Москвы, из Волгограда...» Я говорю о действительности – так и вывозили. Из Махачкалы, машина. Кузов машины железный, и в железном кузове делается еще она стойка, боковина – между боковинами всего несколько сантиметров, заложник в этой пазухе помещается еле-еле. Когда сотрудники милиции рассматривают кузов, видят – продукты и все такое прочее, все нормально, а здесь между этими железными боковинами находится заложник! Вот таким образом и вывозили похищенных из Москвы, Волгограда и даже из Сибири. Из Дагестана, конечно же, тоже. – Володю Фаиля, тринадцатилетнего мальчика, ученика средней школы №39 города Махачкалы, так похитили. Он шел – 99-й год был, май месяц – из дома в школу, буквально 100 метров он прошел. Его схватили, посадили в такую машину и вывезли из Махачкалы в Чечню. 90 километров...

А был и такой интересный способ, когда делали схрон в грузе стекловаты, а там где-то – за стекловатой – заложник и человек с ножом или пистолетом, чтобы тот не пикнул...

Вот такие были способы. Но главный способ – это денежки, которые на блокпостах платили нашим людям, нашим милиционерам и так далее и так далее. И вот, рассказывая об этом, я обязательно должен упомянуть, что все эти способы тогда я уже знал и чувствовал себя обязанным как-то показать правоохрнительным органам, как именно конкретно попадают люди в заложники. И вот август 98-го года, начало августа, мы с Э.Н. едем в Дагестан.

Пять дней мы были в Дагестане. В первый же день приезда в Махачкалу – у меня была, так сказать, договоренность в главном управлении по борьбе с организованной преступностью в Москве, они дали координаты, сообщили обо мне, что я приехал в Дагестан, начальнику дагестанского РУБОПа Руслану Гитинову (сейчас он руководитель антитеррористического центра в Нальчике, в Кабардино-Балкарии, а тогда, в 98-м, был руководителем РУБОПа в

Дагестане.) Он выделил мне машину, для всех моих поездок, любых. И мы с Э.Н. и водителем съездили везде, в Дербент – 120 километров на юг, были в крепости и так далее, разъезжали везде на этой машине. И вот 5-ый день, день нашего отъезда, я говорю Э.Н. (а до этого ни слова не проронил): «Перед тем как мы улетим из Дагестана, будет освобожден заложник». – Я договорился с чеченцами, с теми людьми, с которыми я говорил, чтобы они не в Чечне дали заложников, не в Ингушетии, а в 90 километрах от границы с Чечней, в Дагестане, в аэропорту Махачкалы.

Это был солдатик, 136-й бригады, Чудаков его фамилия (Юра, по-моему). В аэропорту находились работники РУБОП Дагестана, потому что этого заложника я должен был передать им, и я сказал им не брать того человека, который привезет мне заложника. Я сказал тогда этому человеку, чтобы он привез мне этого заложника. И я сказал губоповцам: «Ваша задача не брать его, а проследить, как из Чечни, минуя десятки блокпостов, он попадет в Махачкалу. Этот путь, как он привезет заложника, это тот путь, каким и заложников, похищенных в Дагестане, возят в Чечню». То есть на блюдечке я им принес это, и действительно, в назначенное время мне заложника, Юру Чудакова, привезли в аэропорт Махачкалы. А дальше я познакомил губоповцев, руководство ГУБОПа, я познакомил их с тем человеком, который привез мне заложника. И сказал: отследите весь этот процесс – как он уезжает в Чечню, как он приезжает в Чечню. Но губоповцы тогда не сработали, это я потом узнал... Или не хотели сработать. Или были коррумпированы. Не знаю. Не мое дело. Я им все сделал, на блюдечке преподнес, но они этот процесс не использовали...

Козьменко/Хачилаев...

Конечно, люди по-разному себя ведут, находясь в заложниках, да и я почти никогда не спрашивал о том, как вы там находились, как вы себя вели, находясь в заложниках, но иногда некоторые вопросы некоторым из них, заложникам, мне приходилось задавать, потому что надо было освободить еще других людей. И какую-то информацию я должен был знать. Я узнавал, что по-разному они вели себя.

Вот, Виталий Ильич Козьменко. Он попал в заложники в 70 лет. Его держали в яме зимой – он выдержал это. В 70 лет выдерживал то, чего не выдерживали люди, которым

было по 18-20 лет, российские солдаты. После ямы он был месяц на открытом воздухе, находился в доме в качестве заложника, ну, не в доме, а в подвале, а в этом подвале нельзя было встать даже в полный рост. Он был связан по рукам и ногам, можно было только пригнувшись, ходить. (А он был высокого роста, Виталий Ильич.) Жена Козьменко, Ольга Павловна, в советское время была следователем по особо важным делам в прокуратуре Чечено-Ингушетии. У них была в Грозном квартира, хороший домик кирпичный, а дети уже жили в Москве. И вот они уехали из Чечни... 97-й год, звонят их соседи по Грозному из Чечни. «Виталий Ильич, квартиру вы же должны продать, вещи у вас хорошие. Ну, приезжайте, когда-нибудь»... И Виталий Ильич поехал. И был похищен – почти сразу. Он находился в заложниках год и два месяца, семидесятилетний человек и в таких условиях. (Он был похищен в ноябре 97-го года, а освобожден в январе 99-го года. И все это время он находился в таких условиях.) Что только я не предпринимал, на какие ходы я только ни шел, чтобы его освободить, – ничего не помогало! Но у бывшего депутата Госдумы Надира Хачилаева был адвокат Борис Замосковчев, московский адвокат, который вышел на меня. – Сам НаDIR Хачилаев, депутат Госдумы, лишенный депутатской неприкосновенности, в конце концов попал в Лефортово, но тогда он еще не был задержан. Он прятался в Чечне. И вот свели его с Ольгой Павловной Козьменко, а ему нужен был именно такой адвокат: муж ее – в заложниках, а сама она – бывший следователь по особо важным делам Чечено-Ингушетии. (Уже в Москве она стала адвокатом, а лет ей было столько же, как и Виталию Ильичу). Я сказал ей, когда НаDIR позвонил ей из Чечни: «Будьте его адвокатом!» – И она стала адвокатом Надира и адвокатом его брата, Магомеда Хачилаева (он был замминистра рыбной промышленности Дагестана).

А с чего они попали в такое положение? – В 98-ом году, в мае месяце, они захватили здание Госсовета республики... После каких событий? – НаDIR был при Госдуме, Магомет – при министерстве. И не просто у них были дома в Дагестане, а целый квартал домов. (Когда Ольга Павловна Козьменко стала адвокатом Магомеда Хачилаева и встречалась с ним в тюрьме, в Махачкале, то в тюрьме он встречал ее как в собственном доме, черной икрой и прочим. Так что хорошо быть адвокатом такого человека, даже находящегося в тюрьме.) События мая 98-го года – что это было?

Тут не обойтись без предыстории... Хачилаев – лакец по национальности, а район Новолакский граничит с Чечней. И очень часто похищали из Новолакского района людей в Чечню... Один день Хачилаев едет в Новолакский район, в свой район, сопровождают его, конечно; потом возвращается ночью в Махачкалу, его сопровождают, опять-таки, люди. Сопроводили они его до улицы Титова (в Махачкале это недалеко от рынка) и потом возвращаются обратно. А люди эти были боевики, дагестанские боевики, которые базировались в Чечне. Одного из этих боевиков, старшего, звали Шапи Микатов, он был аварцем, – впоследствии он скрывался в селе Бороздинском, известном чеченском селе, где многие уже совсем недавно, уже при Кадырове, погибли. Там живут аварцы, много чеченцев в селе. И он там скрывался... Тогда же, когда он возвращался, сопроводив Надира Хачилаева, – только он от него отъехал, как его остановили милиционеры. Несколько милиционеров его остановили. – Всех милиционеров расстреляли... И сразу ОМОН и все такое прочее – перекрыли дорогу. Куда же вернулся Шапи Микатов со своими людьми? – В дом Надира Хачилаева. Шапи Микатов, убийца, находится в доме Надира Хачилаева, депутата Госдумы... Омоновцы окружили дом, хотели брать штурмом. Но тут... Набир Хачилаев и его брат, повторю – замминистра рыбной промышленности Дагестана, врываются на площадь, их сторонники идут на площадь. Фактически берут штурмом здание Госсовета республики. (Сейчас в Дагестане президент, а тогда был председатель Госсовета.) Там, в здании Госсовета, все пораскрывали, похитили деньги из сейфов... Именно за эти беспорядки в мае 98-го на братьев Хачилаевых и было заведено уголовное дело...

И вот Ольга Павловна... Набир Хачилаев находился в Чечне – и его в Чечне похитители людей в селе Маиртуп познакомили с Козьменко: «Вот, заложник у нас есть...». И эти чеченцы говорят Надиру, есть классные адвокаты, которые занимаются своими подопечными, уголовниками, допустим, потому что они профессионалы во всем, они очень сильные сами по себе. А есть адвокаты, у которых большие связи в прокуратуре. И они сказали: «Вот, Ольга Павловна – она такой адвокат, у нее большие связи, и кроме того, что она профессиональна, так еще и ее муж у нас. Ты бери Ольгу Павловну, ты бери ее мужа за деньги себе». Я Ольге Павловне говорю: «Все! Вы адвокат Надира Хачилаева», – и Ольге Павловне организуется выезд в Ичкерия и встреча там с мужем-за-

ложником. Пять минут они поговорили с мужем, эмоциональная была встреча и так далее. А дальше сказали: «Теперь, Ольга Павловна, занимайтесь Надиром. В уголовном розыске он. Будете его адвокатом – получите назад своего Виталия Ильича».

Да, из года двух месяцев Козьменко где-то год пребывал именно в селе Маиртуп. Причем у разных людей. Где-то он в подвале дома находился, где-то в подвале дома хозяин разрешал ему передвигаться. В последнем доме, где его держали, хозяин освободил его от наручников. А был и у таких, когда руки-ноги заковывали цепями. Несколько месяцев он находился так. Когда в туалет надо было, то освобождали, допустим, одну ногу, одну руку, – ходил он фактически под себя. И такое было... Год держали в заложниках. Раз в неделю машина отъезжала, открывался люк, ему вниз сбрасывали пищу... Весь вшивый, похудевший вполовину он вернулся. И первое, что он сделал, когда был освобожден (25 января я его освободил), он окунулся в прорубь в Москве-реке. Сразу в прорубь. (Он, Виталий Ильич, и до этого занимался моржеванием, никогда не пил, не курил). Он выдержал, все это выдержал. Сейчас ему 83 года, он 27-го года рождения, зимой ко мне приходит без шапки, без головного убора. Зимой.

Надир Хачилаев. Зная, что у него такой адвокат, для Ольги Павловны он Виталия Ильича освободил. В день его освобождения я Ольге Павловне говорю: «Передайте Надиру наши подарки, маечки «Новая газета», зажигалки, что-то такое. И Надир буквально сразу же на себя надел эту майку «Новой газеты»... Вот так Виталий Ильич Козьменко был освобожден. Надир после этого получил УДО, вышел на свободу. Магомеда тоже выпустили... Сейчас ни Магомеда ни Надира Хачилаева нет – убиты (скорее всего – кровная месть). Убит и второй адвокат Надира – Борис Замосковчев, в Астрахани в конце 2004 года. (Я в Астрахани с ним встречался за несколько дней до убийства, само дело ведет генерального прокуратура, я давал по нему показания.)

Добавлю, что в дальнейших моих делах, которыми мне пришлось заниматься, уже с генеральной прокуратурой и так далее, адвокатом по некоторым людям, совершившим уголовные преступления в Москве и так далее, у меня была Ольга Павловна Козьменко. Она была адвокатом по многим

моим делам. Дело в том, что «за красивые глаза», что называется, я мог освобождать в 1996-97 годах – но сколько можно...

В 98-м я тоже некоторых освобождал «за красивые глаза». Но с апреля месяца мой ресурс кончился. Кончился мой ресурс. И дальше обращаться к Масхадову, Арсанову – дайте мне! дайте мне! – уже было нельзя. Конечно, просто боевики, когда видели меня, говорили: «Что, опять Измайлов приехал?» (тот же Доку Умаров, нынешний «президент Ичкерии», «Измайлов, что – опять приехал освобождать заложников?»), – то есть я мешал их бизнесу, становился неудобным. И вот, апрель месяц, я понимаю – мой ресурс уже заканчивается. А на меня насаждают многие родственники заложников, на меня насаждают и чеченцы. Я уже стал популярен. Я уже могу! – А ресурс мой закончился! И в этот момент обратился я по одному делу к Юре Щекочихину (Юра был связан со многими силовыми структурами, в том числе и с Генеральной прокуратурой). Дело было такое...

«Люба» и жалость

В тюрьме в России сидел один ингуш, я уже забыл как его фамилия, а жена его продавала наркотики и жену, Любу, тоже посадили. Она в женской тюрьме в Москве сидела. У них было трое детей. Дети остались у родственников, родственники все, что угодно обещали мне – «только Любу освободи!». Сидит муж Любы, сидит Люба тоже. Они мне говорят: там сидят русские, она там одна женщина-ингушка, мусульманка, а сидит в Москве вместе с ними. Ну, хорошо, через Юру Щекочихина я связался с Михаилом Борисовичем Катышевым, зам. генерального прокурора России. Договоренность была такая: они, чеченцы, родственники Любы, освобождают мне троих людей, тех, которых я скажу, как освобождают – это их дело. За деньги или что-то такое. Они освобождают тех людей, которых я скажу. Где они находятся, я тоже скажу. Их задача – вызволить и вывезти их в Ингушетию. Моя задача – вернуть Любу. Люба находилась под следствием, мера пресечения была содержание под стражей. Описал я Катышеву всю ситуацию. Дело Любы он поручил следователю генеральной прокуратуры. Тот – я с ним перезваниваюсь (Каминин фамилия его, помню, была) – мне говорит: «Все, я теперь раскрутил все дело, теперь Катышеву надо отдать. Но я же не могу подойти к замгенпрокурору!» Тогда я беру дело у следователя генеральной прокуратуры и

иду с ним к Катышеву (следователь не может, а я, получается, могу!), говорю: «Вот так...»

Далее договоренность такая – я вытаскиваю сначала этих людей и говорю ингушам, родственникам Любы: вы мне передаете трех этих солдат! А это было 30 апреля 98-го года, когда я должен был забирать этих людей. А 1 мая выходной день, 30 апреля – сокращенный день, 2-го – выходной, 3-го – выходной. Я им говорю: «Ваша Люба, как мне говорят в прокуратуре, выйдет 5-го числа. Ничего? Я заложников заберу 30 апреля, а 5 мая выйдет ваша Люба, потому что выходные дни». Они говорят – «хорошо-хорошо!». Теперь они мне только «хорошо-хорошо!» говорят, у меня с ними отношения сложились.

И вот тут я как бы ... психологически, не знаю, расслабился, проявил «слишком много понимания»: мусульманка, женщина, сидит в тюрьме и т.д., майские праздники ей тоже сидеть, – и я прокурору, следователю прокураторы, говорю: «Слушай, я утром 30-го поеду в Ингушетию, мне передадут заложников и я тебе сразу же позвоню. Это будет часа в 3 дня: как заложники будут у меня – ты освобождаешь Любу, 30-го числа». Не по инициативе ингушей, сам я решил Любу не 5-го мая, а – сделать им доброе! – 30-го апреля освободить. Он мне говорит: «Слушай, 30-го апреля сокращенный день. Мы ведь тоже должны отдыхать, начальники тюрем. После обеда все люди уже отдыхают и я не смогу ее освободить. Могу только утром 30 апреля». Я ему говорю – ну, хорошо, я верю этим ингушам, давай, освобождай ее утром, когда я поеду. Так мы и договорились.

И вот, прилетаю я в Ингушетию. (Это о моем «профессионализме».) Где эти ингуши? Где заложники мои? Люба освобождается, а заложников нет! Я звоню этим чеченцам домой, звоню в Москву их родственникам. – В Москве телефон не отвечает, у них дома в Ингушетии телефон не отвечает. Уже обратный рейс, я мечусь по этому аэропорту, требую, чтобы самолет задержали. Ну, все знают меня в Ингушетии, задерживают самолет. А заложников так и нет. Я Любу держу, звоню бесконечно в дом ее родственников в Ингушетии, а самолет задерживается уже на полчаса! Наконец трубку берет одна из родственниц Любы. Я ей кричу: «Ваша Люба не выйдет никогда, если вы не отдадите мне *сейчас* заложников!» Мне говорят: «Наши ребята поехали за заложниками, они уже должны быть давно в аэропорту». И через 15 минут, когда последний звонок мой был, привозят мне заложни-

ков моих, солдат. Состояние у меня было страшное, страшное тем, что я освобождал заложников, а здесь получается, что я освободил Любу, ингушку, она вышла под подписку о невыезде, уже выехала в Ингушетию, а заложников я не освободил, заложников нет! Объяснения мои ничего не стоят – людей нет!.. И тут мне привозят заложников, а я уже как под градусом шел. Я им кричу: «Почему вы не вовремя привезли заложников?» Они: «Нас остановила милиция». Тогда я сажусь с этими ребятами, солдатами в самолет. Говорю: «Вас действительно задержала милиция? Поэтому вы опоздали?» Они мне: «Мы дом строили у этого ингуша, он говорит «пусть Измайлов подождет три-четыре дня», что потом нас привезет. Они дом строили!.. Если бы я так не накричал, если бы у меня ум за разум не зашел, они бы не привезли этих заложников вообще! Вот так была освобождена Люба, вот так я чуть не попался на жалость... были и другие примеры.

Например, с Ольгой Павловной Козьменко было несколько вариантов освобождения ее мужа. Был такой вариант, когда бывший замгенпрокурора Чечни, уже будучи адвокатом, он вел дело одного человека. Тот человек сидел. И договоренность у меня с Генеральной прокуратурой была такая: сначала я забираю заложника, потом вы отпускаете этого человека (он где-то в Башкирии или Татарстане сидел). Дело его генеральная прокуратура по моей просьбе себе забрала... Но женщина, что вела в генеральной прокуратуре это дело, допустила оплошность: сначала отпустили этого чеченца, а Виталия Ильича Козьменко я так и не получил. Я их предупреждал, писал письма, что сначала должен освободить Козьменко и лишь потом можно отдавать этого человека. Получилось наоборот, т.е. вообще не получилось – я Виталия Ильича потерял, задержалось на несколько месяцев его освобождение. То есть вот такие истории были тоже, конечно. Но после «случая с Любой» – уже нет. Слава Богу, у меня был уже опыт. Уже я жалость такую не проявлял. Не должен был проявлять, потеряв людей. Такое было при освобождении.

состояние-там

Обязательно я должен сказать о моем *состоянии там*, каким оно должно было быть. В то время я обычно писал для «Новой» и так далее, но когда уезжал в Чечню, то обо всем забывал. За сутки до моего отъезда – всё. Там я уже становился, как бы это сказать, *другим* человеком... то есть мое состояние было такое, что я был направлен на одну цель, только на освобождение человека в Чечне, и я должен был работать таким образом, так, что сутки я не собирался стать, исходя из этой науки виктимологии – науки о жертвах преступлений, – я не должен был стать жертвой ни с одной, ни с другой стороны. Я не должен был попасть в заложники. А такие возможности были *реальны и многократны*... Сутки, двое максимум, я мог держать этих людей, для этих людей тогда я был, что называется, солнцем. Но чем дальше, тем больше иссякали мои возможности, иссякало мое физическое состояние. Через сутки-двое я уже становился не железным, а уже «берите меня!», я уже не мог воздействовать на себя и на этих людей. Поэтому я должен был сработать именно за сутки. Именно за сутки. Первый день для них я – «всё». А дальше уже физическое состояние не позволяло мне их держать. Вот так мне приходилось делать... Но я должен рассказать вам еще об одном освобождении 98-го года. И потому что это освобождение было связано с ребенком, и потому что я имел дело с тем человеком, который в общем-то известен и сейчас... Данильченко сбежал сам.

Андрюша – без гарантий, без обмена

Андрюша Латыпов – мальчик, который был заложником в Чечне с апреля по июль 98-го, когда я его освободил. Обычно, когда я работал по освобождению заложников, редакция не ставила мне задачи, кого освобождать конкретно. Здесь же, в апреле 1998 года, мне была поставлена конкретная задача – освободить Андрюшу Латыпова. Этот мальчик – о нем была передача «Взгляд» в 95-м – был санкт-петербургский беспризорник. (Когда беспризорники прятались зимой в машинах, одна машина загорелась, Андрюша Латыпов пытался вызволить своего товарища, но тот сгорел. Сам Андрюша весь был обожжен, он лечился.) Потом его усыновил майор-десантник Сергей Данильченко...

И вот они в плену, и нужно было освободить Андрюшу (много времени больной человек в яме не выдержит). Сам сбежав из плена, майор Данильченко мне рассказывал, что

«он не мог бежать со мной». По мальчику нужно было работать как можно быстрее... Но у меня на это ушло несколько месяцев. С апреля – он был похищен где-то 7 апреля – до 23 июля. 23 июля – я эту дату, как сейчас помню: в этот день мне пришлось от разных похитителей людей освобождать. – Двоих солдат, это одна группа; инженер Поклонский, ему тогда было 60 лет, он был от Мосгорстроя, с них просили миллион долларов за него; и четвертый – Андрюша Латыпов. Но это все были три разные структуры, с которыми я имел дело, а увозил всех 23 июля 98-го, в один день. Расскажу, с кем я имел дело по Андрюше Латыпову.

Есть такой человек, он был замминистра внутренних дел Чечни при Дудаеве, его зовут Алауддин Мусаев. Отец того парня, адвоката, что защищал одного из Махмудовых, проходивших по делу Анны Политковской. Шустрый такой адвокат, Мурад Мусаев. Вот с ним, его отцом, и была у меня договоренность. Но прежде чем я на него вышел, были у меня и другие разные встречи. Сразу же после похищения Андрюши Латыпова, когда мне поставили задачу по его освобождению, я связывался с людьми, близкими Руслану Гантемирову, бывшему мэру Грозного, бывшему вице-премьеру Чечни. Он находился тогда в тюрьме в Москве. И договоренность у нас была такая: вы освобождаете, достааете мне мальчика, а я занимаюсь Русланом Гантемировым. Вы мне отдааете мальчика – я освобождаю вашего Руслана...

Я тогда еще был в погонах, был военнослужащим. На переговоры я взял с собой замглавреда «Новой». Они мне говорят: «Нам Латыпов, мальчик, обойдется в 500'000 долларов. А если ты потом не освободишь Гантемирова, кто нам потом возместит этот ущерб?» Говорю им: «Если что – я возмещу эти 500'000 долларов». Они мне: «А ты можешь дать нам гарантии письменные?» Говорю: «Хорошо, я даю вам письменные гарантии». И пишу, что я такой-то такой-то, майор Измайлов, если вы мне освободите Андрюшу Латыпова, я помогу вам в освобождении Руслана Гантемирова, если мне не удастся это сделать – возмещу ваш ущерб в 500'000 долларов». Они отксерили эту мою бумагу в 10 экземплярах. А замглавреда побежал жаловаться «главному», что я вот такие даю гарантии на 500'000 долларов за освобождение мальчика... Я им говорю: «Вы же мне поставили задание: освободи, мол, немедленно, он – больной мальчик. Вы хотите, чтобы я освобождал какими-то другими, более для вас пристойными способами, да? Я же не вижу другого способа – только таким...» Главный

меня вызывает к себе и говорит: «Всё! ты мальчиком больше не занимаешься! Занимаешься другими там, солдатами и так далее. Мы с Щекочихиным будем заниматься мальчиком». Ну, я съездил в Чечню за солдатами и так далее и так далее. Приезжаю – нет моих людей, чеченцев, которые занимались мальчиком. Оказывается, Щекочихин и Муратов вели с этими чеченцами переговоры и довелись до того, что Щекочихин им начал угрожать ФСБ, они стали ему угрожать, что мы тебя достанем и на даче твоей, Муратова грозились похитить, только он выйдет из дома. В общем, разбежались... А я остался ни с чем. И мне пришлось иметь дело с другими людьми, вот как раз с Алауддином Мусаевым...

Вторым человеком, который вел со мной переговоры, был Саид-Селим Бациев, который был представителем шариатской безопасности Чечни при МВД России. То есть они мне должны были дать мальчика, после этого я должен был помочь освободить брата родного Алауддина Мусаева, а брат родной находился в следственном изоляторе Башкирии. Я сказал об этом Катышеву, и так далее, и так далее. Катышев свел меня со своим заместителем Аристовым. Аристов контролировал следствие Генеральной прокуратуры. Следствие по линии МВД. Один зам. его контролирует по линии прокуратуры, другой – по линии МВД. Вот, договоренность была такая. Теперь, 23 июля я получаю заложников-солдатиков от одного человека, Поклонского – от другого, но нет Андрюши Латыпова! Самолет уже должен улетать, а Андрюши все нет и нет! Наконец привозит мне его Саид-Селим Бациев. Я говорю: «Почему ты задержался?!» Он говорит: «Я задержался, потому что было покушение на Масхадова. И мне трудно было добраться, все было из-за покушения перекрыто». Вот этих четверых 23 июля я вывозил.

И после этого я должен был – мне ведь дали – брату Алауддина Мусаева помочь. Генеральная прокуратура мне говорит: «Нам просто жалко – за мальчика, больного мальчика мы отдаем этого бандита!» Я говорю: «Не отдавайте! Напишите своей рукой: «вытащи еще такого-то и такого-то!»». Они говорят: «Мы не можем так поступать». Я им: «Хорошо, я напишу своей рукой от вашего имени». Я своей рукой за них написал, передал Алауддину Мусаеву, говорю ему: «Ты – молодец! Ты освободил мальчика мне, Андрюшу Латыпова, теперь освободи мне еще таких-то и таких-то людей». Он мне: «Ты хуже Радуева! С тобой невозможно иметь дело! Мы с тобой договаривались за мальчика брата моего,

а сейчас ты ставишь другие условия! Я этих освобожу, ты какие-нибудь новые условия выдвинешь! Не имею я с тобой больше дел!»... Вот так Андрюшу Латыпова я получил ни за что. Ни за кого. Да...

3.

Поклонский, «утрата жалости»

Поклонский – инженер Мосдорстроя, сам из Минеральных Вод. Как этот человек попал в заложники? Он – Мосгорстрой – строил мосты к новой столице Ингушетии Магасу. Он жил в вагончиках, ребята жили в вагончиках, и, видимо в выходные или как-то, приехала к нему жена, недалеко – из Минвод. И вот похитители из Чечни, а это было в Ингушетии, они ворвались ночью, это было после 12 ночи, в этот вагончик, где находился Поклонский с супругой со своей, они накрыли подушкой женщину, лицо женщины, чтобы она не говорила ничего и похитили вот этого инженера.

После этого похитители обращались к руководству Мосгорстроя, письма писали, о том, что с вас миллион за вашего сотрудника. – Эти письма мне передавали, и руководство и племянник Поклонского. Но долгое время у меня не было возможности им заняться. Он порядка года был в заложниках. И, в общем-то, этому человек не на что было рассчитывать. Получилось так, что правоохранительные органы им не занимались, не имели такой возможности. – То одно, то другое дело, то дети, то женщины, и так далее, и так далее. Возможностей не хватало. Но один случай мне представился. Сотрудник МВД Москвы, чеченец, охранник метро, совершил уголовное преступление вместе с таким же криминальным человеком, был обвинен – они у турка похитили 4 тыс. долларов. Побили этого турка и ограбили. Он написал заявление, взяли этого сотрудника, собственно говоря, обоих взяли. И дело было уже в суде. Прокуратура мне помочь не могла. Я всем людям, кто тогда ходатайствовал за своих родственников (кстати, дядя этого человека, он работает сейчас в правительстве Рамзана Кадырова, ходатайствовал за него), я им сразу сказал: «Мне нужен *Поклонский!*» При таких-то обстоятельствах его взяли... Скорее всего, по моей информации, он находится не просто у бандитов, которые похищают людей, а у официальных властей Чечни, «поэтому вам легче будет договориться» –

говорю. Конечно, ради своего племянника... И я сразу сказал, что если над племянником будет суд, то моя, как общественного защитника вашего родственника на суде, задача будет заключаться в том, чтобы дело, «после того, как вы сработаете по Поклонскому», чтобы дело вернули, суд вернул дело следствию, прокуратуре. (Иначе, по суду, я не мог решить вопрос по человеку, по прокуратуре, если дело было не за судом – тогда да, я мог обратиться...) Я выступаю на суде этого милиционера в качестве общественного защитника, получается дело вернуть следствию, прокуратуре, и дальше уже дело мое: мне – Поклонского, а он, ваш родственник, получает подписку о невыезде, мера пресечения меняется: с содержания под стражей на подписку о невыезде. И они мне дали Поклонского.

Я знаю при каких обстоятельствах его брали, а здесь ситуация способствует тому, чтобы узнать, у кого же он был. Просто у бандитов или у властей Чечни, которые, фактически получается, что... тоже бандиты? Я узнаю, что родственники этого человека, криминального милиционера-чеченца, они передали определенную сумму – 10'000 долларов – и пистолет «беретта» не кому иному, как замминистру внутренних дел Ичкерии... Ну, не миллион, как они просили, здесь обошлось, некому заниматься Поклонским, никто не дает за него, но вот получили бандиты такой выкуп (причем тем людям, что выкупали, и эту сумму пришлось занимать). Я это узнал, я это выяснил. Мне это узнали – не похитители, не те, кто давал деньги, но информацию такую я получил.... И дальше для меня такая ситуация получается, что Поклонский выходит просто за человека, который совершил уголовное преступление, реальное уголовное преступление! Турок тот, которого ограбили, он уехал от греха в Турцию. А этот человек, чеченец, совершил реальное преступление, и мне было жалко менять его один на один. Было у меня такое правило, что обычно я брал минимум троих человек. Троих заложников, если я поспособствовал – честными ли способами, нечестными ли, не знаю, их можно называть по всякому – освобождению этого человека. Потому что подписка о невыезде – ну и что, он уезжает в Чечню. И ловите его в Ичкерии, ловите его там. Мне было жалко... Я сказал этому чеченцу «нет», когда он мне освободил Поклонского, – «нет!». Я сказал: «За одного – не пойдет». Сказал: «Жалко, жалко». (Мне и в генеральной прокуратуре сказали «жалко».) Они на меня накинулись: «Как?! Ты же обещал за од-

ного!» Я им: «Обещал – передумал. Дайте мне еще одного заложника как минимум». Они говорят: «Как! Ты же давал слово!» Глаза у них красные, лица красные. В общем, натравливают они на меня уголовника. Ну, уголовного авторитета. Тот приходит в «Новую» и набрасывается на меня с грозными словами: «Кто тебе дал полномочия этим заниматься? (В смысле – освобождением заложников.) – Никто мне не давал, кроме газеты. Никто не давал полномочий». В общем, я ответил ему тем же – послал его подальше. А они побежали жаловаться на меня главному редактору. Что я вот так и так – обещаю, но не делаю. И так далее. Но я понимал, что я не имею права... Я был уже не тот, который из жалости к женщине, сказал «не 5 мая освобождайте, а 30 апреля». И чуть меня не обманули. Чуть заложников мне не... Их мне могли вообще не дать! Я уже был жестким по отношению к ним. Тем более, я уже узнал, что тот человек совершил преступление. И жалости не должно было быть...

И все-таки я их заставил: 23 июля они мне дали Поклонского, а в конце октября достали мне еще одного человека. Солдатика. Не помню его сейчас фамилию, но забирал я его 21 октября. Почему я хорошо помню эту дату, потому что 20-го была убита Галина Васильевна Старовойтова. А именно в этот день я собирался ехать утром в Ингушетию, Чечню. Именно в этот день... Никогда такого не было, чтоб я договаривался и не поехал. А тогда я не смог поехать. Утром, перед тем как выходить уже из дома, в 6 утра, я включил телевизор и узнал, что Старовойтова, чьим помощником я был, она убита. Я перезвонил, попросил перенести все на следующий день... И на следующий день я приехал.

А за солдатика должны были сразу же изменить этому чеченцу меру пресечения: с содержания под стражей на подписку о невыезде. Но родственники его пришли в следственный изолятор, а его не выпускают. Я позвонил в прокуратуру, и его выпустили. Поздно ночью, но выпустили. Вот, просто здесь я хотел бы подчеркнуть, как содержали Поклонского, *кто* содержал – официальные чеченские власти! Поклонский после этого мне рассказывал, как его держали в гараже, били, издевались над ним, не кормили вообще. И вдруг, когда я о нем договорился, отношение стало другим... Он мне рассказывал, пока мы летели в самолете с ним. А абсолютно отношение изменилось в последний день. Около его гаража, он слышал, как бы «силовую операцию» провели ичкерийцы. – На самом деле это была ложь, на самом деле

это бандиты, после того, как я дал добро, это они провели «силовую операцию», они его «освободили». Просто сделали вид, будто проводится силовая операция... Потому что за Поклонского получил определенные дивиденды замминистра внутренних дел Ичкерии. Вот такая интересная была ситуация, которая фактически отметила поворотный пункт и в моем отношении к обмену. Если бы это было в 96-97 годах, я бы становился на колени, кланялся бы руководителям, чтобы мне дали заложника, я привозил Масхадову письма родственников людей, которые находились в заложниках, письма матерей, солдат, жен, детей, офицеров и так далее, – а теперь я уже был другой, я уже понимал.

рассказ Абдурахмана

Я теперь был другой, более жесткий. Увы, альтернативы у меня нет, почти нет. Люди будут просить за своих родственников, конечно, но позиция моя должна быть такой, пусть меня после этого осудят правозащитники и так далее: как можно больше вытащить людей – людей, которые находятся в заложниках, над которыми издеваются. Ладно, если они остаются живы. Некоторые уже были убиты, вот трое англичан и новозеландец, которые находились сначала у братьев Ахмадовых в Урус-Мартане, а потом там же в Урус-Мартане в другой яме, в другой тюрьме, у Арби Бараева, – убили их уже. Мне рассказывали заложник, чем отличалось пребывание у Ахмадовых – я говорю Ахмадовы потому что это целая семья: Увайс Ахмадов был начальником ГУВД Урус-Мартанского района, а братья, их было шестеро или семеро, они занимались вот... содержали заложников. И если возвращаться к этим англичанам и новозеландцу (я, кстати, для ВВС рассказывал о них) – их привезли в начале октября 98-го года, абсолютно голых. Эти люди сделали свою работу по проведению телефонной, спутниковой связи в Чечне, и после того как они завершили свою работу, их захватили в заложники – ночью с постели подняли. Даже те, кто находился с ними в яме, они делились своей одеждой с этими англичанами. И один из этих других заложников – Абдурахман Адухов, он тоже находился в этой яме, был замминистра торговли Дагестана, – впоследствии он мне рассказывал, в каких условиях они находились, как относились к англичанам и новозеландцу, как они себя вели – очень мужественно. И как боевики, держа этих людей в заложниках, пока-

зывали им видеофильм, как они человеку отрубают голову, Зинченко, фамилия этого человека была... Группа рабочих строила дорогу к новой столице Ингушетии, Магасу, и их похитили – не одного, не двух, не трех, а несколько человек. Они были из разных регионов, и одному из них, чтобы других запугать, они отрубили голову, засняли это на кассету. И показывали это заложникам, дескать, с вами будет то же самое, если за вас не дадут деньги. Смотрите, что будет!..

И вот, Абдурахман Адухов, когда смотрел, ему стало плохо. Ему было уже более 50 лет и один из заложников, из этих англичан, который находился с ними, он делал ему искусственное дыхание, он спас ему жизнь. Я с Абдурахманом был – он не безвозмездно, его за деньги, родственники вытаскивали. Я с ним говорил. Причем по его инициативе. Сам я никогда в общем-то, в 95 процентов случаев, не интересовался тем, как содержались заложники, как их боевики держали. Я не правоохранительные органы, чтобы допрашивать, у меня была другая цель. А в данном случае, это была инициатива полностью Абдурахмана Адухова, полностью. С подробностями он мне рассказывал – я взял с собой сотрудника ГУБОП, чтобы он тоже слышал то, что ему положено слышать. Абдурахман рассказывал, как вели себя англичане. И их постигла та же участь, что и Зинченко, им отрубили голову. Всем. Я спрашивал Абдурахмана Адухова: «Как ты считаешь, в чем причина, почему так?» Он сказал так, что по той информации, которую он слышал от охраняющих их боевиков, за убийство этой тройки англичан и новозеландца дали больше, чем бы дали за их освобождение. (А тогда многие, в том числе и Березовский, выступили, что «беспредел! похищают! платить не будем!») Это не однозначно, но это одна из версий, информацию по которой я получил от Абдурахмана Адухова.

И опять я хочу сказать, психологически, вот, не только изменяются похитители людей – с разными я имел дело, и с теми, кто был из государственных структур, – но и мое психологическое состояние тоже изменилось. Я повторяю. Если за тех заложников в 96-97 году, ради их спасения я готов был этих людей просить, то в 98-м году мой статус изменился, уже сами ко мне выходили, я был ... есть такая пословица: «на ловца и зверь бежит». То есть ко мне уже... чтобы понять, где тот или иной заложник находится, стали на меня выходить и похитители, и те, кто хотел освободить. И еще об одной детали я вам расскажу. Это было тогда же в 98-м году в августе.

прапорщик и пасечник

Там тонкая ситуация была в 98-м году, был захвачен прапорщик вместе с двумя солдатами. Они находились в Моздоке, а сами были откуда-то из Ставропольского края. Командированы сами были. И прапорщик сел на электричку, опять Минводы – станция Ищорская, но сел он *в другую сторону*. Перепутал. (То же самое как по Андрюше Латыпову с майором Данильченко получилось.) Он перепутал, сел не в ту сторону и приехал в Ичкерию. (Ищорская – это уже первая станция Чечни.) И этого прапорщика и двух солдат, которые с ним находились, забрали в заложники. Солдаты были из разных мест, один из Башкирии (все – русские). Почему я досконально помню, потому что отец этого солдата из глухой деревни, он приезжал, плакал, он фактически жил в «Новой газете»...

И вот мне удалось освободить того прапорщика... он бежал от боевиков, потом они его поймали и грозились его убить. Я получил информацию от своих людей в Чечне, что его убьют. Я сказал им: «сделайте все, чтобы его забрать, сделайте все для этого. За деньги – не за деньги, только заберите!» И они выполнили мою просьбу. Первым я освободил прапорщика. И когда мне его передают в Чечне ингуши, я ему говорю, я зол был на него: «Из-за тебя попали в плен солдаты, в заложники!» А прапорщик мне: «Я сам готов отдать свою жизнь, пусть меня заберут, только этих солдат освободят!»

Второго солдата относительно тоже легко удалось освободить, через некоторое время. А с третьим я никак не мог. На третьего я потратил очень много усилий. Отец у него из Башкирии, находился у меня, простой крестьянин из Башкирии, он был пчеловодом, отец его. И оказывается, я узнаю, что его сын у боевиков, чтобы его не били, он сказал, что «за меня много дадут – я сын генерала». А сам – сын пчеловода. По нему мне пришлось очень много работать, очень много, но все-таки я его вытащил... Потом, в 98-м году, я как-то получаю посылку, иду к себе на почту, в Жуковском, и получаю посылку: несколько бутылок меда (я этот мед потом многим раздал у себя) и записочка от отца этого мальчика – «это один из самых лучших башкирских медов, я сам произвожу».

**«Мама, с тебя 10'000...»
и «Надир, нас обманул!..»**

Опять к вопросу возвращаясь о том, как попадали люди в заложники. Вот я рассказывал, как силовым способом брали рабочих, как людей брали из Владикавказа, как людей брали сиз36-й бригады. Обманным путем, насильным и так далее. Некоторых боевики уводили прямо в лес, лесами, из Владикавказа. Когда уже начались боевые действия в Чечне, второй этап, вторая кампания, людей похищали в Чечне. А в 99-м году, еще не было боевых действий вот об этом я хотел рассказать, об освобождении мною одного журналиста, Антона Малянова, молодого парня из Воркуты.

У него была и программа на телевидении и в печати он, молодой парень, которому 20 с небольшим было лет тогда, работал. И решил он как-то неординарно прославиться, то есть поехал из Воркуты до Москвы, потом поездом Москва–Грозный в Чечню. Как-то ему удалось проехать в Чечню, этому русскому парню, Антону Малянову, и он пришел на рынок. А на рынке группа боевиков призывала чеченцев в «армию генерала Дудаева». – Дудаева уже не было в живых тогда в 99-м году, а «армией генерала Дудаева» называлась формирования Салмана Радуева. И вот, набирают на рынке людей в эту «армию», и подходит к ним русский человек и говорит: «Я восхищен вами, вы боретесь за независимость и так далее и так далее. Я хочу служить в вашей армии». – То есть цель Антона Малянова, журналиста, была посмотреть на армию Радуева изнутри... и Антона приняли в эту «армию», приняли к Радуеву. Сразу присвоили ему офицерское звание – «будешь лейтенантом!». (Ну, многим ичкерийцам они сразу присваивали полковника. Кого ни спросишь – ниже полковника нет. Одни полковники и бригадные генералы...) Писаниной кой-какой он занимался в этой радуевской армии. Неделю он был как бы офицером радуевской армии, а через неделю они развели. (Разведка у Радуева, у ичкерийцев работала активно.) То есть откуда он, они узнали. Откуда он – из Воркуты. Мать его Анна, работает на пивзаводе бухгалтером. А! – они узнали, – он специально устроился в армию! А, он журналист! Он хочет рассказать... Через неделю он был уже заложником. Они позвонили маме, сказали: «Мама, с тебя 10'000 долларов за сына». Она – ох, ах, она приезжает в Москву, она обращается в ФСБ, ФСБ говорит: мы тебя встретим на вокзале и так далее и так далее, но никто не встречает, куда ехать – она

не знает, бедная женщина. И она едет в Чечню. Обращается к каким-то людям. (Они действуют очень открыто.) И вот матери устраивают свидание с сыном. В машине. Водитель за рулем сидит. Мама сидит рядом с водителем, на переднем сидении, на заднем сидении сидят два чеченца по краям, а в серединке – сын ее Антон. И чеченцы держат ему под боком пистолетики. Если он что-то не то скажет – они применяют оружие. И Антон говорит: «Мама, 10'000 тыс долларов – или сколько, уже не помню – с тебя». Он у мамы единственный сын. Она едет в Москву, опять по этому поводу. Откуда у простой женщины из Воркуты 10'000 долларов! Конечно, нет у нее. И она обращается ко мне. И говорит, что так и так. Она сначала письмо мне написала, что сын находится в плену... и рассказала мне, в какой ситуации она оказалась...

Работа эта моя была непрерывной, постоянно у меня были люди, которых за изменение меры пресечения прокуратура отпускала, я вытаскивал заложника. Так я вытащил и Антона Малянов. Я сказал этим людям, кстати, они чеченцы-москвичи... расскажу о них. Это интереснейшая история. Как попал в тюрьму тот, за кого я ходатайствовал, за кого я просил. Их родственник. За кого я освободил Антона Малянова.

Восемнадцатилетний чеченец приехал к своим родственникам в Москву, к дяде родному, к второму дяде. К бабушке родной в Москву, бабушка жила в Москве. Причем один дядя юрист, а второй... но они нормальные люди, мозги нормальные. И этот мальчик-чеченец 18-летний, он занимается спортом в ЦСКА. Каким спортом – вольной борьбой. И со своим тренером, тренер был из Дагестана, ему было всего 27 лет, фамилия его Литвинов, русский, они занимались борьбой в ЦСКА. Но платили в 98-м году борцам, может сейчас иначе, платили копейки. В общем, на рестораны нужно, на это, на то, молодые же ребята, не хватало. И тренер говорит своему подопечному: «надо бы заняться еще чем-то». Ну, короче говоря, они «занимаются»: в центре Москвы, *в центре!*, они останавливают машину, выкидывают из нее водителя, садятся за руль и угоняют машину. В центре Москвы. Но они не посмотрели, что на этой машине было написано «Пропуска администрации президента России». Это была машина служебная зам. председателя Верховного суда России Радченко. То есть эти люди доехали только до соседнего переулка – их милиция взяла, схватила и так далее. И так этот молодой чеченец оказался со своим тренером в тюрьме.

Я за него просил тогда несколько человек, мне дали троих (третьим и был Антон Малянов).

Сам же он вернулся к бабушке, я его никогда не видел. Бабушка мне звонила, я ей сказал: «Держи внука, никуда его не отпускай больше – он слишком шустрый! В Москву приехал!..» С отцом его в Чечне встречался, и через некоторое время, через два-три года, еду я раз в Чечню и вижу во Внуково, самолет был до Ингушетии, ко мне подходит молодой человек. Этот человек говорит, «а я тот, которого вы из тюрьмы вытащить помогли». Вот этот. «Только не говорите моим родственникам, что я здесь в аэропорту нахожусь», и так далее и так далее. В общем, я увидел, он ведет себя очень вольно, мягко говоря, он ведет себя полукриминально, если не сказать криминально... И родственникам его я сказал: «Скорее заберите его, пока он второй раз не попал! Пока снова не пришлось его менять!»

Вот так я обменял им его на Антона Малянова. Там три человека было, в том числе и он. Но это не значит, что процесс был такой..., что российская сторона, правоохранительные органы шли навстречу, и так далее и так далее. От Радченко было – как же! Зам. председателя Верховного суда, водителя которого фактически выкинул этот мальчишка! А я занимаюсь его обменом. Нет, он еще посидел, я уже вытащил ребят, а он два годика еще посидел, пока вышел условно-досрочно, но год-два он в тюрьме посидел.

Разные были люди, обмениваемые мной, но позиция Генеральной прокуратуры и руководства Генеральной прокуратуры была такая: во-первых, они не должны были быть под судом, во-вторых, не должны проходить по злостным преступлениям. Или когда люди находились в розыске за совершенное убийство, а были и такие случаи... Да, тогда я выходил через своих людей на тех в Чечне и говорил, я все сделаю для вас, только организуйте мне похищение похищенных. Я все сделаю для вас, а вы этой семье организуйте похищение их заложника. То есть те, кто держал заложников, это были не только самые высокие представители правоохранительных структур Чечни, не только были просто бандиты, но это были и простые люди, у которых родственник находился в тюрьме за уголовные преступления, – они тоже держали у себя заложников, дома и даже рядом с де-

тymi. – Вот, девочка, Леночка Мещерякова, она потом жила с мамой в Прохладном, в Кабардино-Балкарии, трехлетняя девочка находилась в заложниках, причем в семье, в которой тоже были дети, и она рассказывала (она 8 месяцев находилась в заложниках), что этот человек трепал ее за волосы и как издевался над ней, хотя у него самого росли дети.

Разное было отношение... Я уже рассказывал, как в селе Маиртуп, в Чечне, как относились к Виталию Ильичу Козьменко, пожилому человеку, который прошел пять или шесть подвалов, в разных семьях, его переводили-переводили. С ним сидели чеченцы. (Вообще чеченцев-заложников было больше, но и их «товарооборот» был быстрее, потому что родственники собирали деньги.) Вот, человек один, который сидел с ним, был тоже чеченец, из России, просто приехал к своим родственникам, пошел в баню – и, раз!, его похитили по дороге в баню, посадили в подземелье. Там был и Виталий Ильич. Тот человек, у которого последнего он был... то есть похитители давали человека на хранение, как вещь, людям простым, которые не занимаются похищениями. И как хочешь к нему относишься, хоть в кровать с собой укладывай, хоть держи в погребе привязанным, но ты за него отвечаешь головой. – По-любому ты за него отвечаешь. И вот, НаDIR Хачилаев (в том случае, о котором я рассказывал с Виталием Ильичем Козьменко), он обманул этих людей, что год и два месяца держали Виталия Ильича в заложниках! И когда его освободили и он приехал в Москву, тот, у которого он находился в подвале звонит ему: «НаDIR, нас обманул, Виталий Ильич (он называет его по имени отчеству, чтобы тот посочувствовал), он не дал нам ничего!» Вот такое, да?

Кузьмина, Бальбуrow/Адаев

Светлана Кузьмина, одна из последних непосредственно освобожденных мною, была руководителем женского движения Самары, после освобождения она стала депутатом Самарской городской думы. Через четыре месяца после освобождения. В заложниках она пробыла два года и два месяца. Она находилась с Виктором Петровым, самарским журналистом (он бежал), московским правозащитником Александром Терентьевым (его убили), и был с ними и француз Брис Флотье – его держали отдельно и боевики даже позволяли ему видеокамерой (отнятой у Петрова,

правда) пользоваться. И освободили его, Флотье, раньше – он пробыл в заложниках где-то полгода. Потому что за него ходатайствовали, потому что за его освобождение выходил президент Франции Жак Ширак на Путина. И Бриса Флотье освободили раньше.

А Светлана Кузьмина – она написала книгу о том, как она находилась в заложниках (но в этой книге она несколько смягчила отношение к боевикам). Как относились к ней? – по-разному. Одни боевики избивали ее, а другие тащили на себе – когда она уже не могла идти (она 46 года рождения, а была в плену с июня 1999 года, по август 2001). Она уже не могла идти, а другие тянули ее, тянули и когда она упала в пропасть, они не давали ей погибнуть, рискуя жизнью. Некоторые под бомбами и так далее рядом с ней погибали... Но она, женщина, находилась с мужчинами вместе. И вот, когда она хотела помыться, то молодые чеченцы, 15-16-летние, они наблюдали, не отворачивали лицо – такое отношение тоже было.

Я знаю, кто занимался ее похищением, некоторые из них до сих пор живы. Она находилась у Родимхан Могушковой, ингушки. Ее сын, Адам, был участником похищения. Но к ее похищению причастны и боевики реальные, братья Бекишевы из села Шаами-Юрт Ачхой-Мартанского района... Многих из них нет в живых, некоторые исчезли, но некоторые живы.

Где ее держали? – Из двух лет нахождения в заложниках полтора года она находилась фактически в одном месте, в Самашкинском лесу. И если 99-й год – это одно, то август 2001-го – это совсем другое. Как структуры занимались ее освобождением? – Структуры знали, где она находится, но вместо того чтобы освобождать, они сбрасывали на это место бомбы. Там, где они бомбили, был блиндаж и вместо разбомбленного боевика через 500 метров заставляли рыть, строить новый. Во главе той группы, что держала ее в заложниках стоял полевой командир из Ачхой-Мартанского района, его звали Кюри Ирисханов. Он и сейчас жив. Он относился к заложникам не самым худшим образом. Другие рядовые, относились ... И нельзя было пожаловаться – если пожаловаться, допустим, руководителю на рядовых, завтра тебя эти ребята так изобьют, что ты не захочешь второй раз жаловаться. Разные были люди и среди похитителей, и среди заложников...

Еще пару слов о Дмитрие Бальбурове скажу – это журналист «Московских новостей». К его похищению также... когда начались боевые действия в Чечне в 99-м году, у него был водитель ингуш. И кто был водитель? – сын Родимхан Могушковой! – Адам Могушков, он же Магомед (два имени у него: по паспорту – Адам, а в семье звался Магомедом). Он был его водителем, он его охранял – он его и сдал. И Дмитрий Бальбуров оказался в заложниках, в Чечне, в яме и так далее, так далее, избивали его. Самым ужасным образом, насильственным – он думал, что в живых вряд ли останется. И вдруг... сменился охранник. Нового охранника звали Аслан Адаев. И он сказал: «Ты знаешь Измайлова?» Тот сказал: «Знаю – заочно». И Аслан Адаев рассказал ту историю, как он, будучи руководителем совместного ингушско-ичкерийского поста, меня, когда я привез в Чечню гуманитарную помощь, сопровождал до Грозного, чтоб меня не похитили, и дал мне автомат с 13 патронами, об этой истории рассказал Аслан Адаев... И он сказал: «Я вынужден этим делом заниматься, я многим должен..., но ты увидишь своих внуков!» Так обрадовал его. Дмитрия Бальбукова освободили, его обменяли на одного из людей, которые находились под стражей.

А судьба Аслана Адаева... после он попал в Грузию, в Панкийское ущелье, и в 2002 году среди тех пятерых людей, которых грузинские власти передали России, и он был среди них... Я остался должен ему чисто по-человечески, пусть он и похищал людей и так далее, у меня есть долг перед ним. Долг, вот как он меня сопровождал в Грозный, долг вот как он дал мне автомат, пусть я его и не собирался даже применять, как относился к заложнику нормально. Я должен был свой долг исполнить. По отношению к нему, когда он попал... Это остается со мной. До сих пор я этот долг не исполнил. Многие люди, которые помогали мне, они сейчас находятся в тюрьмах. За разные преступления. Они из тюрем, находясь уже в следственном изоляторе, в тюрьме, они мне звонят. И напоминают о себе, говорят: «Помоги, выручай! Хотя чем-нибудь!» Я стараюсь им помочь. Пусть даже они совершили те преступления, но есть лично мой долг перед этими людьми.

«Из любви!..»

Международный Красный Крест – не российский, а Международный Красный Крест, – когда к власти в Чечне пришли боевики, он поручил мне, вышел на меня и поручил, поехать в Ингушетию, поехать в Кабардино-Балкарию. С двадцатью тоннами груза. Этот груз предназначался в помощь на места затопления, что тогда были в Чечне и Ингушетии, а также в Северную Осетию и Кабардино-Балкарию, – по пять тонн груза. И вот я привез этот груз в Кабардино-Балкарию, а потом должен был ехать с чеченцами, с Красным Крестом ичкерийским. Руководитель ичкерийского Красного Креста был Руслан Исаев (сам он детдомовский, у него трое детей. Ему тогда чуть больше 30 лет было в 98-м году). Я говорю ему несколько раз: какой груз кому предназначен, кому именно я его отвезу, – все не просто так! Пусть через Красный Крест, но я его везу тому-то и тому-то. «Если ты считаешь нужным еще другим попавшим в наводнение, – говорю, – и им давай отвезем!» То есть я обговаривал несколько раз с ним эти вопросы и в Чечне, и в Ингушетии. И вот, привожу я этот груз в Кабардино-Балкарию – за чеченской частью груза Руслан Исаев выезжает в Кабардино-Балкарию, чтобы забрать этот груз и со мной вместе поехать в Чечню... А еще в Москве, собираясь, я Э. Н. попросил: «Эльвира Николаевна, я этот груз двое суток из Москвы буду сопровождать, а вам, чтобы не мучиться, вы самолетом летите в Ингушетию и там меня встречайте вместе с Лече Идиговым». Э. Н. прилетает, вместе с Лече Идиговым меня встречает в Ингушетии. Лече хочет, так сказать, этот груз хочет куда мы с ним договаривались этот груз отвезти, а Руслан вдруг говорит: «Нет! Я этот груз привезу в Грозный, в свою резиденцию, мы там его будем распределять! Вы приезжайте туда». Я ему: «Хорошо, мы с Эльвирой Николаевной, завтра приедем». Это было в апреле 98-го года.

Очень важная деталь, я считаю, в этой поездке от Красного Креста в Кабардино-Балкарии, я был в форме, в своей форме военной. Мы встречаемся с руководством Красного Креста международного, и мне говорят (там я не помню уже чьи представители были – Голландии или Франции), они мне говорят: «Ты – военный, а почему ты повез груз Красного Креста?» Я им: «Ко мне обратились за помощью, я и повез. Не обратились бы – не повез бы». Редакция меня и не посылала туда, меня попросили – я и повез груз Красного Креста. И раз я повез, я должен тот груз, который везется в Чечню и далее, я должен его и распреде-

лить. Я же обговаривал это *несколько раз* в своих поездках с Русланом Исаевым – и в Ингушетии, и в Чечне до этого я обговаривал.

И вот, когда мы приезжаем в Ингушетию... Кстати, когда мы ехали через село Нижний Курп в Кабардино-Балкарии (это граница Кабардино-Балкарии, Чечни и Ингушетии), меня там, кто находился на посту – я не помню – осетинский, кабардинский милиционер, остановили: «Как! Мы за твою жизнь не можем отвечать!» Я говорю: «Не надо отвечать за мою жизнь. Я сам отвечаю». Через неделю после этого, именно здесь, в Нижнем и Верхнем Курпе, была разбита колонна генерального штаба, погибли офицеры и генералы армейские. В 98-м году, в том же апреле месяце. За полтора года до начала второй чеченской компании. То есть через это село неделей раньше я шел, на Ингушетию, на Чечню (граница, я повторяю, Кабардино-Балкарии, Ингушетии, и Чечни)... Так вот, мы с Русланом Исаевым приезжаем на территорию Ингушетии, в район Малгобека, здесь нас встречают Лече Идигов и Э.Н. И Руслан Исаев – у меня фотография есть, как в машине мы ехали – говорит: «Нет, я не останусь в Ингушетии, я поеду в свой офис в Грозный. А *вы* приезжайте, если хотите, в офис на следующий день в Чечню». Я же... что я так просто привез груз для Руслана Исаева? Чтобы он пропал? Я же приехал с целью распределить этот груз по детским домам, я сам должен отвезти этот груз, всегда было так. Я несколько раз ездил с грузом гуманитарной помощи, я всегда распределял его сам. Куда считал нужным. И здесь руководитель Красного Креста Чечни этот груз забирает...

Хорошо, мы с Э.Н. утром рано из Ингушетии приезжаем в Грозный, в офис Руслана Исаева. – Никого нет, офис закрыт. Мы приехали слишком рано. Где-то около 9 часов мы там были. Ну, через некоторое время они приехали. Руслан Исаев. На второй этаж мы с Э.Н. поднимаемся. Поднимаемся с Русланом Исаевым, и поднимается еще один человек. После этого двери за нами закрываются. Те, кто нас привез туда, они внизу остались. И тот человек, который приехал с Русланом Исаевым, руководителем Красного Креста, звали этого человека Муса Тазрукаев, он был заместитель Басаева, и он мне говорит: «Наши люди, если они попадают в Россию, ичкерийцы, они в тюрьмах сидят. А ты, майор Российской армии, свободно будешь проезжать Чечню! У нас сейчас праздник – мы арестовываем груз на несколько дней и вас арестовываем тоже». – Т. е. Э.Н. и меня. Я ему

говорю: «Давай сделаем так, груз, который мы привезли, мы отвезем тем, кому он предназначен, по своему усмотрению. Дальше, вы с нами поступаете так, как вы считаете нужным». Он говорит: «Что, вы из жалости к нам привезли гуманитарную помощь?» – И тут Эльвира Николаевна: «Не из жалости! Из любви!..»

Э.Н. Горюхина (08.04.2010):

Он говорил, он орал на нас: «А зачем вы привезли?! Мы не нуждаемся в вашем гуманитарном грузе! Что, вы из жалости к нам привезли помощь?» Я говорю: «Нет! Из любви к вам и чеченскому народу!..» Потом дальше началось нечто страшное... Видимо, Тазрукаев позвонил Шамилю, тот сказал нас задержать, и тут нас выводят в отдельную комнату и закрывают на ключ. И мы там остаемся вдвоем... А у меня как раз 8-го апреля день рождения, и я понимаю, что сейчас что-то будет и только думаю: «Великий Промысел! Неужели ты допустишь, что в тот день, когда ты мне дал мое рождение, в этот день ты отнимешь у меня жизнь! Ведь так не может быть!» Такие вот дурацкие мысли приходили в голову... Проходит достаточно долгое время... и, когда нас освобождают из этой комнаты, мы видим... Это я к тому, как простые, нормальные чеченцы к майору относились – тот же Лече Идигов, которому, семье которого Измайлов помогал все эти годы, который с порученцем своим, бедным Русланом Доловым, на своей машинюшке майора повсюду сопровождал, – они не только в него верили, но и если надо было бы положить за него жизнь, жизнь своего дома – это совершенно точно... Мы входим – я такого взъерошенного Лече никогда не видела, никогда... Он сражался за Измайлова. Вплоть до того, что там кто-то кому-то должен был – род Тазрукаева должен был роду Лече Идигова, – т.е. они включили свои чеченские адаты для спасения этого человека... Но! самое интересное начинается дальше. Когда уже мы спускаемся вниз – там сидит Лечин Руслан (за которым Измайлов следил дальше, заботился о нем). Я говорю ему: «Ты знаешь, Руслан, сейчас бы нас, наверное, в яму бы посадили! а дальше уж не знаю, что бы с нами сделали!» (Они, чеченцы, тогда были помещены на шпионаже – на ФСБ и так далее.) – И вдруг

он, Руслан, говорит: «Нет, никуда бы вас, ни в какую яму не посадили бы». – «Как это, как это? Ведь они уже нас...» – «Нет, – говорит Руслан и показывает гранату, – брать бы вас было бы некому, всех бы я ухлопал...»

И вот такое напряжение возникло. Нас просто бы посадили в одну яму с Э.Н. И вот тут наши охранники, которые вместе с нами, Руслан Долов (тот, который сидит сейчас, в Ставропольском крае в тюрьме, его посадили), они заходят, Лече Идигов заходит весь красный. Какой-то разговор между ними всеми произошел, и как-то решили с нами вопрос. Я говорю: «Груз этот мы отвезем туда, куда считаем нужным». Они говорят: «Мы этот груз отвезем тем, кто пострадал во время наводнения в Чечне». Я говорю Руслану Исаеву: «Мы так не договаривались, несколько раз оговаривали с тобой». И тогда решили так: три четверти груза мы везем в детские дома, куда мы считали нужным, в интернаты и так далее, и так далее. В том числе и российским матерям, которые находились в Грозном на улице Вольной. И одну четверть груза мы решили, что они сами отвезут людям, которые пострадали от наводнения... Я очень сомневаюсь, что они этот груз отвезли тем, кто пострадал, потому что мне в знак расположения потом говорили: «Давай мы тебе отдадим, там, женские наборы»... Я сказал: «Отвезите людям, которые пострадали от наводнения!» ...Ну, не знаю. Три четверти груза мы все равно отвезли туда, куда считали нужным – в детские дома, школы, интернаты, российским матерям. И это был *первый* случай, когда не сто процентов груза я отвез туда, куда считал нужным, когда одну четверть оставил им. Вот об этой истории...

Потом мы выехали в Ингушетию с Э.Н., нас сопровождал племянник Джохара Дудаева, а потом из Ингушетии выехали в Беслан. И до нашего самолета еще оставалось какое-то время. И там в буфете, в Беслане, мы поднялись туда, сели и на оставшиеся у меня деньги я купил пирожки и что-то такое. Мы с Э.Н. покушали... Это было 8 апреля 98-го года. Почему еще помню, что 8 апреля – это день рождения Э.Н. Она сказала: «Хорошо! В день своего дня рождения я бы сидела в яме вместе с Вами...» Вот такая история и отношение похитителей.

обстоятельства: Борода, Кмс, Сабля ...

Вообще, в 96-98-м гг., среди разрухи, похищения в Ичкерии были едва ли ни «бюджетообразующим», поддерживающим социально-экономические отношения, так сказать, бизнесом... Из одного Дагестана были похищены сотни и сотни!

Или же, допустим, «мирное время» – Басаев (вице-премьер! курирующий многие силовые структуры, в том числе, деятельность антитеррористического центра!) дает журналисту интервью, а рядом с ним стоящий (из собственных бизнес-соображений – никакой политики! – хотя единства среди ичкерийцев не было даже во время войны) затем этого журналиста похищает... И чтобы потом этого похищенного вытащить – структуры структурами, где сядешь, там и слезешь (если повезет) – без прямого участия конкретных людей, действующих уже всегда по собственной ситуации, которую нужно как-то понимать, пусть она может и довольно непредсказуемо развиваться (но ты реагируешь на эту непредсказуемость!), обойтись в принципе невозможно.

Например, очень сложные были переговоры по Светлане Кузьминой, по ее «обмену» на Лече («Бороду») Исмаилова, криминального авторитета под следствием. Кузьмина, Петров (позднее бежавший из плена) и Терентьев (так и погибший в плену, как генерал Карбышев) написали мне письма с просьбами о содействии их освобождению... И вот, эти переговоры заходят в тупик, Александр Терентьев гибнет... Я зол на Лече за Терентьева, даю показания против него... И тут складывается такой момент, Лече обращается ко мне: Черт с ним! Даже если ты меня не вытащишь, я все равно буду помогать тебе в этом деле... – И я отказался от данных мною показаний, состав преступления ему изменили. А какое было его дело? Лече Исмаилова тогда взяли за проведенное в Ингушетии похищение полковника Асланбека Шортанова и подполковника Шапкина (начальника отдела разведки кабардинского РУБОПа). Реально отвечал за это похищение офицеров (целью которых, по информации боевиков, было «уничтожение ряда руководителей Ичкерии») Ваха Джафаров (начштаба Радиева). Заложников держали в Старопромысловском р-не

Грозного... Звонок же своим родственникам в Москву («Возьмите у меня дома с антресолей 500 тысяч!» – нормальные «сбережения» отдельного начальника отдела, да?) Шапкин сделал по телефону Лече «Бороды»! – Так что оба раза выступая в Краснодарском суде – соответственно, «против» и «за» Лече – я не говорил неправды... Обвинение в похищении с него сняли, срок дали меньший, но... он умер в тюрьме, его отравили, похоже, как и Юру. Светлана же Кузьмина вышла, ее освободили, в том числе благодаря его, Лече, участию

Балаудди Текилов, помогший мне по многим случаям освобождения, когда я был с ним в Чечне, за столом другим боевикам он говорил про меня: «Измайлов берет взятки заложниками!» Но история его самого сложная и трагичная, в конечном итоге. Что он из себя представлял? Когда мы весной 97-го года в очередной раз встретились с ним в Москве, в офисе Галины Старовойтовой (ее самой тогда не было), он пришел в турецкой полковничей форме, с пистолетом «беретта» – в центре Москвы! – и со всеми полагающимися документами от Рыбкина, от Российского Совета безопасности. И то, что он сам тогда сказал о себе: в советское время я был кидалой в Южном порту Москвы. Автомобильным кидалой. (Тогда он и получил свое прозвище «кмс» – короткий, маленький, смешной.) И во время первой чеченской кампании он не принимал участия в боевых действиях – не мог принимать никакого участия, потому что в то время он сидел в тюрьме – ему дали три года за мошенничество. И вот, в начале 1996 года он освобожден – тогда была сформирована Комиссия при президенте России по освобождению заложников, и такая же комиссия была создана и с чеченской стороны. При Завгаеве уже такая комиссия действовала. А когда пришли боевики – они тоже создали такую же комиссию. И вот, Балаудди Текилов стал членом комиссии с *ичкерийской* стороны и спокойно приезжал, находился в Москве как представитель этой комиссии. (А одновременно какой-то период, пока его не подвинули, он занимал должность начальника штаба пограничной и таможенной службы Ичкерии.) В Российской Комиссии все его знали, принимали,

но... поскольку ее работа была довольно формализована, спорные вопросы решались месяцами, если не годами – а я решал быстро, то он решил, что ему лучше иметь дело со мной, чем с ними. И я этим пользовался для решения этой своей единственной задачи – освободить как можно быстрее как можно больше наших ребят, как можно больше получать информации для этого...

Могу сказать, что ни Балаудди, ни его «порученец-телохранитель» Шарапуддин, по прозвищу Сабля, которые помогли мне в освобождении многих-многих людей, – они никогда... никогда такого не было, чтобы они меня в чем-то обманули. (И даже в плане пунктуальности были – хуже немцев.) С Балаудди я всегда работал в открытую – если он что-то предлагал, я старался сделать все, чтобы ответить на его предложение, но если у меня получалось напрямую выйти на Масхадова для решения вопросов по людям – я напрямую обращался к Масхадову, несмотря на то, что Балаудди тогда возмущался (но помогал мне все равно при этом, как в случае с ребятами из 15-го городка в Грозном). Иногда Балаудди просто начинал чувствовать мое желание освободить людей, и тогда он тоже загорался этим: *освободить!* Вот, был случай в аэропорту Грозного, когда долго мы не могли освободить майора медицинской службы Аристова, и я обращаюсь к Балаудди: ну, поговори с отцом его! Поговори! – И Балаудди сказал: Отец, я тебе даю слово, что сына твоего я освобожу! – И Балаудди решил этот вопрос! Причем безвозмездно! Аристов находился тогда в одном из селений Ачхой-Мартанского района, и Балаудди устроил ему побег. Это было в ноябре 97-го года.

А в декабре 97-го года... Балаудди ведь находился в розыске: он лишь год отсидел в 95-м из трех полагающихся за мошенничество – вышел условно, а потом меру пресечения изменили. Но все это время он приезжал в Москву, решал свои вопросы и все было нормально. А в 97-м году, какой-то вопрос у него не получался, и он в этой турецкой форме пошел в ГУБОП за поддержкой – ну, ГУБОП его и взял, и Балаудди сел. Но так как этот человек мне помогал, я всё делал для того, чтобы ему тоже помочь, и Балаудди отсидел

в тюрьме только год – вышел по амнистии. И как он только вышел через год, в декабре 98-го, первым делом пришел ко мне в «Новую газету». Мы с ним говорили, и он сказал тогда такие слова: Ичкерия, все эти шариатские дела, законы, они зачем мне нужны?! Помоги мне легализоваться – говорит, – помоги мне жить в Москве! – Я ему говорю: легализоваться тебе можно лишь одним путем – работая на спецслужбы. Он мне: я готов с ними работать, помоги мне на них выйти! – В тот же день я организовал ему встречу с руководством ГУБОП, они встретились, остались довольны, стали работать... Но это не значит, что с его стороны было «предательство» какое-то интересов Ичкерии и т.д. – у него были только свои интересы. Он собирался сотрудничать с ними только по освобождению заложников и только по схеме «товар–деньги–товар», но... сотрудничество это оказалось односторонним: он одного, второго, третьего освобождал, но ничего взамен не получал, никого ГУБОП в обмен ему не отдавал... Да и не могло никого дать – без решения прокуратуры это было невозможно, а соответствующих договоренностей с прокуратурой у ГУБОПа не было. Балаудди же таким образом освободил, помог освободить 9 российских военнослужащих – я знал об этой его деятельности, хотя имел тогда дело с другими посредниками по освобождению в Чечне.

В октябре 99-го года, тогда уже началась вторая чеченская кампания, он должен был по линии ГУБОП заниматься освобождением дагестанского мальчика, больше двух лет проведенного в заложниках в Чечне, – самому мальчику было тогда лет девять. Отец этого мальчика собрал для его освобождения 100'000 долларов. Эти деньги через сотрудников ГУБОП были переданы Балаудди. Балаудди эти деньги получил и через некоторое время сказал, что 100'000 мало, что надо 120'000. Достали еще 20'000, ему передали, и он, что называется, «помахал ручкой» – ушел в Ичкерию, к Доку Умарову. Ведь он, получается, был должен многим чеченцам – ему людей давали, российских солдат, а взамен никто не выходил. И вот, он сказал ГУБОПу: эти 120'000 – вы меня девять раз обманули, а я вас один раз. – И ушел в банду.

Но по складу он был не такой человек, чтобы долгое время оставаться в банде в лесу – он привык жить с комфортом. К лету 2000 г. он уже ушел из леса, жил в Грозном у своей сестры. А ГУБОП-то с октября 1999 г. продолжал на него охотиться за те 120'000 (А в Москве пытались заставить Саблю выдать Балаудди – он отказался, ему подбросили марихуану и посадили на 5 лет). И вот, в июне 2000 г. узнают где он, за ним приходит губоповская группа захвата (смешанная, там были и чеченцы) в дом сестры. Балаудди выпрыгивает вместе с племянником из окна квартиры на четвертом или пятом этаже. Ломает себе ногу... Его вывезли на окраину города и убили, отрезали голову. Это было в июне 2000 г. Сабля же вышел в 2002 г. и потом уехал в Австрию. Я писал ему туда характеристику, посылал факсом, он меня попросил.

обстоятельства: «человеческие отношения»

И еще один эпизод о «человеческих отношениях» тогда – несколько необычный: случай, когда мне пришлось вытаскивать из чеченской тюрьмы самих чеченцев...

Ичкерия, Грозный. Сидим как-то в ресторанчике одного местного прокурорского работника узкой компанией: Завали Ахаев, Рамзан Джафаров (лет 70 ему тогда было, но женат был на молодой (и только что родился ребенок – молодец!), бывший политзаключенный (в советское время отсидел лет 20), а во время Дудаева – секретарь Совбеза Чечни, племянник же его был начштабом у Радуева))... – всего человек 6, все пьющие (хотя в Чечне сухой закон, но покупали водку на рыночке из-под полы, несмотря на изобилие стукачей вокруг...) – Смешно что было, когда Завали выпивал – разом разворачивался на 180 градусов: «Чтобы Аллах не видел...»

И вдруг ситуация становится очень серьезной: двери распахиваются, врываются вооруженные боевики (типа, рейд «полиции нравов») – всех чеченцев за столом пьющих захватывают, а меня, непьющего, оставляют! Что мне делать – я не могу их бросить, мне еще с ними работать и работать! Еду с ними в комен-

датуру. Всех их, в чистых костюмах, сажают в грязный подвал, я же иду к замкоменданта, чеченцу-боевику, два часа его уговариваю, а он все одно твердит: «Они нас учат не пить, а сами! Закон для всех один!»... Приходит комендант, я ему: «Я чувствую себя виновным! Что допустил, что они пили!» Этот аргумент подействовал, их отпустили... Но как только они сели в машину, сразу стали грозиться: «Ну, щас мы им устроим, скажем такому-то и такому-то!..» – Совсем как наши идиоты (а сами в подвале сидели тихо-тихо)... Приехали обратно в ресторанчик – и опять они разливают спиртное! Я говорю, елки-палки, я же за вас поручился!.. А один из этих ребят поднимает тост, и какой: «Выпьем за то, чтобы никто никогда не узнал, где мы только что были!» – Я говорю, ну нет, на это я не согласен, я, наоборот, всем буду рассказывать, как вас, чеченцев-руководителей, из чеченского подвала вызволял!..

«Это для гигиены!»

И еще хочу рассказать про тот случай, который был с Салаудди Абдразаковым. Он, Салаудди Абдразаков, руководил... ну, он был хозяином сотовой связи в Чечне. Близкий друг вице-премьера Чечни Вахи Арсанова. И как я вышел на Салаудди Абдразакова. Во-первых, я имел информацию, начиная с 97-го года, что Салаудди Абдразаков причастен к похищению многих людей. Такая информация исходила в том числе от чеченцев, в том числе от тех чеченцев, которые передавали ему заложников, российских солдат. А Салаудди Абдразаков работал по крупному. У него в заложниках были представитель Грузии, представитель Украины, и французы – Брис Флотье, именно его он отвозил в горы, именно Брис Флотье в своей книге после освобождения – 6 или 7 месяцев он был в заложниках – и написал, что Салаудди Абдразаков его отвозил в горы. То есть я досконально знал, что этот человек причастен к похищению людей. Более того, в 97-м при похищении Ильяса Богатырева и Владислава Черняева, Лены Масюк определенные дивиденды получил за них и Салаудди Абдразаков. Ну, так он мне говорил при встрече со мной, пока еще его не задержали. Он сказал: «Меня подогрели». («Подогрели» – это на их языке «заплатили».) «Сколько?» – спрашиваю. – «По 40 тыс. долларов мне дали за этих заложников». Не самую большую сумму – миллионы же получили за них. Другие люди больше получили: Нурди Бажиев, брат тогдашнего руководителя шариатской безопасности, и Али Итаев, командир бригады спецназа, при Масхадове. Кстати, долю боевики, кто получил за Масюк, Черняева и других, предлагали и руководству Чечни, Масхадову и Арсанову. Такую информацию я тоже получил от них, от тех, кто получили деньги и ушли. Но руководители не взяли «свою долю». Ни Масхадов, ни Ваха Арсанов. Тогда похитители людей – Ильяса Богатырева, Елены Масюк, Славы Черняева, – они дали охране, личной охране Масхадова, Вахи Арсанова. Закупили на эти деньги новое оружие, бронежилеты и так далее. Вот так...

И вот, Салаудди Абдразаков, который был причастен к похищению многих, как я с ним связался. В заложниках находился Михаил Курносов. Отец его – Иосиф Моисеевич Фрадкин, доктор физических наук, сотрудник Института физики имени Лебедева. Мать – Лидия Васильевна Курносова – она русская, он еврей, – она доктор наук, сотрудник института физики. В первом браке Лидия Васильевна Курносова

была замужем за сыном академика Вавилова, которого убили в 48-м году. (На Памире убили.) И очень гордо они себя вели, замечательно: Лидия Васильевна 1918 года рождения. Моисей Иосифович Фрадкин – 1922 года рождения. Они оба пожилые люди. Тогда им было, Лидии Васильевне, уже больше 80 лет. Худощавое лицо. Чувствуется, что она была красивая. И сейчас, в старости, все равно оставалась красивой. Моисей Иосифович Фрадкин... Когда нашему академику Гринбергу вручали Нобелевскую премию, он говорил о том по телевидению, что и другие люди достойны – и он называл фамилию, имя *Моисея Иосифовича Фрадкина*. Именно вот этого Фрадкина. Такие люди. Держась друг за друга, в резиновых сапогах, в метро, в «Новую» ко мне приходили много раз. И вот ГУБОП, в доме подслушивающее устройство, телефоны и так далее... Я их просил: выведете на меня этого человека, который ведет с вами переговоры, который просит с вас миллион долларов – откуда у них такие деньги! – и этим человеком, который вел с ними переговоры был Салаудди Абдразаков. Он долгое время не хотел выходить на меня. Против меня у него было предубеждение. В «Новой» я написал, что за Мауро Галлигани, итальянского журналиста, он получил в начале 97-го, 500 тыс. долларов... Но все-таки Абдразаков внял их уговорам, вышел на меня в «Новую». И сказал: «Что ты неправду пишешь, ты написал, что я за Мауро Галлигани 500 тыс. долларов получил, – я получил 150 тыс. долларов! А 500 тыс. долларов между всеми были распределены!» Т.е. он мне сказал, что лично он получил 150 тыс. долларов. Я сказал ему: «Напишу опровержение!» – и так далее, и так далее. Клялся и божился ему...

И мы договорились о встрече с ним, 23 ноября 99-го года. Но тогда в Чечню ввели российские войска и встреча не состоялась. Она состоялась 1 декабря 99-го года. Со мной были сотрудники ГУБОП – главного управления по борьбе с организованной преступностью, были работники Северокавказского РУБОПа, и были работники РУБОП Ингушетии. Были спецназовцы ребята... Но только все они, кто-то со мной, кто-то в аэропорту, – они знали о моей встрече, но только они не знали лично, какой из себя Абдразаков. Даже по фотографии его не знали. (И не знали, что из себя представляет аэропорт в Ингушетии. Это сейчас современный хороший аэропорт, а в 99-м году была будочка такая, билетные кассы, где надо было находиться всем...)

Я встретился с Салаудди... Это интересная история,

потому что я поступал, как считал нужным, я знал, что за мной идут и так далее, и так далее. Я поехал по своим делам, по своим делам. Я поехал с Салаудди, на его машине «лэндкрузере»^у. Лече Идигов, представитель Масхадова в Ингушетии (это – декабрь 99-го, Ичкерия уже разбита) – он в гараже с семьей своей многодетной, в Ичкерии находится. Я приехал к Лече Идигову, дал ему немножко денег на жизнь, чтоб он жил, хоть как-то существовал. После этого мы поехали от Слепцовской до Назрани – дорога идет вдоль гор. Мы поехали в одну из шашлычных, чтоб поговорить. И за нами ехали все эти ребята из спецслужб. Куда я поеду, туда и они. Но только, когда мы от Лече Идигова уехали, за мной шли непосредственно сотрудники ингушского РУБОПа. Другие же шли дальше за ними... И вот, сотрудники ингушского РУБОПа... не было и нет, я считаю, ни одного человека, среди сотрудников органов, среди сотрудников ингушского ГУБОПа, чей родственник не был бы в заложниках в Чечне... И, конечно, за взятие Абдразакова они бы отвечали. Не случайно они в аэропорту ко мне подошли и сказали: «А когда будем брать?» Не руководителей, никого – они считали, что я и есть самый старший. Я говорю: «Подождите!» ... Они ехали непосредственно за нами и... они уехали в сторону от меня! ушли, потому что за это бы они отвечали, – и вся охрана, вся колонна ушла вслед за ними в сторону. Когда мы с Абдразаковым приехали в шашлычную, со мной был Нажмутдин Ларсанов, это родной брат нынешнего руководителя управления собственной безопасности МВД Чечни, Шарапуддина Ларсанова, он является полковником. (Одно время, при Дудаеве, его брат был замминистра внутренних дел Ичкерии.) Я ему сказал встретить меня – он со мной и Салаудди, мы троим едим шашлыки...

С Салаудди я в машине говорю, и он мне все рассказывает! – Сколько он получил за того заложника, сколько за этого заложника, за Мауро Галлигани, за Ильяса Богатырева, за Елену Масюк, и так далее. (Все это на диктофоне, все это находится в ГУПОБ.) Все рассказывает... Причем, я вышел когда и увидел, что нет хвоста за мной этого далекого (а это первое декабря снежное было в Ингушетии, довольно холодное), я увидел – никого нет, я подумал: «Хорошо ребята замаскировались!» А они вообще меня потеряли! Я с Салаудди – а он здоровый был^з – сижу в машине один на один и я не чувствую себя кроликом. Я чувствую себя удавом, я чувствую, что это он – кролик! Все, что я хочу, все он рассказывает, что он

делает. И через час где-то наконец-то нас нашли гупобовцы московские, собровцы и так далее и так далее.

Старшим у них был Лошкарев. И я Лошкареву говорю: «Нельзя его брать. Нельзя! Мы потеряем Мишу Курносова, он его не привез. Но он знает, где он находится. Нельзя его брать!» Лошкарев: «Лампасы мне приказали!» ... Надо сказать, зная о том, что со мной поехали сотрудники правоохранительных органов, я мог бы просто не поехать. Почему я поехал? – Вот, на следующий день мне уезжать в Ингушетию, вечером я говорю Саше Минкину (он тогда в «Новой» работал) – соедини меня с Рушайло (Рушайло был уже министром МВД.) Он меня соединил не с Рушайло, а с генерал-лейтенантом Орловым, который был помощником Рушайло. (Тот генерал-лейтенант Орлов, который в бегах сейчас, он в розыске за деньги. На него заведено уголовное дело.) Я с Орловым говорю, я говорю, что вот такие-то и такие-то на меня вышли по Курносову. Со мной едут сотрудники правоохранительных органов. Если они будут брать Салаудди Абдразакова, то мы потеряем Курносова. Если они не будут брать, то... дело в том, что Салаудди Абдразаков часто мне по телефону говорил, какой заложник живой, какой умер. У меня была информация об этом. Он мне все говорил точно. Все говорил точно. Я говорю: «Он и так... ему деваться некуда. Он не хочет никуда!» В Чехию, правда, хотел. Я обещал ему помочь переправиться в Чехию. (С Чехией был безвизовый режим тогда.) Я говорю: «Мы потеряем! Мы хотим освободить не только Курносова, мы хотим освободить Шпигуна, генерал-майора, и так далее и так далее. Мы эту ниточки, все эти ниточки потеряем...» Орлов мне сказал по телефону: «Потом разберемся, когда вы съездите». А Минкину он сказал: «С этим идиотом Измайловым я не хочу разговаривать». Минкин мне передал. Я понял, что плевать они хотели на всю эту схему, на заложников. Вот так получилось... Лошкарев мне и говорит, который был старший, который много раз мне часто говорил об информации и так далее и так далее. Он мне говорит: «Лампасы приказали!» Я говорю: «Ну, что ж делать, ладно, берите. Но мы потеряем...» Что мне было в этой ситуации делать?! Где у меня гарантия, что я смогу – начались боевые действия – я смогу действительно взять Курносова? А сейчас Салаудди Абдуразаков в руках рубоповцев...

Взяли Салаудди, отвезли его в Кабардино-Балкарию, в Нальчикский РУБОП. Я тоже поехал в Нальчик, был там.

И наутро я узнаю, что Салаудди не покормили! Целый день он был голодный, и я Лошкареву сказал: «Пусть он все-таки поест», – потом уже собровцы накинули ему шапку на лицо, посадили его в машину. Его машину тоже отогнали в Нальчик. Ингуши. И я утром прихожу – его так и не накормили! Северокавказский РУБОП – его не накормили. Я сказал: «Ёлки-палки, на свои деньги купите ему – не на его – купите ему еду, накормите его!» Его накормили... И когда я зашел в РУБОП с ним беседовать, он мне говорит: «Ты же давал честное офицерское слово!» Я говорю: «Ты тоже давал слово, что привезешь Михаила Курносова!»

Теперь, на следующий день должны лететь в Москву с Салаудди. Трое сотрудников ГУБОП, я и Салаудди Абдразаков. Обычным рейсовым самолетом. Я им говорю: «К его деньгам не прикасайтесь!» Я иду в авиакомпанию «Карат», там мне дают места, я прошу и ему дать. – То я для заложников прошу места, теперь для похитителей! И ему дали бесплатный билет. Теперь, самолетом когда мы летим, его везли в наручниках, а из Кабардино-Балкарии утром был рейс, где-то в 8 часов утра, и где-то час пятьдесят самолет летел, а на рейсах меньше двух часов людей не кормили. Но бортпроводницы, все они меня знали, и они сказали, какие бутерброды я хочу – они мне принесут, бесплатно. Я сказал: «Вот еще трое сотрудников и вот четвертый, вот этот, тоже с нами летит». Она посмотрела – он в наручниках. Она посмотрела на него и говорит, обращаясь ко мне: «Он же в наручниках». Я говорю: «Это для гигиены!» Вот так, и... ну в общем, вот такое было задержание.

«Считайте меня просто пишущим человеком...»

Я занимался освобождением заложников. А несколько раз – по Могушковой, по ее сыну, когда освобождали с Волгоградской области женщину, Мирошкину Анну с Мордовии, она находилась у них дома, – это были силовые, так сказать, захваты. Получается, я, журналист, принимал участие в силовых захватах. И Юрий Щекочихин, и Муратов мне говорят: «Когда ты освобождал заложников – это было понятно, когда ты похитил людей – журналисту уже не будут доверять...» Правильно, как можно... Я говорю: «Не считайте меня журналистом, считайте меня просто пишущим человеком!» Потому что нельзя заниматься этой работой... Ты освобождаешь, в десять раз больше они похищают. Надо

было заниматься именно похитителями людей. Иначе моя позиция просто была непонятна. Просто была непонятна. Я освобождаю – в десять раз больше похищают. Я считаю, что я правильно делал, что занимался этими вопросами тоже. Вот... такие были, такое было отношение, такие были ситуации. Очень непростые, очень непростые.

после плена...

Разные были и заложники. Некоторых я даже не помню... Кстати, я никогда не стремился отслеживать дальше, я считал что... это был своеобразный конвейер – освободил и забыл, освободил и забыл. Только некоторых я помню. Но Светлана Кузьмина – одна из тех немногих заложников, кто всегда каждый месяц мне звонит, у нее муж офицер, муж ее звонит, приглашает меня... Была у нас, ночевала у нас дома. Она всегда как бы – хотя я и не хочу этого – она всегда как бы благодарна. Она напоминает об этом, что я... если бы не вы... и так далее и так далее. Я не хочу об этом думать, и никогда не думаю об этом. Но когда я болел, когда у меня был инсульт, Светлана Кузьмина, она потом Самарской губернской думы была депутатом, зная это и не говоря мне ничего, присылала моей жене деньги. Она вот – Светлана Кузьмина, 46-го года рождения...

Некоторые после освобождения говорили что-то свое об освобождении, на самом же деле они были освобождены другим образом. Володя Фаиль – это еврейский мальчик, которого из Дагестана вывезли в Чечню. Где находится Махачкала – 90 километров от границы Чечни, а от Грозного – 180 километров. Его вывезли – Володю Фаиля – он сидел в той яме, в Урус-Мартане, в той яме братьев Ахмадовых, вместе с Владимиром Яциной, корреспондентом ИТАР-ТАСС, с поляками, с российскими матерями, которые искали своих детей. Сидел с ними. – Мальчик, ему было тогда 13 лет, он попил – захотел в туалет. Он обратился к боевику, его побили... побили. Старший из заложников, Володя Яцина его успокаивал. Это был ноябрь 99-го года, у меня уже терялась нить... Боевики уходили в горы. Я терял, где они держат заложников, последнее пребывание – в Урус-Мартане. Тогда я вышел на Надира Хачилаева. (Надир Хачилаев сидел в Лефортово, в специзоляторе ФСБ, бывший депутат Госдумы.) Я переговаривался с ним через адвоката, Бориса Замосковчева... В итоге, Надир Хачилаев дал как бы обяза-

тельство, что он заплатит за мальчика – мальчика, Володю Фаиля, освободили.

Перед тем как... его мать обращалась ко мне, а мать работала в банке в Дагестане и была в разводе с мужем – она была в Дагестане, а он, Ян его звали, в Израиле. (Я с ним встречался в Израиле, когда мальчик находился в заложниках.) Я ей сказал, матери сказал, которая находилась в Дагестане (а кроме мальчика у нее еще девочка была, лет 10-12, Дина ее звали): «Я займусь твоим мальчиком – девочку ты должна отправить из Дагестана в Израиль. Я освобожу мальчика – они похитят девочку». На этом условии она отправила девочку в Израиль. Сейчас она тоже в Израиле находится... Прошло уже 11 лет, тот мальчик, Володя Фаиль, уже отслужил солдатом в израильской армии... И как-то мы участвовали в программе на НТВ с мамой Владимира Яцины, Надеждой Ивановной. А его жена, вдова то есть, корреспондентка ТАСС Светлана, когда я еще тогда, в 99-м году, сказал «у меня была возможность одного хотя бы освободить – и я вытащил мальчика», – она, Светлана, сразу после этого тогда сказала такие слова, что «он определенных заложников освобождает»... Еврейский мальчик. И я в той программе сказал: «На это передайте Светлане, что в тот момент у меня была возможность, дай Бог, одного вытащить! Конечно – из всех он там был единственный ребенок – я вытащил его!» Многие заложники были освобождены потом и так далее и так далее. Володя Яцина погиб. Я буду чувствовать это всегда... И вот, после этой передачи, которая прошла по НТВ, эту передачу смотрели и в Израиле, нашу программу смотрела Дина Фаиль, мама этого мальчика, и она позвонила мне и сказала – сын не смотрел эту передачу, но ему рассказали, что «ты получил свободу, а другой человек погиб», и в общем-то если бы был освобожден этот человек, может ты бы остался на его месте. – То есть как бы ты получил свободу за счет жизни другого. И вот мама Володи Фаиля мне позвонила... Когда сын находился в заложниках, она была сама кротость, а здесь сказала: «Я подам в суд на НТВ! Что мой сын должен чувствовать, что он освобожден благодаря другому человеку, который погиб! Как он должен чувствовать себя?!» – Я ей сказал: «Вы можете делать все, что вы хотите, подавать в суд и так далее и так далее. Но, зная ту ситуацию 99-го года, сложнейшую ситуацию, когда никто не занимался заложниками... Была возможность вытащить ребенка, я вытащил ребенка – кто-то был освобож-

ден, кто-то погиб, ваш сын, мальчик, ребенок, остался живой. Поступайте, как хотите». Я не помню какие слова еще я ей говорил... Она мне сказала: «Хорошо, что я с вами поговорила, это меня успокоило». Это было года три-четыре назад.

Это был не единственный израильский заложник, которого мне пришлось освобождать. Среди тех заложников, которых мне пришлось освобождать, также были граждане Украины, был прапорщик КГБ Белоруссии... Тот человек, который помогал мне, звали его Башир Додов, он из села Пседах, он работал на золотых приисках в Якутии, он умер в прошлом году, он был моложе меня. Он помог в освобождении очень многих людей. Но тогда я занимался его сестрой, женщиной, ее мужем, муж тоже был убит здесь в Москве, через день после убийства Анны Политковской. Судьбы очень печальные...

«Ты майор, а я генерал...»

Еще один случай мне хочется рассказать... Приходит ко мне чеченец (он мне потом много помогал, даже помимо материальной помощи, даже беженцам из Чечни, которые находились в Тверской области, в поселке Сербрянники, ровно в половине расстояния от Москвы до Санкт-Петербурга. Я десятки раз на машине туда ездил от «Новой», десятки раз возил гуманитарную помощь. Деньги доставал. – Многие бывшие, которые мне помогали, и потом помогали по-разному). Обратился ко мне чеченец, его родной брат находился под следствием, и он пришел ко мне не один, а с офицером ФСБ (этот офицер мне тоже потом помог). Скажу, что и по разговору этот офицер был очень адекватным и нормальным человеком. Они пришли в «Новую» и сказали, что солдат Алексей Новиков, это было где-то в октябре месяце, в октябре 99-го года, что сержант внутренних войск Алексей Новиков, из Татарии или из Башкирии, – он участвовал в операции в Дагестане, в Новолакском районе Дагестана, был ранен, боевики его взяли в плен, и его ноге грозит гангрена (он сейчас тоже хромот, ходит с костылем), он погибнет, если ты его не вытащишь...

Это мне говорил не только чеченец, но и офицер ФСБ действующий. Юра Щекочихин был рядом. Я говорю этому чеченцу: «Я вытащу твоего брата». (Я вытащил его через несколько лет.) Этого сержантика мы должны были спасти. Юра же Щекочихин мне сказал на это: «Ты не поедешь в

Чечню!» – А моя семья тогда находилась в Израиле, другую семью тогда я еще не завел, только в 2002 году. (Я не мог рисковать кем-то ради этой работы, пока занимался этой работой.) И вот никто – ни в редакции, ни в армии, нигде никогда обо мне не заботился. Впервые обо мне побеспокоился Юра Щекочихин. Сказал: «Ты не поедешь!» – А я все организовал, дал гарантии этому человеку, заставил его самого поехать туда, в Чечню. Причем к полковому командиру, которого знал, Талусу Багураеву. (Он погиб сейчас, я его знал с первой чеченской.) Юра же, Щекочихин, мне говорит: «Нет, ты не поедешь!» – Конечно, я мог наплевать на его слова и так далее, но его беспокойство за меня, вот это было очень... Он побеспокоился обо мне, мне сказал: «Ты майор, а я генерал. Ты должен меня слушаться, ты не поедешь в Дагестан». И вместо меня, вот, послали к этим чеченцам на встречу Влада Максимова, сотрудника «Новой» (он приезжал ко мне, когда я служил в Чечне).

Он должен был ждать в Ингушетии, пока его не переправят в Чечню. Через командование, через первое лицо, а тогда операцией антитеррористической в Чечне в 99-м году, руководило МВД, генерал Овчинников (я знал его *лично*, с первой кампании, и могу сказать о нем только хорошие слова. Он был генерал-майором, командующим внутренними войсками, а сейчас он генерал-полковник), Максимова переправили в Чечню, он взял в больнице раненого у боевиков, Алексея Новикова, и переправился с ним в Ингушетию... Алексей Новиков сейчас жив и здоровствует (я его не видел, только материал о нем тогда написал). Родственник же того чеченца вышел, через два годика. Но всегда, когда приезжал в «Новую» тот чеченец, он всегда улыбался мне, всегда относился хорошо. И когда я ему говорил: «Гуманитарную помощь везу беженцам в Тверскую область, в Серебрянники. Мешок риса, мешок муки – от тебя!» Он (а он занимался каким-то бизнесом) говорил: «Хорошо – доставлю».

«Террорист» и другие

В 91-м году, когда Ельцин впервые объявил о чрезвычайном положении в Чечне, в знак протеста был угнан самолет в Турцию. Руководил же этой группой угонщиков именно Саид-Магомед Саттуев (он был гражданским летчиком в свое время), и в эту команду из трех человек входил Шамиль Басаев, это его первый террористический акт, но не

он был руководителем (руководил фактически Саттуев), он был одним из членов.

Эти люди, «боевики», их облик был не такой, как по телевизору показывали. Тот же Салман Радугев, он был не таким, как телевизионный облик «Салман Радугев». Ну абсолютно он был не таким, не таким крутым! Как относились к нему подчиненные – некоторые его посылали просто, когда я с ними встречался. То есть многое из того, что он делал, я видел, он делал на свою публику, на публику – но на свою. Рассчитанное на чеченцев, не для русских. А для русских создавался другой образ – вот, «ужасного террориста» и так далее. Но я не увидел в нем такого «террориста», как только этот человек начал говорить...

Они были разные. Тот же Доку Умаров, я встречался с ним. И первое, что сказал мне Доку Умаров, о тогдашнем лидере, президенте Ичкерии, что если Масхадов пойдет на переговоры с Россией, я первым пушу ему пулю в лоб. Это было сказано в доме Доку Умарова, в Октябрьском районе Грозного, в сентябре 97-го года, когда он был секретарем Совета безопасности Ичкерии назначен. И совсем другой – облик Магомед Саттуева. Человек этот, я бывал в его доме, даже оставался ночевать у него в доме, – фактически человек этот был террористом, он так и сказал мне: «Когда жена открывает дверь нашего двора, дома, ты скажи «я от Террориста» – у него кличка была Террорист. – Она поймет сразу от кого». «Я – террорист» – так он характеризовал себя с улыбкой. В доме ничего такого не было, даже не было еды, чтобы, допустим, гостя накормить – я был в его доме. У соседей они занимали деньги, чтобы накормить гостя. И он стеснялся, если что-то брал, то стесняется. Это было видно по нему. Такой был человек, и трудно было представить, что это он руководил угоном самолета в Турцию в 91-м. Саид-Магомед Саттуев. Он был решительный, рассказывал мне, какое влияние имел на Дудаева, когда Дудаев сомневался, как он говорил, «ты должен это! ты должен!» – он резко говорит. Но в плане материальных каких-то моментов, этот человек не был... Он мог получить большие материальные дивиденды за свою деятельность. Но это было на десятом и более месте у него, материальное. На первом месте было духовное, именно политическое. И когда Саид-Магомед Саттуев – я был в военной форме, 96-й год, начало осени, – когда он узнал о моей миссии, о том, что командованием мне поставлена задача нахождения мест захоронения и оказание помощи по освобождению заложников, он мне сказал такие слова, я эти

слова всегда буду помнить. Он мне сказал: «Твоя миссия, твоя работа, твоя задача очень благородная. Спасти людей. И выполнять эту задачу будут мешать и чеченцы, ичкерийцы, и русские, в том числе военные, в том числе силовики. Они будут мешать, но вот твоя звезда, – он показывает на звездное небо, ночь. – Твоя миссия очень благородная, ты не бойся, ты иди за своей звездой... И ничего с тобой не будет, ты должен идти, ты не должен обращать внимание на опасности. Ты сильнее этого». Он мне так сказал. Такие были его слова: «Ты должен идти за этим».

Впоследствии, через год, когда я приезжал в Грозный, я виделся с Саид-Магомедом Саттуевым – у него были какие-то свои дела, как-то случайно мы виделись, и так далее и так далее. Всегда эти встречи были по-доброму, с этим фактически «террористом номер один в Чечне», как о нем пресса тогда писала. Чеченская пресса его воспринимала как героя. Но он никакие дивиденды материальные не брал «как герой». Были люди, которые брали – Шамиль Басаев, Радугев, – но для него это материальное не было главным. Если он тогда угнал самолет в Турцию, это важно было для него – как протест, как защита своего народа прежде всего. Вот так я воспринимал Саттуева... Он был невысокого роста, ненамного выше меня, но очень лобастый, очень коренастый, производил впечатление очень сильного физически человека. Я помню его руки: очень сильные руки, наверное две моих руки в ладонь помещались. Не случайно этот человек сидел за штурвалом самолета... Жена у него была, русская, и дочка. В 2000 году я встретился с его дочерью в «Новой» – они пришли ко мне, дочь и сестра Саид-Магомеда, чтобы рассказать, кем он мог быть взят, когда российские войска вошли в Грозный... Среди этих людей были русские, среди этих людей были чеченцы. Они над ним издевались, пытали его. И скорей всего, они его... Дочь и сестра просили, чтобы хоть как-то я выяснил его судьбу, и через своих людей, включая и людей из ФСБ, я пытался это выяснить. По моей информации, Саттуева убили... Но вот то, что он говорил мне тогда: «держись своей звезды и не бойся ничего!» Это были слова, сказанные им, «террористом», мы называли его Террорист, – то есть разные были те люди, с которыми я встречался, которых называли «боевиками».

*

Например, в Аргуне, это было в 96-м году, меня познакомили с одним человеком (познакомил меня, слава Богу, один из руководителей боевиков), сказали мне, что у него погибла вся семья. Вся семья его погибла. Это был высокий, сильный человек, и у меня естественно возникло какое-то к нему сочувствие. Мы обнялись по-чеченски, и я попытался задержать вот этот порыв свой, движение тела, но я почувствовал исходящий от него холод, по отношению даже ко мне. По отношению ко мне. И я даже почувствовал, что как бы он не особенно был рад этому такому подходу, как бы такому обниманию, близости по-чеченски. То есть разное я встречал. Один боевик, боевичок молодой, который во время боевых действий, когда я был в Старопромысловском районе Грозного – я поехал от руководства разведбата и ФСБ, при нем находящемся, да, поехал к боевикам за ранеными и убитыми российскими солдатами, – тогда меня окружили боевики и они мне указали на парнишку лет шестнадцати и сказали: «У него всех людей, всех родственников убили». И такой холод от этого парнишки не исходил, он так как бы головой мотнул – да, подтверждая, что он вынужден тут быть, ему некуда деваться – он с боевиками, он тоже с оружием в руках.

*

Ведь пострадали от нашего участия многие люди, в том числе и те, кто фактически поддерживал Россию, поддерживал ее руководство. Эти люди тоже пострадали. С Урус-Мартана ребята, которые работали в чеченских, не в ичкерийских, а именно в *чеченских* правоохранительных органах, в период, когда там был Завгаев, – их братьев зверски убили, причем засунули их в канализационный люк, убили и трупы спустили в канализационный люк. Оттуда потом их вытаскивали...

Другой урус-мартанский человек, Сулейман Баприев его фамилия. Он руководил отделом культуры в Урус-Мартане, а в советское время был одним из первых кооператоров в районе. – Его брат был убит и тоже был сброшен в канализационный люк. Но Сулейман Баприев не стал мстить. Вот Умаровы, когда я с ними встречался, они мне говорили, что уже из-за позиции родственников они готовы были идти и убивать, убивать за это русских, которые пришли на

их землю, которые убили их братьев... А Сулейман Баприев был *другой* человек. И именно ему, находясь у него дома в Урус-Мартане, я тогда читал стихи – «Поэму причастности» Наума Коржавина прочитал ему. Находясь в его доме. И эта история его брата, которого он фактически нашел в канализационном люке. Убитым... Убитым и спущенным туда, хотя он абсолютно никакого отношения не имел к боевикам.

История Сулеймана Баприева и его родных, его сына, тоже трагична. Я встретился с Сулейманом в тот период, когда еще не занимался освобождением заложников, и так получилось, что я поехал к нему в Урус-Мартан один, никаких военных не было со мной. Тот день на Ханкале у меня был свободный, это был выходной, точнее, воскресный день – а прикрывал мое отсутствие замкомандира бригады 205-ой Мурад Тлюстен, два ордена Красной звезды у него было за Афганистан. Мы были очень близки с ним тогда в Чечне. Он прикрывал меня и ему я говорил всю правду. Дай мне эти сутки, я сказал, а в понедельник я буду на разводе. К восьми часам – вовремя, как я и обещал – Сулейман Баприев отправил меня назад на машине. За рулем был его сын. Через буквально несколько дней он погиб в автокатастрофе. Через несколько дней после того, как он доставил меня на Ханкалу. Он был сотрудник правоохранительных органов Чечни.

просьба Мурада

Коли я вспомнил замкомандира бригады Мурада Тлюстена, то должен буду рассказать эту историю. Началась она где-то зимой, где-то в феврале 96-го года. Сообщили о том, что в комендатуру на Ханкале доставлена девушка, молоденькая, 18-19 лет ей. Сообщалось, что она была изнасилована российскими солдатами на блокпосту. Мама у нее русская, отец – чеченец. Ну, они развелись. Мама уехала в Дагестан, в Кизляр, отец исчез куда-то, погиб что ли или умер. И ее воспитывала с малолетства бабушка-чеченка. Конечно, она была воспитана соответственно, восприняла все эти обычаи, жила во всех этих обычаях. Бабушка умерла, и она осталась одна, и вот ее на блокпосту изнасиловали российские солдаты. Я только слышал о девушке, которую изнасиловали, а Мураду Тлюстену, он был и комендантом на Ханкале – не комендантом, а, как назвать, начальником, – пришлось с этим делом долго разбираться: с февраля прошел март, апрель, май, июнь, июль месяц. И вот, он мне сказал, что ему предстоит ехать

в отпуск и просил меня побеспокоиться о девочке, как раз о той, которая была изнасилована на блокпосту. Оказывается, все эти месяцы она жила у Тлюстена в вагончике. Он мне сказал: «У нее нет никаких документов. Документы надо делать в Грозном. Ты уезжаешь тогда-то и тогда-то – надо ее сфотографировать, сделать ей паспорт и отправить ее к матери, в Кизляр». Он уехал в отпуск, я был в его вагончике, увидел эту девушку и сделал все, что просил меня Тлюстен. Я взял ее – ну, как, на паспорт нужны фотографии, я должен выехать с ней в Грозный, и я вывез ее в Грозный на бэтээре, причем она была одета в камуфлированную форму. Но не буду же я ее в камуфлированной форме фотографировать на паспорт в таком виде! Что делать, к кому обратиться? Около фотоателье в Грозном, это было на улице Ленина, я подошел к одной женщине и сказал вот так и так, ей надо сфотографироваться, не могли бы вы ей на время дать одежду. – Эта женщина от меня только шарахнулась, но вот так я подходил на улице к разным женщинам – одна согласилась. И она пошла в фотоателье, та надела ее одежду, и она сфотографировалась на паспорт. Больше мне ничего не надо было. Я отвез ее в Ханкалу. В этот же день я получил ее фотографию, и отвез в Октябрьский район в Грозный. Пришел к начальнику райотдела МВД (потом он был замминистра начальника внутренних дел в Чечне) и сказал: «Мне нужно так, чтобы сегодня же, завтра же сделали паспорт». Он говорит: «Надо сначала проверить...» и так далее и так далее. А у меня были какие-то деньги от зарплаты, я ему дал: «Надо сейчас!» Говорю: «Что тебе еще надо – патроны, гранаты, все я тебе привезу». Он: «Пулемет бы...». «Э, – говорю, – пулемет я украсть не могу, а патроны и гранаты я тебе привезу в большом количестве, сколько тебе надо». Привез я ему несколько гранат, патронов, диски эти, цинки... Он сделал мне паспорт для этой девочки. Потом – это уже конец июля – я должен просьбу Мурада Тлюстена дальше выполнить. Он не раз меня прикрывал, и не только поэтому, а просто из сочувствия к этой девочке... Ее мама жила в Кизляре. Просто отправить ее одну – это значит... Я дал ей на дорогу денег, чтобы доехать до Кизляра, но должен был быть кто-то, кто ее посадит на автобус. Кого попросить?

А на Дальнем Востоке у меня был офицер, Арзуманов Жигарав. Он был из Дагестана, аварец, жена – русская. Потом, раньше, чем я уехал с Дальнего Востока, он был переведен в другую часть, в Россию, а в середине 80-х был направлен в Чечню, был командиром части в Грозном, около

15-го городка. (И когда уже я был в Афганистане, то один раз, в 86-м, в отпуске посетил Жигарава, ночевал у них.) И вот, у него была уничтожена его квартира, он находился тогда на Ханкале, уже на пенсии он был. И как раз его сына, который был водителем, я и попросил посадить девушку эту на автобус. Я поручил это его сыну, и он это сделал... Но сейчас хочу остановиться еще на одной истории, потому что считаю ее очень важной.

случай Ади Шарона

Уже три года тогда моя жена первая и девочка были в Израиле. В 95-м году они уехали в Израиль, к бабушке, а в октябре уже был приказ о моем командировании в Чечню. И три года, с 95-го по 98-й, я не мог их.... Рапорты я писал командующему, и в Московский округ – и все равно они терялись. Я понял: пока я в погонах, повидать я их не смогу. 4-5 июня 98-го года я снял наконец погоны и в августе месяце приехал в Израиль... Когда я с дочерью расставался, ей было около 15 лет, в декабре исполнилось 15, а теперь было уже под 18, она училась в последнем классе школы. Да...

Главный редактор, Муратов, тогда мне сказал: «Только не оставайся в Израиле!» Как я мог остаться в Израиле? Во-первых, я занимался освобождением заложников, а во-вторых, у меня куча была дел... я обязан был многим и многим людям, которые мне помогали, и был обязан еще и людям, у которых я брал заложников, а их родственники еще находились в тюрьмах России. В том числе тот человек, о котором я рассказывал, чеченец-милиционер, ограбивший турка. – У его родственников, еще до своей поездки в Израиль, я получил Поклонского, а сам он оставался в тюрьме. Короче, мысли мои – те две недели, что я был в Израиле – были постоянно об этом, постоянно о Чечне. Я не мог никуда уехать надолго, потому что профессионально я должен был... я ездил постоянно туда, я был там, я профессионально не мог отлучиться. Не мог не заниматься этим делом. И перерыв в две недели тоже был очень большим.

Но сколько было можно! Три года я не видел своей семьи. Я приехал в Израиль и меня попросили выступить по израильскому телевидению. Я выступил, рассказал о своей работе и сразу начали приходить звонки – еще я не уехал из Израиля – от людей, которые были в заложниках. Об одной девочке – 18 лет ей только исполнилось, перед армией

она хотела посетить свою бабушку в Нальчике. (бабушка, русская, она оставалась в Нальчике, а девочка эта была в Израиле), посетить своих друзей. Она приехала в Нальчик и стала заложницей. Это были странные очень обстоятельства... О Володе Фаиле... Емельянцевым я тоже должен был заниматься. И в заложниках также оказался Ади Шарон. Он вообще не знал по-русски, мальчик, ему было 12 лет. Вот о нем я более подробно расскажу, как я вышел на эту историю – не сам, эти люди все вышли на меня и попросили заняться этим делом.

С чего началась эта история? Я знал, что в заложниках находится израильский мальчик Ади Шарон. (Мама у него была европейская еврейка. А отец был грузинский еврей из Тбилиси. И когда мальчику исполнилось четыре годика, мама умерла. От чего – я не знаю.) И вот на меня вышла его бабушка, то есть мать мамы. Она вышла на меня в Израиле по телефону. И говорит: вот так и так. «Иосиф Шарон – отец этого мальчика, его звали Иосиф, – он что-то от меня скрывает. Мальчик находится в заложниках». И так я узнал подробности от бабушки Ади Шарона. Приехав в Москву – она дала мне телефон Иосифа, – я сразу вышел на него, Иосиф пришел ко мне в «Новую». Это было где-то после моей второй поездки в Израиль, в сентябре–начале октября 99-го, уже шли бои в Чечне. И вот он рассказал мне такую историю.

Он приехал из Израйля в Москву и занимался бизнесом. И занимался он бизнесом – он же грузинский еврей – с кавказцами. И мальчик – жены же его уже не было в живых, умерла, когда ему было 4 годика, а сейчас ему 12, – мальчик был очень привязан к отцу. И на летние каникулы, он взял сына с собой в Москву (они снимали квартиру на Кутузовском проспекте). Отец и сын Шароны – Иосиф и Ади. И это было – я как сейчас помню дату – 23 августа. И у них уже был билет на завтрашний день в Израиль – мальчик улетал в школу. Уже был билет. И вот когда они вошли в подъезд (а это 23 августа 99-го года, уже шли бои в Дагестане, уже начиналась вторая чеченская), – заходят Иосиф Шарон вместе с сыном Ади в подъезд своего дома на Кутузовском, и их останавливают люди. Немножко было затемнено в подъезде, лица он плохо видел людей. (Я у него узнавал: «Что это были за люди – кавказцы?» Он сказал, что да, кавказцы. И акцент был кавказский...) Они сказали, приставили к голове пистолет и сказали: «Будешь кричать – убьем сына. Все делай спокойно». И они взяли – это в Москве, повто-

ряю, и где: в центре, на Кутузовском проспекте! – они взяли Ади Шарона, мальчика, и взяли Иосифа Шарона, отца. Он с ними перешел на другую сторону улицы, посадили его в машину – он не помнит, не знает номеров машины – на заднее сиденье, не привязаны они были. С ними сели похитители, машина долго крутилась по Москве и области, до самого вечера. (Это было уже вечером, но еще было светло – в 6 часов вечера в августе еще светло.) Они выехали в Подмоскowie, куда именно – он не знает, потом находились в одном доме – в доме, не в квартире. Их с мальчиком разделили: Иосиф Шарон находился в одной комнате, а мальчик – в другой. И через день-два, взяв только Иосифа, они долго ехали и выпустили его, сказав при этом: «Мы ошиблись, мы думали похитить другого человека. Мальчика мы привезем потом. Сначала тебя. Его через день-два». То есть Иосифа Шарона привезли во двор и сказали: «Иди домой! К вечеру мальчик тоже будет дома».

Иосиф Шарон никуда не обращается, он ждет звонка. Звонок был через несколько часов, поздно ночью. Ему сказали: «С тебя 5 миллионов долларов за мальчика. Мы отпустили тебя, ты должен добыть нам 5 млн. И тогда получишь мальчика». Опять, Шарон не обращается в органы, даже в посольство, хотя в посольстве Израиля есть и военный, и полицейский атташе. Он не обращается в посольство. Он пытается удовлетворить просьбу этих людей. И это длится очень долго...

Всего Иосиф Шарон заплатил боевикам 53 тыс. долларов. Но мальчика не получил – они просили 5 млн. (называли разные цифры, но в конце концов остановились на 5 млн). После того, как он отдал 53 тыс. долларов и не получил обратно мальчика, Иосиф обратился-таки к полицейскому атташе Израиля. Только в октябре месяце. И уже полицейский атташе Израиля обратился в МВД России. Московский РУБОП занялся этим делом – Ади Шароном. А в Московском РУБОПе дело было поручено Денису Швыдкину (его отец был исполняющим обязанности начальника ГУВД Москвы после генерала Куликова. Потом стал Пронин). Капитан Швыдкин из РУБОПа Центрального округа на Шаболовке начинает работать по Ади Шарону. Денис, молодой человек, несколько раз встречается с Иосифом Шароном, отцом, ему говорит: «Купи мне мобильный телефон» – и тот покупает ему мобильный телефон; «У меня машина такая вот, купи мне машину другую» – и тот покупает ему машину. – Все

это мне Иосиф рассказывал и говорил: «Не делай ему плохо. Не пиши о нем». (И я не писал о нем, пока не был освобожден мальчик.) И все это узнав, я сказал Иосифу: «Тобой, твоими проблемами и проблемами мальчика должны заниматься другие люди». Я взял Иосифа, как говорится, «за ручку» и отвел его в Главное управление по борьбе с организованной преступностью, то есть к тем людям, с которыми я постоянно работал. Они мне говорят: «Ой, мы его давно уже ищем! Хорошо, что ты к нам его привел». И дело было поручено команде Сунцова, руководителя этнического отдела в ГУБОПе, и мальчиком потом занимались люди уже Сунцова: Лошкарев Владимир Николаевич, Яковлев... Т.е. формально делом занимался Швыдкин, Шаболовский, московский РУБОП, но также им занимался и ГУБОП, главное управление по борьбе с организованной преступностью.

Я сказал тогда Иосифу: «Ты должен мне говорить! – хотя обычно я не выпрашивал у заложников, у родителей их ничего, то есть поток информации был односторонний, она исходила от них, никогда не исходила от меня. Я не узнавал, у кого есть деньги, я не запрашивал деньги. Но Иосифу Шарону я тогда сказал: «Ты должен мне говорить все, что они делают. Все! Каждый шаг». И вот, боевики звонят Иосифу, говорят: мы поедем туда-то и возьмем мальчика. Иосиф Шарон говорит: «Вы мальчика брали летом, в одной рубашонке. Сейчас уже осень. Я куплю ему куртку и свитер». (Это было сказано еще до того, как я отвел его в ГУБОП. Когда дело еще вел Швыдкин. И это было сказано по команде Швыдкина: ты передаешь посредникам и боевикам свитер и куртку, а мы отслеживаем этого боевика)...

И Иосиф Шарон передал эту куртку и этот свитер. – Эту передачу свитера и куртки сотрудники Швыдкина и другие сотрудники московского РУБОПа должны были отследить. Посредник действительно едет в Ингушетию (тогда рейсов на Грозный не было). Летит в Ингушетию. И они по своим каналам проверили, он же проходит через таможню – куртки и свитера нет у него, у этого посредника! И через неделю, когда Иосиф Шарон встречается опять с посредником, он говорит, что «вы могли бы сделать мне фотографию мальчика в куртке и свитере». И посредники приносят ему кассету, где мальчик в куртке и свитере, которые передал Иосиф Шарон! – То есть они отследили человека, которому он передал, тот действительно уезжал в Ингушетию, но куртки и свитера при себе не имел. А на фотографии мальчик в

куртке и свитере, которые передал ему отец, Иосиф Шарон... И вот после этого я отвел его в ГУПОБ.

Но еще одна очень важная деталь. Очень важная деталь. Дело в том, что боевики снимали мальчика, не делая сами фото, на пленку, на кассету. И когда они снимали, они нечаянно сфотографировали одного из охраняющих мальчика. Случайно. То есть фотография этого человека тоже и в ГУБОПе имелась, и у меня. (Я ГУБОПу дал и у себя оставил.) – Человек курит и смотрит в потолок. Фотография этого похитителя. И он не чеченской, а именно славянской внешности. Теперь, я даю команду своим людям в Чечне, чтобы проверить, чтобы найти этого мальчика, и все команды без исключения, даже те, кто был в родственных отношениях с Бараевым, они мне говорят, что нет такого мальчика в Чечне! Тогда мы начинаем искать не в Чечне. Мы понимаем, что этот мальчик не находится в Чечне, не находится в Ингушетии, он находится где-то в России, его не отвозили в Чечню...

А похитители людей звонят Иосифу Шарону и говорят: смотри в такой-то телефонной будке в Москве – мы отрезали мальчику палец, и заспиртованный палец ты найдешь в такой-то телефонной будке. Иосиф звонит Швыдкину – это было ночью, около 12 ночи – Швыдкин говорит, вот его ответ: «Ну, хорошо, я утром поеду туда, сейчас я не хочу ехать». Я говорю Иосифу – он позвонил мне: «Не надо к нему обращаться! В ГУБОП обращайся, к Казимиру Баташеву и Яковлеву». И они ночью поехали, и в той будке нашли заспиртованный палец мальчика. Один и второй раз они ездили...

Через некоторое время похитители отрезали второй пальчик мальчику – те 5 миллионов долларов, что они запросили у отца, у Иосифа, он недобрал. Я хочу сказать... мальчик просидел, Ади Шарон просидел в заложниках 10 месяцев. Он мог найтись, его могли отыскать гораздо быстрее, если бы отец не вел такую игру. Не вел игру – что-то говорил мне и работникам ГУБОПа, что-то говорил похитителям. Он вел двойную игру. Посредники и так далее – они все были известны, все были понятны. Нужно было работать по цепи, заниматься этим серьезно, история эта продолжалась 10 месяцев. С августа 99-го мальчик находился в заложниках 10 месяцев в подвале. Он не мог – когда его освободили – даже самостоятельно передвигаться. Он не видел белого света все эти десять месяцев. Он шурился от света, он плакал, он не мог передвигаться. Он похудел и так

далее и так далее. Он не мог самостоятельно ходить, его выносили на руках, когда его освободили. Он находился там до июня 2000 года. К делу были подключены сотрудники правоохранительных органов России, чеченцы в том числе – Саид-Салим Бациев, представитель шариатской безопасности Чечни при МВД России... Вот, Саид-Салим Бациев работал тоже с губоповцами, и последнее слово было за ним. Последнее слово в сфере отслеживания тех людей и так далее. И из подвала мальчика выносил именно Саид-Салим Бациев на своих руках. Мальчика, который десять месяцев не видел света белого...

Вот так, можно сказать, закончилась эта довольно мучительная, я считаю, история... Иосиф Шарон сказал мне, что уезжает в Израиль с мальчиком, с ребенком, на самолете МВД России, и отвозил мальчика лично Рушайло, тогда министр МВД России. Лично он. Ади и Иосиф Шарон уезжали в самолете Рушайло из Москвы в Израиль. Вот так, десять месяцев продолжалась эта история, закончилась она счастливо, показывали этого мальчика по телевизору. С тех пор, я не имел никаких отношений с Иосифом Шароном (хотя знаю, что сотрудники правоохранительных органов, которые работали по нему, определенные отношения имели. Даже материальные). Больше с Иосифом Шароном я не встречался... А судьбу мальчика, дальнейшую судьбу, я отслеживал. Мальчик вырос, сейчас он взрослый человек, которому 23 года. Показывали мальчика по телевизору, год или два назад. Он играет в оркестре, у него хороший голос, в Израиле.

Я впоследствии написал о всех фигурантах этого дела, о всех тех тринадцати людях, которые были арестованы по делу о похищении этого мальчика. Из 13 человек семью было русских, шестеро было чеченцев. Из чеченцев трое были братья, Витаевы. Но пальцы мальчику отрезал не чеченец, а русский – из Пензы. (И сам мальчик находился в Пензе, его вывезли в Пензу.) Причем этот человек сам имел детей. двух или трех маленьких детей. И он отрезал пальцы мальчику. Такая была эта история.

Почему Иосиф Шарон вел эту двойную игру? Непонятно – недовольство высказывали сотрудники правоохранительных органов. После освобождения мальчика мне было очень неинтересно его обо всем этом расспрашивать. Мне это было ненужно, я занимался уже другими заложниками, не было времени...

4 момента...

Емельянцева тоже освободили... Емельянцев (в Израиле он жил недалеко от моей мамы, в Ашдаде) находился в заложниках около 2 лет, он мне рассказывал свою историю. Было объявлено – в том числе и по телевидению – что такой-то заложник освобожден, и действительно, где-то в 98-м году он был освобожден, действительно, он находился в правоохранительных органах Ичкерии и, действительно, они объявили об освобождении заложника, но... Был такой полевой командир, руководитель спецназа Ичкерии Али Итаев. И вот, сидит заложник, сидят работники правоохранительных органов Ичкерии и заходит Али Итаев, руководитель спецназа Ичкерии, тогда близкий, кстати, к Масхадову. Он достает свой пистолет и говорит: «Убейте меня, если вы мужчины, или отдайте мне этого заложника. Он – *мой*». И заложник перешел к Али Итаеву. Впоследствии, в 98-м году, он был убит – Али Итаев был убит, и заложник перешел к его людям, находился у них до 99-го года, до того, как наши войска вошли в Чечню. Там была целая группа заложников, их вывезли в горы, но потом тем, кто за них отвечал, боевикам, охранникам, им уже было не до заложников, им уже было до себя. Они уже брили бороды, а заложники находились в школе. И один человек из них был послан к главе администрации села... Вот так они были освобождены, эти ребята, в том числе и Емельянцев. Когда он после своего освобождения был у меня в «Новой», вместе с женой, он это рассказывал, что было, – я его не спрашивал, он сам сидел, рассказывал.

*

Среди тех, кого мне приводилось вывозить из Чечни был Санкт-петербургский правозащитник Антуан Аракелян. Он был помощником Галины Васильевны Старовойтовой, правозащитник до мозга костей. Он находился в заложниках три месяца, в Комсомольском, вместе с ним сидел и чеченский мальчик. Ну, ему как-то удалось освободиться, дали бежать – он убежал и потом пришел в Грозный к Шамилю Басаеву, чтобы попасть в антитеррористический центр... Сотрудники антитеррористического центра там в Грозном связались со мной, когда я был в Москве, сказали мне, если ты не заберешь его... Этот ненормальный, сказали они мне, если ты его сейчас не заберешь, завтра его возьмут те, кто

его похищал, он нам не нужен. Забери его, завтра, скорее всего, его убьют. Те, кто его похищал... И я забрал Антуана Аракеляна. Он часто бывает у меня в газете. Раньше, когда он наносил визиты в Москву, то заезжал ко мне. С ним я также бывал потом и на Северном Кавказе. И вот, в 2003 году, когда выборы были первые Ахмада Кадырова, президента Чечни, Антуан вместе с правозащитниками поехал в Чечню. Заехали они в Комсомольское, стоят – Антуан Аракелян не знает чеченский язык, но чеченский язык знал один из тех, кто был с ним тогда. А рядом двое чеченцев-милиционеров, они в камуфлированной форме, с оружием, переговариваются. Один другому: «Слушай, по-моему, этого человека мы охраняли, он был у нас в заложниках». Другой говорит: «Да ты что!» – В общем, этот человек, который это услышал, близкий нам, он увез Антуана оттуда, иначе Антуан мог бы погибнуть, причем уже в 2003 году, как бы вдогонку той истории, когда он находился в заложниках с сентября по декабрь 97-го года...

*

И еще одна история об одном заложнике по фамилии Шматко.

Их было два брата, по-моему, из Ростовской области, они занимались торговлей. Их похитили, одного из братьев убили в заложниках. Их мать мне звонит... А занимались им в основном люди из миротворческой миссии Лебеда – вернее, я, занимаясь им, попросил их о помощи, а они эту помощь тогда оказали. – Эта помощь была взаимная, то есть я, в свою очередь, отвечал за людей, по которым они работали, которые находились в тюрьме в России, в Москве: по двум чеченцам, занимавшимся боксом, которые постоянно «доили» одного предпринимателя с Дальнего Востока. Он на них написал впоследствии, и их арестовали, а я выступал в качестве общественного защитника на суде по их делу. Им дали одному 6, другому 7 лет. (Я сказал тогда: «Это отличные результаты! Мы добились хорошего результата!») Через некоторое время они вышли из тюрьмы, отсидев там годика два. Вот... А они, миссия Лебеда, мне помогли вытащить Шматко. Я помню до сих пор голос матери, которой хоть одного сына, одного ребенка хотя бы вытащили...

*

Повторяю, не всегда было такое счастливое освобождение... Я помню Мишу Курносова, Владимира Яцину, которые погибли. По которым работал РУБОП, но я непосредственно занимался этими людьми, непосредственно занимался их освобождением. И вот, они погибли... Светлана Кузьмина, руководитель женского движения Самары, Виктор Петров, самарский журналист. Они находились в заложниках более двух лет, а с ними находился в заложниках московский правозащитник – Александр Терентьев, погибший в плену. Ему было бы сейчас уже 70 лет. (Его отцу, когда я встречался с ним несколько лет назад, было 88 лет, он фронтовик.) С ними также находился Брис Флотье, француз. (Я рассказывал о том, как правоохранительные органы, ФСБ и МВД, соперничали между собой в деле по освобождению Бриса Флотье. (Он находился в заложниках с сентября-октября 99-го года по апрель 2000 года, и Ширак тогда попросил Путина особо поспособствовать его освобождению.) И как рады, до чертиков, были сотрудники МВД, что они опередили ребят из ФСБ. Первое – как потом, вспоминая, пишет Брис Флотье, – первое, что крикнул тот человек, который его освободил, было: «Мы опередили ФСБ!» И он хлопнул при этом в ладоши...)

А Брис Флотье через год после своего освобождения, только-только вышла книга его воспоминаний, он покончил с собой.

ни А ни В,.. но С

Мне приходилось заниматься не только заложниками, но и гуманитарной помощью, людьми, которые так или иначе пострадали в Чечне. Параллельно разные люди, в разных поездках выходили на меня и мне приходилось ими заниматься, в том числе, вот, Инной Василец. Ей было около 15 лет в 96-м году. В августе месяце, когда боевики напали на Грозный (а она была грозненская вместе с мамой со своей – мама ее была учительницей в Грозном и была воспитанницей детского дома. Никого из родственников вообще у них нет. У мамы нет, и у нее нет. Девочка была для нее все), – они и их соседи из нескольких домов, чеченцы, русские, во дворе дома – лето же было – они все по очереди готовили себе еду. И вот очередь дошла до Инны Василец, и когда эта девочка готовила еду, снаряд упал во дворе, и девочка получила многочисленные ранения. Ее вывезли потом – чеченец, кстати,

вывозил – из Чечни под боевиками. (В Моздок, по-моему.) Ей сделали операцию, она лежала в больнице, в госпитале. Врачи спасли одну ногу, а другую, фактически, надо было ампутировать – не работали нервные окончания, она просто опиралась на эту ногу, нога была неживой. И вот, мама Инны Василец, она работала на одном из вокзалов, по-моему, на Курском, вышла на меня, пришла и рассказала эту историю. Я написал об Инне, встретился с ней в больнице в Москве. И среди тех из наших читателей, кто отозвался, кто помогал Инне, был один небогатый предприниматель, сейчас не помню его фамилии. Он устроил Инну в больницу, она лежала в больнице, в санатории. Были и другие, Инне Василец постоянно оказывали помощь, она лечилась...

Прошло несколько лет (это продолжалось где-то с 99-го или 2000 года), и где-то в 2003 году мама Инны звонит мне и со слезами в голосе говорит, что Инна заразилась гепатитом С. (Я знал еще по Афганистану – гепатит А и гепатит В. Но гепатит С, тогда, 20 лет назад, он назывался «гепатит ни А ни В», – он почти неизлечим, он хронический. И больной впоследствии получает осложнения – у него развивается рак и прочее.) И вот, для лечения нужны были большие средства. Конечно, мы такую помощь оказать не могли. Но в тот период, в 2003 году, начиная с 2002 года, я занимался одним делом вместе с «Врачами без границ»: был похищен голландец Арьян Эркель, из миссии «Врачей без границ» в Дагестане. И по просьбе «Врачей без границ» я занимался им – занимался очень плотно, многократно встречался с работниками миссии, вылетал в Дагестан, несколько раз встречался руководством силовых структур республики (с республиканским министром внутренних дел). И так далее и так далее. Именно по этому делу. В общем, я знал все: где находится Эркель (его держали в селе Балахани (недалеко от более известного села Гимры в Унцукульском районе Дагестана) – горная, очень горная, местность, ужасные дороги: я ездил туда несколько раз), кто причастен к его похищению (один депутат парламента Дагестана, криминальный. Он погиб, был убит в 2008 году). По его освобождению проводилась целая антитеррористическая операция... Т.е. я занимался вплотную Арьяном Эркелем, даже общался с родственниками, знал все детали и всю эту информацию передавал «Врачам без границ». И вот, как-то, еще до освобождения Арьяна Эркеля, я сказал руководителю этой миссии, что одна есть девочка, русская, которая получила ранение в

Чечне и, фактически, она без ноги и заразилась гепатитом С, и что нужно несколько тысяч долларов, чтобы ее излечить. Я попросил какую-то помощь ей, адресную. И хотя «Врачи без границ» занимались большими вещами: больницами, госпиталями, отвозили им помощь медицинскую, – руководитель миссии оказал помощь этой девочке, и действительно ей привезли на годы вперед всю необходимую медицинскую помощь, все необходимые медицинские препараты. И мать ее счастливая мне звонила, и девочка счастливая. И я был очень благодарен за это «Врачам без границ» и просто счастлив тому, что Арьян Эркель был освобожден. Его похитили в августе 2002 года, освобожден он был в апреле 2004 года. 20 месяцев он находился в заложниках. Но такая, в общем, счастливая получилась история.

«Меня – не освобождать...»

Я рассказывал о том, какое было мое психологическое состояние в начале, и какое было мое психологическое состояние потом, и почему была уверенность всегда, никогда не было такого состояния, позиции кролика, чтобы я смотрел на них, на похитителей, как на удавов. Никогда не было такой позиции. И если б у меня проявились такие бы нотки, жалостливые к самому себе, – сам бы я оказался в яме... Вот, сутки я их должен переиграть – тех, кто похищает людей, и у меня была уверенность, что, чтобы они ни делали, я их переиграю. Сутки я мог держать себя – сутки, самое большое двое. Больше – нет. Поэтому были ситуации, когда я брал одного-двух человек, а у меня была возможность еще по одному делу сработать и взять больше, но я ограничивался этими двумя... С этими, с другими могло произойти что-то, но на них требовалось еще время, а это время я мог просто психологически не продержаться. Я был уже другим человеком. За сутки, за двое, пока они полностью, все их внимание – ко мне, пока они не смотрят на меня как на будущего заложника, пока они смотрят на меня как на кумира, который может решить их вопрос... А через некоторое время они будут смотреть на меня по-другому. Я расслаблюсь. Они увидят, как я сплю, как я ем. Они увидят, что я обычный человек, и когда они увидят во мне обычного человека, они скажут: «Это – наш заложник. За него дадут!»

И еще скажу, что у главреда «Новой» уже перед моей *первой* поездкой в Чечню, в редакции я оставил свою записку: Если я попаду в заложники, меня – не освобождать. Это моя задача. *Меня не освобождать за деньги.* Иначе я полностью потеряю свою квалификацию, я должен найти какие-то способы *сам* выходить из этого положения.

То есть, вот так...

От редакции:

Вячеслав Яковлевич ИЗМАЙЛОВ – военный обозреватель «Новой газеты». Автор многочисленных статей на военные и правовые темы, касающиеся чеченских компаний и того, что происходит в республике после войны, «переговорщик». Измайлов прошел Афганистан, работал на призывном пункте – с войной в Чечне согласиться не мог и призывать на нее молодых не хотел. Отправился в Чечню – не воевать, а спасать. Не платя ни копейки выкупа, в период с 1996 по 2001 г. освободил более 170 похищенных. Стал писать для «Новой газеты» о действиях властей, «федералов» и «местных», о войне. (<http://slowar.tv>)

Настоящее издание: «Путеводитель переговорщика (майор Измайлов, verbatim)» подготовлено на материалах интервью, проведенных редакцией letterra.org с В.Я. Измайловым в декабре 2009–феврале 2010 г.

В издании также использованы выдержки из интервью редакции с Э.Н. Горюхиной (08.04.2010).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Полковник Бенчарский, verbatim (VI.2010)

Дело Комиссии

Насколько показательна была ситуация с Комиссией для оценки ситуации по всей стране? – Над этим вопросом мы не задумывались тогда, так его не ставили...

Впервые страна узнала о том, что у нас есть пленные, из программы «Взгляд», ее сюжета из Чечни, 22.02.96 – тогда была озвучена цифра 600-700 человек пленных и пропавших без вести. Хотя статистика та была неполной, на деле их было больше тысячи... Но впервые тогда страна о такой вещи вообще узнала. И к нам потянулись и местное население с просьбами – помогите наших разыскать. Кое-кого нам разыскать удавалось, но... как сказать, судьба их была трагичной...

А что касается страны – это было понятно и так, без Комиссии, что с нами творится...

Вообще же за то время, когда я был там как представитель Министерства обороны, в мою бытность начальником отдела розыска, мы освободили где-то 73 или 74 человека. Потом, когда мы уже работали группой, только до моего ухода удалось освободить 353 человека. В Комиссии по освобождению я работал год – с 96-го по 97-й. Без вести пропавшими же тогда числилось более 1000 человек, где-то 1200 – практически, полк. Из них живыми тогда реально было человек 300-400. Остальные были мертвыми. Их нужно было только найти... В земле.

И 1200 человек – это только по 1-й кампании. Во вторую кампанию, наверное, было меньше, но наверняка мы цифр не знаем – уже никакой статистики не велось... В этом отношении 2-я кампания была жестче, жесточе. А сама Комиссия, хотя формально функционировала, но – сменилось руководство, и она фактически, на месте, на Кавказе, не работала. У них не было ни средств, ничего...

У Роберта Рождественского есть замечательные строки, написанные им незадолго до его кончины:

«Тихо летят паутинные нити/ Солнце горит на оконном стекле/ Что-то я сделал не так – извините/ я жил впервые на этой земле». И в том, что мы делали там с Вячеславом Яковлевичем, тоже, может быть, многое было не так, что-то не получилось. Мы – как могли, так и работали. Но другие и этого не сделали. В том и заключалась проблема – альтернативы нашей работе НЕ БЫЛО. Никто не хотел заниматься этим делом. Т.е. если что – твою «нишу» никто бы не заполнил... Пожалуйста! Беритесь! – но никто...

Первое освобождение (январь 96-го, Шатой)

Если же говорить о моем первом освобождении, то это был обыкновенный рядовой случай – никакого опыта у меня тогда еще не было... Представители ФСБ мне говорят: на нас вышли с предложением поменять одного боевика, который был задержан и находился на Ханкале, на военнослужащих блокпоста, которые были захвачены в декабре в Шатое – весь блокпост тогда был взят, по дураости, по пьянству, и их сменщики тоже оказались в плену, всего 31 человек. Я доложил тогда командующему, генералу Тихомирову, сказал – так и так, мы везем на обмен боевика, а там... – Не меньше, чем на десять человек! – он мне говорит. И это приказ, не могу не выполнить...

Из тех четверых, кого держали тогда в Ханкале, этот был точно боевик, он приехал из Казахстана, взяли его в бою под Шатоем. Когда я начал разговаривать с ними, с каждым по отдельности, и с ним в частности беседовал, то он заплакал... сказал, что у него осталась жена и маленькая дочка. Но я ему не мог сказать «мы тебя сейчас поменяем», хотя знал об этом, потому что – кто его знает, вдруг сорвется. Надежду человеку дашь... Но я думал, что все будет нормально.

Забрали мы этого боевика – повезли в Шатой. А там был временно дислоцирован 245-й полк. Командира полка я фамилию уже не помню, а его заместителем был Сергей Цыганенко – впоследствии он стал заместителем командира 42-й дивизии, а тогда был замполитом полка. И в принципе, они сделали там абсолютно все, всю подготовительную работу по обмену: через местное духовенство наладили связь с этими боевиками, все было договорено-обговорено... И вот,

уже накануне идет совещание, и командир ставит задачу – поскольку место обмена уже было определено, – он ставит задачу артиллеристам: поставить на прямую наводку орудия, танки ... чтобы в случае чего, уж черт с ним, чтоб и мы не мучались, и боевиков вместе с нами...

Доехав до определенного места, наше сопровождение, разведчики там, нас оставили, дальше мы едем на МТЛБ впартером: я, Цыганенко, механик-водитель и еще двое – было обговорено, что при обмене будут присутствовать по пять человек и с нашей стороны, и со стороны боевиков. Приехали мы на этот пятачок, место встречи, а день такой был – солнце, снег искрит... Подъезжаем мы, только поворот сделали – там с одной стороны – обрыв, с другой – гора, и здесь – плато небольшое, – и в это время с гор посыпались... боевики, человек 30, не меньше, их было.

Я еще не осознавал опасности. Нас остановили, естественно, мы начали вылазить, и вдруг, я смотрю – уже гранатометчик наш МТЛБ держит на прицеле. Тут я начал немного соображать – куда-то мы не туда заехали. А мы вдвоем с Цыганенко, никакого оружия у нас нет. У Сергея – трость, он ногу повредил тогда, а у меня в кармане есть граната, Ф-1, – это когда мы с Ханкалы улетали, кто-то из моих ребят мне дал. Граната-то есть, но... запал – в другом кармане.

И вот, мы вышли, подходит к нам этот Таус и еще один. Таус Багураев (он погиб потом, на второй кампании) – он свободно разговаривал по-русски, у него было высшее образование, а второй вообще по-русски не знал. И что-то они между собой по-своему ругались-ругались очень долго, потом Таус снова к нам подходит, наехал на нас, дескать, не будете вы ходить по нашей земле, по нашим дорогам, по нашим тропам. Я ему: да не надо мне ходить по вашим тропам – спокойно говорю. Ну никакого, совершенно, беспокойства нет.

И тут, почему-то, какой-то УАЗик спускается с горы, задом потихонечку сдает, спокойно откидывается задний тент, а там – пулемет, РПК. Пока мы с Сергеем смотрели на этот подъезжающий УАЗик, Таус и другой отошли в сторону и мы оказались на краю. Стоим мы вдвоем, позади нас – пропасть (ну, не пропасть – глубокий овраг с речушкой там внизу), перед нами – пулемет, а за ним двое: один – точно чеченец, а другой – в маске, но с угадываемыми славянскими чертами лица – целятся в нас. Я понимаю, что сделать ничего нельзя. Что я даже не успею в карман залезть, чтобы достать эту гранату. Тут у меня появилась какая-то дур-

ная мысль: а успею я увидеть когда пуля вылетит из ствола или не успею?

В этот момент Сергей говорит: «Таус, ты же обещал, что никаких провокаций не будет. – А никаких и не будет». Что-то они, боевики, опять между собой ругаются, мулла тоже вступился, сказал по-русски: «Если будешь стрелять – стреляй и по мне, ставь вместе с ними!» Еще они какое-то время ругались-ругались, но напряжение спало потихоньку – хотя пот холодный у меня на лбу успел выступить, – команду дали, и УАЗик отъехал. Таус подошел, сказал – ладно, теперь давайте производить обмен. Говорит: «Обмениваем одного на одного! А троих я вам просто дарю...» Но это мы уже и раньше знали, это было обговорено. И хотя командующий мне сказал: меньше десяти не бери! – ведь, с другой стороны, это были жизни людей! С самим командующим связи нет, я принимаю решение, беру ответственность на себя – мы соглашаемся.

Мы достаем своего хлопца, который, правда, не очень уверенно себя чувствовал. Он поднимается, а вокруг этот слепящий снег, солнце, – он говорит по-своему: «Я ничего не вижу». Они его приняли, между собой о чем-то переговорили, отдают нам наших четверых. Мы подписали им бумагу, что взяли своих живыми-здоровыми, без синяков – с них, единственно, при обмене форму камуфлированную сняли, заменили на гражданское. А так, видно было, что в плену с ними нормально обращались – заставляли только вместе с ними работать, дрова рубить, да заборы какие-то строить; издевательств там никаких не было. Там местные жители сказали – не дай бог! Не дай бог, чтобы хоть один волосок упал с головы этих русских – мы вам головы посрываем! Они не хотели ввязываться ни в какие боевые действия, боялись, что будут нанесены какие-то бомбовые удары и т.д.

Ну, всё – мы все довольны, бумаги подписали, всё. Тут подходит Таус: «Полковник! Вы кого нам привезли? Лучше бы вы его расстреляли! Как я его повезу в селение? А там же еще ваши! Как я его покажу жителям местным! Вы видели, что с ним сделали? Как же так! Я ведь вам отдаю нормальных!.. – А у этого боевика там наши, видимо, пытались добыть какие-то сведения – хотя, что он мог сказать? – и к нему было применено физическое насилие. Он был уже никакой. И, к сожалению, где-то через неделю умер. «Ну как же так!» Я говорю: Таус, я только представитель Министерства обороны по обмену...

Но он, Багураев, все-таки с пониманием отнесся, подписали мы бумаги, обменялись. Они забрали своего, мы забрали своих – уехали. Добрались до места – все обрадовались, что хотя бы четверых этих освободили. Такой был наш первый опыт.

Прибыл с докладом к командующему, Тихомирову. Он мне: «Как ты смел поехать сам! – Поехал, чтобы объективно доложить ситуацию. – Почему не десять взяли? – Наставляли бы на десятерых, все бы там остались...» Но после этого у нас было нормальное взаимопонимание. По ситуации с пленными, что сделано, что планирую делать, я каждый день докладывал командующему лично.

Хотя с планированием как раз было сложно. При том, что подобных провокаций, как в первом моем случае обмена, больше не повторялось, но и переговорного процесса как такового не было, нам было не с кем еще разговаривать особенно. Ведь они все разрозненно действовали, разные группировки. Поэтому тот первый случай с обмененным боевиком, который умер через неделю, – информация о нем передавалась, конечно, дошла до многих, и она могла бы вообще поставить на переговорах крест, но на такие переговоры-то пацанов старались не посылать, посылали людей с жизненным опытом, образованием, уже за 30, которые относились с пониманием...

А из взятых с шатойского блокпоста удалось спасти еще только четверых. Остальные, по несчастью, погибли все. В том числе контрактники.

«Разные ситуации:

Чири-Юрт и Старый Ачхой, февраль-март 96-го»

Где-то в километре от поселка Чири-Юрт был цементный завод – до войны директором, или замдиректора, там был Резван Лорсанов, чисто пророссийски настроенный человек, его убили потом, во вторую кампанию – очень многих из тех, кто хотел остановить войну, убивали уже только поэтому. Кому-то были неинтересны такие люди, война должна была продолжаться.

Так вот, приезжаем мы в Чири-Юрт. Селение, городочек не-большой, с пятиэтажками для рабочих – в полном порядке, ни одной бомбы, снаряда не упало, хотя близлежащий цементный завод, где держались укрепленные позиции боевиков,

был полностью разрушен. Народ видел, конечно, эту разницу. И вот в этом Чири-Юрте в детском садике содержались 8 наших пленных, или заложников. Относились к ним неплохо, особо не угнетали – им даже разрешили с мамами жить. Они работали, подметали там где-то что... Приехали мы туда, с замполитом 424-го полка – нас не ждали. Заходим к ним, в помещение, где пленные спят – стоит там мешок муки, мешок риса, телевизор, хоть плохонький, но есть. Но атмосфера была напряженная все-таки между этими людьми, родителями, сыновьями. Накинулись они на меня: когда их освободят? – а что я могу сделать! Мы поговорили с начальником охраны, и так получилось, что мы приперли его чуть-чуть к стенке. Но он тоже: Я не могу ничего решать без Масхадова, сам могу думать по-другому, но должен выполнять приказы – Масхадов даст команду – тогда...

Ну, ладно. По возвращении я доложил Тихомирову: так и так, условия содержания нормальные, но это все-таки тюрьма... Проходит дня три-четыре, мне звонят: Встречайте на площадке освобожденных пленных. Прихожу – точно, они. Что сделал Шаманов – он вызвал в Старые Атаги главу администрации, старейшин и сказал: Я вам даю 2 часа. Если через два часа здесь не будет пленников, которые содержатся у вас в здании детсада, от вашего Чири-Юрта не останется ничего – видите, стоят на прямой наводке артиллерия, танки... Все, разговор закончен!.. – Через два часа они их привезли.

Но когда таким же образом попытались решить ситуацию в Старом Ачхое – этого сделать не удалось. Там в подвале школы держали пленных – были многие и из взятых с шатойского блок-поста. Держали их в условиях очень жестких: охрана, была там пара садистов из беглых солдат, каждый день выбирала кого-то в жертву и избивала по-черному, день за днем, пока человек не умирал: если слабый – то через день-два, если сильный – через неделю, – потом принимались за другого. Оттуда каким-то образом освободилось два человека, один из них был с Приморья, мальчишка. Говорили, что «сбежали», но сбежать оттуда было невозможно, скорее всего – мама выкупила, не говорили как. Назвали мне фамилию прапорщика Ложкина, сказали: «Они» взяли за него, если вы его не освободите – он неделю продержится, не больше... К несчастью, его убили, силовыми методами – я тогда доложил командованию, была проведена спецоперация – ничего не удалось сделать.

Т. е. в каждом случае надо было искать особый подход... А что касается тех двух садистов, одного из них Окружнов была фамилия, их судьба была печальной – они потом бежали, боевики помогли им уехать, на Дальний Восток, но их и там нашли, вернули, стали разбираться, но в КПЗ в тюрьме во Владикавказе их местные заключенные порешили – видимо, информация проскользнула, и примерно такими же методами, как они с другими обращались, их самих кончили.

О психологии «лучше погибнуть...» (август 96-го)

Уже накануне начала переговоров Лебеда, когда война закончилась, дезертировали из одной военной части во Владикавказе около 20 человек. Когда переговоры начались, я этот вопрос поднял. Мне сказали – “Ради бога. Вот тебе машина, вот тебе водитель. Они сидят в Старых Атагах. Езжай и один на один с ними разговаривай. Захотят уйти – мы отдадим тебе всех. Захотят двое – двоих, пятеро – пятерых. Но силой их мы не заставим. Захотят остаться – останутся”. Поехал я в эти Старые Атаги. Один, с водителем и сопровождающим чеченцем с оружием. Была, конечно, такая мысль – сейчас увезут куда-нибудь в Гойское, и ведь никуда ж не денешься! Но привезли, правда. Солдатики были собраны – в школьном классе. Они, я и больше никого. Пришла, правда, еще оператор телевидения, снимала.

Я с ними переговаривал. Они сказали: «Мы уйдем, только если будут наши родители. Нам жизни в полку не будет. Если нас не убили здесь, то убьют там». Я им: «Ребята, я вам гарантирую, что сейчас вы вернетесь на Ханкалу, а оттуда – директива будет – уедете в разные места службы. Это я вам обеспечу. А насчет родителей... Вот скажи – спрашиваю одного, – сколько твоя мама зарабатывает? – Она не работает. – Вот где, скажи, она возьмет денег, чтобы сюда приехать? Объясни мне. А так ты уедешь за государственный счет...» И многие были склонны согласиться со мной. Что я их сейчас забираю и везу на Ханкалу, что в полк они не попадают. Но там, видимо, был такой мощный внутригрупповой настрой против... Они все притихли, но не поехали... И, по несчастью, конечно, как всегда, кончилось все это плохо. Часть из них погибла, другая – освобождена, именно не отпущена, но освобождена, как я и говорил им об этом.

В "Новой газете"

С Э.Н.Горюхиной в Дагестане

Чечня, февраль 96-го

Чечня, июль 96-го

*группа пострадавших (случай Кузьминой-Петрова)
(Прозоров, июль-июль 99 г.)*

С. С. Сидоров. Абрам-Лексис после задержания

На обмене...
(крайний справа — полковник В. Пелипенко)

Освобожденный

~~~~~  
**LETTERRA.ORG**

**014**  
~~~~~

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПЕРЕГОВОРЩИКА

(майор Измайлов, verbatim)

М.: проект letterra.org, 2010.

Редакторская подготовка – издательство «Логос» (Москва)

Корректурa – А. Кефал

Оформление обложки, верстка – LETTERRA

Электронная версия издания: **www.letterra.org**

ISBN 978-5-8163-0088-9 (серия letterra.org: 014)

e.mail: letterra@gmail.com

Подписано в печать 15.11.10 г.

(Пост/советское)

letterra.org_014

майор измайлов, verbatim

letterra.org_015

перри андерсон_две революции

(Искусство репортажа)

letterra.org_023

ян синклер _олимпийское кидалово

(off-university)

letterra.org_033

штраусс/кожев/киттлер_«искусство письма»

(goût de vie)

letterra.org_043

герберт голд_«мессия вернулся на гаити...»

(Словарь войны)

letterra.org_051

«slowar: словарь войны (версия.01)»

letterra.org_052

«good war / хорошая война»

letterra.org_053

«война. свидетельские показания»